Д. МОРДОВЦЕВ

ПОЕЗДКА К ПИРАМИДАМ

Р 59/254

GD 59
254

234.

ПОѢЗДКА

КЪ

ПИРАМИДАМЪ

Д. Л. Мордовцева

Нов. 20
35 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обухов. м., д. № 93
1881

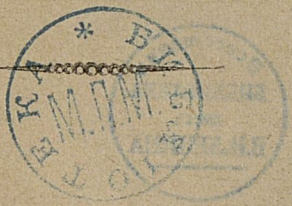
J 254

ПОѢЗДКА

КЪ

ПИРАМИДАМЪ

Д. Л. Мордовцева



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обухов. м., д. № 93.
1881.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В.И.ЛЕНИНА
4590-0

ПОѢЗДКА КЪ ПИРАМИДАМЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

		стран.
Глава	I. Отъ Петербурга до Одессы.	1.
„	II. Одесса и еврейскій погромъ.	13
„	III. На Черномъ морѣ	26
„	IV. Босфоръ и Константинополь.	39
„	V. Въ гостяхъ у троянцевъ.	55
„	VI. На родинѣ Гомера	66.
„	VII. Архипелагомъ. Мимо Патмоса. Разсказъ о гибели парохода „Корниловъ“	82.
„	VIII. Въ столицѣ Клеопатры	96.
„	IX. Дельта Нила до Каира	111.
„	X. Въ Каирѣ	125.
„	XI. Предварительное--заочное знакомство съ пирамидами.	141.
„	XII. На вершинѣ пирамиды Хеопса.	157.
„	XIII. «Пирамида, еще пирамида, и еще, и еще!». . . .	165.
„	XIV. Возвращеніе въ Александрію и отплытіе въ Палестину.	177.

На разсвѣтѣ послѣдняго дня показались пирамиды, какъ два синіе холма на горизонтѣ степей. Сильно потрясъ душу видъ этихъ дивныхъ могилъ древней славы Египта, наполняющихъ его и вселенную громкимъ своимъ именемъ и какъ неодолимый магнитъ привлекающихъ столько любопытныхъ. И мною овладѣло живое нетерпѣніе приблизиться къ ихъ громадѣ, когда послѣ раздѣленія двухъ вѣтвей Нила, идущихъ въ Розетту и Даміетту, открылась мнѣ новая великолѣпная картина—Каиръ.

Муравьевъ (1830 г.).

Послѣ Вардана, на западномъ берегу Нила, видно рѣзкое сочетаніе песковъ Ливіи съ чернымъ тукомъ Нила; во многихъ мѣстахъ одерживаетъ побѣду пустыня, и ея видъ необозримъ. Вскорѣ оба берега дѣлаются пусты: кой-гдѣ стада верблюдовъ бродили по дикому берегу, но только что мы начали огибать островокъ, который лежитъ противъ Ашмуна—намъ открылись пирамиды!... Тутъ я потерялъ изъ виду все другое... Взглядъ на сіи чудесныя громады внушаетъ какую-то гордость человѣку—до какой степени онъ могущъ, что дѣла рукъ его, ненавидимыя стихіями, существуютъ съ младенческихъ вѣковъ земли. Если какой нибудь земной памятникъ можетъ говоритъ о нетлѣніи, то это пирамиды!

Норовъ (1835 г.).

I.

Отъ Петербурга до Одессы.

Подъ тяжелыми, гнетущими впечатлѣніями оставилъ я Петербургъ, чтобы немного передохнуть, успокоиться, забыться на чужбинѣ, далеко отъ родины, чтобы хоть на время не видѣть и не слышать того, что въ ней тогда совершалось горькаго и печальнаго. Читатель, конечно, самъ помнитъ эти впечатлѣнія и быть можетъ припомнитъ ихъ также и изъ моимъ писемъ, печатавшихся въ «Недѣлѣ» до и послѣ 1-го марта.

Я задумалъ ѣхать на далекій Востокъ, въ Африку, къ пирамидамъ, подъ знойное египетское солнце, на многоводный Нилъ, въ страну сфинксовъ и гигантскихъ пальмъ, въ отечество фараоновъ, Птолемеевъ, Клеопатры и крокодиловъ, гдѣ когда-то евреи томились за такъ-называемой «египетской работой»; а оттуда, изъподъ пирамидъ, я рѣшилъ пробраться туда, куда евреи ушли изъ плѣна египетскаго,—въ «обѣтованную землю», въ Палестину, въ священный Іерусалимъ, чтобы тамъ, на мѣстѣ, сорвать для себя поэтическую «вѣтку Палестины», чтобы побродить подъ жаркимъ, совсѣмъ не петербургскимъ солнцемъ—подъ солнцемъ Іудеи и Самаріи, помыкаться по «поморію тирскому и сидонскому», по берегамъ Іордана и Мертваго моря, побродить своими ногами по той землѣ, которую исходили и освятили босыя ноги Спасителя и его учениковъ, топтавшія эту землю тоже не подъ отрадными впечатлѣніями своихъ «дней плача и скорби».

Летучими впечатлѣніями этихъ-то странствій своихъ я и намѣренъ подѣлиться съ читателемъ. Пусть только онъ не ждетъ отъ моихъ случайныхъ набросковъ ничего, кромѣ этихъ самыхъ бѣглыхъ, нестройныхъ, отрывочныхъ набросковъ и штриховъ— набросковъ тупою муловкою, мѣломъ, углемъ, наносившихся на что-попало большею частью на палубѣ пароходовъ, на ютѣ, подъ шумъ машины и винта и подъ свистъ вѣтра въ снастяхъ, а отчасти набрасывавшихся на клочки бумаги въ вагонахъ, подъ стукъ паровозныхъ колесъ и подъ свистъ локомотива, ибо я все время былъ въ дорогѣ—на пароходѣ и въ вагонѣ, верхомъ на конѣ или на осликѣ, въ дилижансѣ и на лодкѣ — и нигдѣ не жилъ долго, а все ѣздилъ да смотрѣлъ, передумывалъ да переживалъ то, что видѣлъ, и тутъ же заносилъ въ свою карманную книжку, лишь бы не думать о томъ, что тамъ у насъ, на родинѣ, въ далекой, несчастной, но дорогой Россіи.

Если же читатель желаетъ узнать обстоятельныя свѣдѣнія о странахъ, которыя я посѣтилъ, желаетъ читать ихъ «описанія», то пусть читаетъ ихъ въ особыхъ книгахъ, которыя такъ и называются «описаніями».

Я выѣхалъ изъ Петербурга 5-го мая. Читатель помнитъ, что это было за-время: графъ Лорисъ-Меликовъ выходилъ въ отставку; оставлялъ свой постъ министръ финансовъ Абаза; ожидались большія перемѣны въ высшей администраціи.

Я сѣлъ въ вагонъ съ нѣкоторыми послѣдними нумерами петербургскихъ газетъ въ карманѣ и до самаго Египта, до Александріи, не видалъ и не читалъ ничего новаго.

Не до газетъ мнѣ было. Да и что хорошаго я могъ изъ нихъ вычитать? Отъ этого-то хорошаго я и бѣжалъ... Развѣ о разгромѣ евреевъ, о подъемѣ «русскаго духа» въ Елисаветградѣ, Кіевѣ и Одессѣ? Но я самъ туда ѣхалъ — ѣхалъ навстрѣчу этой русской «политической волнѣ». Что же еще я могъ вычитать? Локомотивъ именно уносилъ меня отъ русскихъ газетъ, отъ русскихъ политическихъ новостей, ибо я ѣхалъ если не опережая послѣднюю почту, то слѣдуя во главѣ ея, такъ такъ то, что она

везла, я уже прочиталъ въ дорогѣ между Петербургомъ и Гатчиною. А лучшаго я ничего не ожидалъ.

Повторяю—я бѣжалъ отъ газетъ: не до нихъ мнѣ было... Я слишкомъ усталъ, и нервы мои нуждались въ успокоеньѣ, а мысль—въ забытьѣ. Я думалъ найти это успокоенье и это забытье въ природѣ. Я къ природѣ бѣжалъ отъ газетъ—бѣжалъ къ зелени полей и лѣсовъ, къ голубому небу, къ жаркому солнцу юга отъ холоднаго петербургскаго солнца, къ бирюзовой волнѣ моря, туда, гдѣ это «море вѣчно плещетъ», но не на «пустынныя скалы» нашего юга, а на сыпучіе пески Египта, на берега «поморія тирскаго и сидонскаго».

Быстро промелькнули мимо оконъ вагона первыя станціи петербурго-варшавской желѣзной дороги, съ которой я началъ мое далекое странствіе. Въ окна вагона я искалъ природы, зелени и пока не находилъ еще ничего такого, чего-бы я не видѣлъ въ Петербургѣ: голыя, какъ прутья растрепаннаго вѣника, деревья, на которыхъ еще даже почка не созрѣла и не лопнула; голая, сѣрая земля, сквозь которую едва-едва пробилась первая травка,—но нѣтъ, это не первая травка весны, а несчастные насынки сѣверной природы, та именно обиженная солнцемъ травка, которая, выбившись изъ лемли уже осенью, была покрыта первымъ выпавшимъ снѣгомъ и, подъ его холоднымъ, мертвымъ покровомъ, продержалась до весны такою же мертвою и жалкою, какою застала ее мокрая осень и снѣжная зима; навозныя равнины, засѣянныя овощами, питающимися исключительно петербургскими экскрементами и имѣющими къ этой же осени опять превратиться въ навозъ, чтобы ростить новыя овощи и питать ими петербургское населеніе; болотныя равнины, въ которыхъ тонетъ и жалкая трава, и жалкое придорожное сѣверное дерево—и все вода, вода и вода; мертвая зелень сѣвернаго, сосноваго и еловаго лѣса, который никогда не бываетъ ни молодымъ, ни свѣжимъ, а вѣчно зеленъ и зимою и лѣтомъ, и подъ лучами солнца, и подъ саваномъ снѣга, не зная ни весны, ни весенняго разцвѣта — эта сѣверная елка, эмблема кабака, надъ которымъ она всегда торчитъ, и девизъ смерти, ибо по ея колючимъ вѣтвямъ провожаютъ покойниковъ къ ихъ вѣчному успокоенію,—вотъ все, что я видѣлъ вплоть до Гат-

чины изъ окна моего вагона. Тѣмъ, что было внутри вагона, я не былъ занятъ: все это я видѣлъ въ Петербургѣ и отъ всего этого бѣжалъ. Какой-то умный, ибо необыкновенно молчаливый офицеръ, именно потому полюбившійся мнѣ, что постоянно молчалъ, не заговаривая съ вами, не залѣзая вамъ въ душу; какой-то молодой, но безногій субъектъ, котораго, какъ видимо богатаго человѣка, провожала изъ Петербурга цѣлая арава такихъ же богатыхъ знакомыхъ и о которомъ горько, и конечно искренно, плакалъ одинъ только ребенокъ, повидимому, да и безъ сомнѣнія — его сынишка, скоро впрочемъ утѣшенный находчивою нанюшкою; двѣ барыни, подчивавшія одна другую апельсинами, да здоровый, массивный юноша, въ мундирѣ правовѣда, видимо, вслѣдствіе своей юности, хотѣвшій поболтать и обратившійся было къ молчаливому офицеру съ словами, что онъ уѣзжаетъ изъ Петербурга при «горестныхъ обстоятельствахъ» (смерть принца П. Г. Ольденбургскаго), но оборванный имъ на первыхъ же словахъ, что принцъ былъ уже не молодъ, но что умираютъ и пятнадцатилѣтніе,—вотъ кого я на первый разъ замѣтилъ въ вагонѣ.

Самъ я угрюмо молчалъ и глядѣлъ въ окно, совершенно не желая, чтобы кто-нибудь заговорилъ со мной. Я ужасно не люблю разговаривать дорогой: это обязываетъ васъ поддерживать разговоръ, никогда не интересный, мѣшаетъ вамъ думать о чемъ вы хотите: мѣшаетъ иногда сосредоточиться на воспоминаніяхъ, наконецъ просто мѣшаетъ глядѣть въ окно.

Уже за Гатчиной, когда поѣздъ остановился на нѣсколько минутъ въ Суйдѣ, я въ первый разъ услыхалъ жаворонка — признакъ весны. Глупая птичка поднималась къ сѣрому, хмурому небу и беззаботно пѣла, а внизу подъ нею, на землѣ, на такомъ-же сѣромъ, какъ небо, откосѣ, лежалъ мужикъ, завернувшись въ сѣрый зипунъ. Ему повидимому было холодно подъ этимъ весеннимъ небомъ и надрывающе-поющимъ жаворонкомъ... Весна, май, пора любви и счастья... развѣ только для воронъ, которыя и на снѣгу кладутъ яйца и грѣютъ ихъ собственнымъ тѣломъ... А насыпи, выемки, косогоры, взлобки и овражки все еще бѣлѣютъ снѣжкомъ— сѣрымъ и грязнымъ, какъ небо и земля...

Поѣздъ все стучитъ и несется все дальше и дальше къ югу.

А по сторонамъ все то же: торчитъ сѣрый лѣсъ, буквально торчитъ—словно голыя, большія розги... Да, по неисповѣдимымъ судьбамъ провидѣнія — все это еще пока розги... Межъ ними, какъ бѣлыя, большія свѣчи надъ покойникомъ, бѣлѣютъ стволы березокъ, и опять вездѣ—зеленые мертвецы, елки, напоминающія кабакъ и проводы покойника... Весна, а все думается о смерти... Все глупые нервы виною, да веселыя обстоятельства милой родины, изъ которой я бѣжалъ, куда глаза глядятъ...

У станцій—своя природа, казенная: подстриженныя подъ гребенку, словно рекруты, акаціи, напоминающія огромную половую щетку или тынъ.

Я даже овцамъ обрадовался, которыя бродили по полю недалеко отъ Луги. Давно я не видалъ овецъ, а если и видѣлъ, такъ не иначе какъ повѣшенными за ноги въ мясной лавкѣ или передъ Рождествомъ на Сѣнной вмѣстѣ съ телятами, которыхъ везутъ на убой, наваливъ полонъ возъ, а онѣ жалобно мычатъ или молча колотятся головами о перекладины и облучки—точно Россія.

Къ Лугѣ же подъѣзжая я замѣтилъ на насыпяхъ тюльпаны—первые настоящіе весенніе цвѣты. И вспомнились мнѣ евангельскіе «крины сельные».

За Лугой услыхалъ сороку и обрадовался ей, какъ мы радовались когда-то нѣкоему «вѣянію». Меня даже сорока утѣшала—все-же вѣяніе весны. Можетъ быть, она иногда строкочетъ... около Петербурга, да я-то не слыхалъ ея.

Далѣе мы ѣдемъ тою полосою русской земли, которая составляла нѣкогда часть территорій такъ-называемыхъ у Костомарова «сѣверно-русскихъ народоправствъ» или древнихъ русскихъ республикъ Новгорода и Пскова. Страшная бѣдность и какая-то какъ-бы опустошенность поражаютъ васъ при видѣ этихъ жалкихъ, полуразрушенныхъ деревенекъ, съ черными, точно обгорѣлыми избушками и ободранными, искривленными заборчиками, сарайчиками и хлѣвушками. Глухая, лѣсная сторона, обиліе, даже излишекъ лѣса кругомъ, а въ самыхъ деревенькахъ—хоть-бы огородикъ съ зеленью или садочекъ какъ въ Малороссіи, хоть-бы простое деревцо, ветелка, березка, которыя на югѣ такъ украшаютъ и оживляютъ самое бѣдное селеньице, хуторокъ, умётъ. Здѣсь—все голо, черно

и ободрано. И особенно кажется ненавистенъ здѣсь лѣсъ: его гонятъ отъ села какъ заразу, какъ что-то ненавистное, вредное. Да и неудивительно. Населеніе это жило когда-то въ лѣсахъ, какъ звѣрь, и отъ лѣса кормилось, и лѣсомъ дань платило кому подобало: векшу и веверицу на подати, бѣлку, зайца, волка и медвѣдя—на кормъ, мѣха и на свою одежу, лыки на лапти, лучину для освѣщенія, дрова, лѣсъ для избушекъ, хворостъ и молодую березу для «березовой каши» и для батоговъ, которыми этихъ лѣсовиковъ всегда «били нещадно»—все это давалъ этому лѣсному населенію лѣсъ. Одного онъ не давалъ ему—хлѣба, ибо лѣсъ заглушалъ всякое пахатное поле. И вотъ лѣсовикъ дѣлаетъ первый культурный шагъ, цивилизуется: онъ истребляетъ лѣсъ около своей избушки, около селенія, чтобы на этомъ клочкѣ отвоеванной у лѣса земли посѣять для себя четвертушку ржицы или овсеца... Посѣялъ, уродило самъ-три, а то и самъ-пятъ. А ненавистный лѣсъ опять лѣзетъ на эту отвоеванную у него землицу, пускаетъ лѣторосли на нивѣ, забирается во дворъ, въ сѣни, въ избушку, точно разбойникъ. И вотъ для лѣсовика лѣсъ становится непримиримымъ врагомъ—и онъ его истребляетъ.

Вотъ почему въ сѣверной, лѣсной полосѣ селенія стоятъ голыя, безъ зелени, безъ деревца кругомъ, безъ садика, безъ ветелки и безъ березки.

Глядя на эти черныя, ободранныя селеньица бывшихъ «сѣверно-русскихъ народоправствъ», невольно думается, что съ тѣхъ поръ, какъ князь Данило Холмскій разгромилъ рати «господина Великаго Новгорода» въ Шелонской битвѣ, и воины «собирателя русской земли», Ивана Васильевича III-го, дѣда Грознаго, опустошили, пожгли, «испротеряли въ конецъ» и «въ пустѣ положили» новгородскую и псковскую земли, — съ тѣхъ поръ они такъ и стоятъ не оправившись, не отстроившись, точно вчера только была Шелонская битва и вчера лишь увезли отъ нихъ въ Москву ихъ вѣчевые колокола и «вознесоша ихъ на колокольницю съ прочими колоколы звонити»...

Такое именно впечатлѣніе производитъ вся эта земля почти до Динабурга.

Невольно вспоминается тутъ безподобный стихъ безсмертнаго Мицкевича объ этомъ пустынно-лѣсномъ краѣ:

Kraina pusta, biała i odwarta,
Jak zgotowana dla pisania karta...

Да, это только «приготовленная для писанья бумага». А кто—спрашиваетъ поэтъ—будетъ писать на ней? Дьяволъ-ли начертитъ своимъ грубымъ пальцемъ судьбы этого бѣднаго края, начертитъ судьбы суровыя, горькія, или милосердый Богъ своимъ перстомъ напишетъ на этой бумагѣ миръ, добро и счастье?..

Дѣйствительно, это только приготовленная для письма бумага, carta biała, на которой еще неизвѣстно, что̀ начертаетъ будущее. Кругомъ—томительное однообразіе. Только на одной станціи, именно у Новоселья, вы замѣчаете странную оригинальность разыгравшейся фантазіи лѣсовика. Кругомъ его жалкихъ жилищъ—прорва лѣса. Лѣсъ этотъ надобится на желѣзныя дороги и для отопленія городовъ, уже сжегшихъ свой лѣсъ. Вездѣ вы видите около желѣзныхъ дорогъ горы нарубленныхъ и напиленныхъ дровъ, преимущественно въ формѣ кубовъ огромнаго размѣра и кубическихъ саженъ. Здѣсь, напротивъ, смѣлая фантазія лѣсовика пошла дальше. Онъ вздумалъ изъ тысячъ и десятковъ тысячъ саженъ нарубленныхъ и напиленныхъ имъ березовыхъ дровъ наметать гигантскіе стоги или скирды дровъ, какъ онъ наметываетъ стоги сѣна, а если его случайно посѣтилъ урожай хлѣба—то и стоги ржи или ячменя. И онъ мастерски наметалъ изъ дровъ эти величественные дровяные стоги, въ формѣ громадныхъ конусовъ или чудовищныхъ коническихъ пуль, какія мнѣ въ 1879 году привелось видѣть въ Крыму, въ Ѳеодосіи, въ мѣстномъ музеѣ: это тѣ чудовищныя пули, въ нѣсколько десятковъ, кажется, пудовъ вѣса, которыя любезный агличъ, Гоббартъ-паша, командовавшій въ послѣднюю турецкую войну флотомъ правовѣрныхъ, обязательно бросилъ съ турецкихъ мониторовъ въ Ѳеодосію и нѣкоторыми пулями попалъ въ музей, а одну влѣпилъ въ стѣну дома, принадлежащаго въ Ѳеодосіи нашему знаменитому маринисту Айвазовскому. Вотъ такой именно формы, только болѣе пузатыя, дровяныя, коническія пули въ нѣсколько саженъ вышиною, какія отлилъ нашъ лѣсовикъ

близъ станціи Новоселье. Можетъ быть, эти дровяныя гигантскія пули, напоминающія величиной пирамиду Хеопса, суть «знаменія времени»...

Въ эту ночь, во время слѣдованія поѣзда къ Динабургу, я въ первый разъ услышалъ соловья: сначала жаворонокъ, потомъ сорока, потомъ соловей... Такъ и должно быть. Съ этихъ мѣстъ начала уже показываться зелень и на деревьяхъ: мы все ближе и ближе подвигались къ солнцу. Петербургъ съ его политикой и «проклятыми вопросами» отходилъ все дальше и дальше: я забылъ уже Гайавату, оборвавшаго и ель, и березу, и лиственницу, и даже колючаго ёжика для своей лодки...

Утромъ 6-го мая мы уже проѣзжали Литву—мѣста, воспѣтыя чуднымъ стихомъ безсмертнаго Мицкевича — безсмертнаго болѣе, чѣмъ то, что онъ воспѣвалъ съ такою любовью и талантомъ,— безсмертнѣе милой, изящной «крулевщизны», прекраснаго «Конрада Валленрода», симпатичнѣйшаго литвина «пана Тадеуша» и многаго другого... И слава Богу! идея правды и должна быть безсмертнѣе всѣхъ преходящихъ формъ жизни—и «крулевщизны» и «моцарства»—и потому трикратъ безсмертны служители этой идеи.

Утреннее солнце было заслонено облаками, такими сплошными, плотными, словно прессованными, съ пурпурно-золотыми прорѣзями въ серединѣ, словно съ галунами и червонными жгутами, а выше этихъ прессованныхъ облаковъ — блѣдноватое, голубое, какое-то робко-голубое небо Литвы.

По сторонамъ, около живописныхъ селъ съ зеленью, съ вербами и пирамидальными тополями—это уже не новгородскія и не псковскія селенія, будто разоренныя еще княземъ Данилою Холмскимъ и ровно въ четыреста лѣтъ не успѣвшія вновь отстроиться—около этихъ живописныхъ селъ все чаще и чаще стали показываться торчащіе къ голубому небу, словно африканскія пальмы, огромные деревянные кресты съ орудіями истязаній Спасителя, съ «тростію» и «копіемъ», точно знаменія распятой народности, страны, «прободенной копіемъ въ ребра» и «напоенной оцтомъ», или знаменія распятыхъ историческихъ ошибокъ людей, правившихъ этою симпатичною страною.

Я думалъ надъ странною судьбою этой страны, машинально

наблюдая какое-то фантастическое, тройное и четверное движеніе въ окнахъ вагона мелькавшаго по сторонамъ лѣса: ближайшія къ дорогѣ сосны и березы сплошными рядами быстро мчатся назадъ, какъ-бы къ Петербургу, опережая слѣдующіе дальнѣйшіе ряды лѣса, двигающіеся назадъ медленнѣе, а за ними—дальнѣйшіе ряды еще медленнѣе, а тамъ далѣе—еще и еще... Это какое-то бѣгство лѣса и земли взапуски, вперегонку, какое-то неуловимое движеніе и перемѣщеніе предметовъ, на которое если смотрѣть долго, то голова закружится... Словно это движеніе взапуски, вперегонку не лѣса, а людей, странъ, народовъ: бѣжитъ Франція, опережая Англію и Австрію, Италія опережаетъ Испанію, Испанія Германію, Болгарія Турцію, Турція—Россію...

У Вилейки и Вильны уже настоящая весенняя зелень. Я ищу Вилію, Свитязь, Наревъ, вспоминаю Мицкевича и—юнаго поэта Минскаго, даровитаго еврейчика... А евреи на Виленской станціи такъ и сыпанули къ намъ въ вагоны. Бѣдные! они бѣгутъ въ большіе города прятаться отъ волны «русскаго духа», нахлынувшей на ихъ головы изъ Охотнаго ряда девятымъ валомъ...

Въ Вильнѣ, на станціи, добрый инженеръ Шульцъ, встрѣчавшій ѣхавшихъ изъ-за-границы къ похоронамъ принца П. Г. Ольденбургскаго принцевъ, узнавъ о моемъ намѣреніи посѣтить Палестину, сопровождаетъ меня теплымъ привѣтомъ и искреннимъ благословеніемъ-напутствіемъ, а я посылаю съ нимъ поклонъ противному, но милому Петербургу...

Въ Бѣлостокѣ вдругъ неожиданно, совершенно врасплохъ, меня беретъ приступомъ тотъ юноша-правовѣдъ, которому всю дорогу хотѣлось излить на кого-нибудь ушатъ своихъ мыслей и молодыхъ фантазій. И онъ ихъ излилъ на мою голову. Всю дорогу до этого пункта я упорно, точно украинскій волъ, молчалъ и глядѣлъ въ окно вагона. И вдругъ этотъ юноша-правовѣдъ подсидѣлъ меня: онъ мнѣ же назвалъ меня по имени, не зная самъ, что говоритъ со мною обо мнѣ же какъ о третьемъ лицѣ—и на этомъ совершенно неожиданномъ для меня qui pro quo сорвалъ съ меня и маску дикой несообщительности, и печать упрямаго украинскаго молчанія. Онъ оказался впрочемъ очень милымъ, много читавшимъ, замѣчательно развитымъ юношей. Съ этой минуты — прости мое

вагонное окно! Я уже не могъ глядѣть въ него. Пошелъ въ ходъ опять Петербургъ со всѣмъ его строчащимъ и ораторствующимъ людомъ: Бестужевъ-Рюминъ, Савваитовъ, Калачовъ, Костомаровъ, Пыпинъ, Грибоѣдовъ (и мертвецы въ ходъ пошли), Фонъ-Визинъ, Стасюлевичъ, Гильдебрандтъ, Гайдебуровъ, Шубинскій, и въ особенности всѣ гробокопатели и старьевщики—Прохоровъ, Самоквасовъ, Ивановскій, Кибальничъ, Поповскій... Икалось, конечно, и Таганцеву, и Градовскому, и Андреевскому, и Мартенсу, и Спасовичу, и Пахману, и Фойницкому...

А мнѣ такъ хотѣлось глядѣть въ окно! Начинался нашъ русскій югъ. День былъ уже не петербургскій, а польскій—жаркій, какъ объятія, въ которыя когда-то Польша заключила Литву. Аисты—милая птица! я ее потомъ встрѣтилъ и на берегахъ Нила—аисты чаще и чаще торчали на своихъ огромныхъ гнѣздахъ или бродили по лугамъ и нивамъ и, словно цензора своими красными карандашами пробираютъ нашу строчительную мудрость, пробирали своими длинными носами пресмыкающуюся мудрость—болотныхъ и луговыхъ змѣй.

Ночь за Брестъ-Литовскомъ полна голосовъ: цѣлыми артелями квакаютъ лягушки въ ближайшихъ прудахъ и болотахъ; отдѣльными голосами, точно утки, выкрикиваютъ земляныя жабы, напоминая мнѣ мою поѣздку въ Колхиду, на Ріонъ, въ Поти — лягушечье кричащее царство; всю ночь бьетъ въ травѣ перепелъ; его перекрикиваетъ на ближайшей поймѣ длинноногій и звонкоголосый коростель-дергачъ, звенятъ ночные полевые сверчки; соловей щелкаетъ и захлебывается въ экстазѣ птичьей любви и глупости, словно московскія газеты при наитіи «русскаго духа»... Это уже вторая ночь послѣ Петербурга:—о, русская земля! давно за шеломянемъ еси... Поневолѣ пришлось всю ночь прослушать эти весенніе голоса природы, ибо у насъ что-то испортилось въ локомотивѣ—не то въ котлѣ, не то въ машинѣ, и паровозъ долго и безполезно шипѣлъ, а везти поѣзда не могъ — и мы простояли въ «полѣ незнаемѣ» лишнихъ три часа, пока не пришелъ на помощь со станціи здоровый локомотивъ и не взялъ насъ на буксиръ. А ночь была уже не петербургская, а относительно-южная: это уже была не бѣлоглазая «вейка», не всенощная, бѣлобрысая, точно золотушная заря,

а ночь южной Литвы, отечества Острожскихъ, Вишневецкихъ, Киселей, Сапѣгъ, Сангушекъ.

Мелькнули утромъ Дубно, Ровное, Острогъ, Полонное... Вспомнилась «острожская библія», пришли на память бѣдные пасынки русскаго народа—раскольники.

А тутъ и новый еврейскій Іерусалимъ, столица русскаго еврейства—Бердичевъ. Вспомнился «Берне изъ Бердичева», писавшій въ пользу евреевъ. А вотъ ихъ бьютъ теперь. Евреевъ набралось въ Бердичевъ словно весной рыбы въ вершу. А охотнорядскіе ловцы этой рыбы не дремлютъ. Противъ нихъ, около Бердичева выстроился чуть-ли не цѣлый полкъ солдатиковъ.

Казатинъ и въ виду его знаменитый въ исторіи Украины, казачества и гайдамачества «Черный шляхъ». Прощай, историческая дорога! Тебя перерѣзываетъ теперь рельсовый путь и, словно паутина, протянуты черезъ тебя телеграфныя проволоки.

Здѣсь, въ виду своего красиваго «маентка», простился со мной милый юноша-правовѣдъ, неожиданно для меня осѣдлавшій верхомъ мое вниманіе и гарцовавшій на немъ вплоть до своего «фундушу» и за то обѣщавшій прислать мнѣ учиненный имъ переводъ на французскій языкъ «Недоросля».

Начинался рай земной—правобережная Украйна, нѣкогда, послѣ Хмельницкаго, бывшая «руиною» и воскресшая при батькѣ Палiѣ, погубленномъ «проклятою Мазепою». Что за чудный, роскошный край, что за восхитительная природа! Цвѣтущія поля, зеленѣющія нивы, утопающіе въ полномъ цвѣту садовъ Винница и Браиловъ, прелестныя левады съ вербами, очаровательные вишневые садочки около бѣлыхъ хатокъ и цѣлые роскошные, движущіеся, живые загоны цвѣтовъ—эти пестрѣющія «плахтами», «спидницами», «запасками», «стричками», «монистами» и цвѣтущими лицами украинки, съ мотыками на плечахъ возвращающіяся подъ-вечеръ въ свои цвѣтущія слободы съ свекловичныхъ плантацій, гдѣ онѣ подбивали и мотыжили будущій сахаръ—«буряки»... Это уже не сѣверъ, не псковская и не новгородская, ободранная на лапти и лучину земля.

Наступала ночь—теплая, тихая, южная. Прелестныя картины природы постепенно уходили изъ глазъ, прячась въ полумракѣ ночи, пока не наступилъ совершенный мракъ. По мѣрѣ приближенія къ

русскому югу, и костюмы вновь прибывавшихъ пассажировъ, и типы ихъ постоянно мѣнялись: сѣверный типъ совершенно исчезъ; Петербургъ, Новгородъ, Псковъ, Москва съ ихъ характерными физіономіями отходили въ прошлое, какъ-бы забывались; ихъ мѣста заняли новыя физіономіи—помѣсь срединной Россіи съ югомъ, пока послѣдній не вытѣснилъ собою все...

Третья ночь застала меня въ дорогѣ. Поѣздъ шелъ степною, ровною полосою Новороссіи. Больше и больше теплѣло. Я начиналъ вспоминать Петербургъ—острое чувство горечи смѣнялось смягчающимъ чувствомъ воспоминаній... Я уснулъ.

— Экко! эккола, синьоре!.. О, перъ Бакко!

Я проснулся, ничего не понимая. Поѣздъ стоялъ на скрещивающейся съ другими дорогами станціи Бирзула.

— Оллъ райтъ... Сэнкъ ю... Бэби! Бэби!

Это ворвалось въ вагонъ англійское семейство, рыскающее по свѣту съ единственною цѣлью—разбить свой историческій сплинъ и худосочіе: рыжій, веснущатый мистеръ, можетъ быть его милость лордъ, членъ парламента; леди—такая-же рыжая, худосочная, безцвѣтная, съ преждевременными морщинами на молодомъ лицѣ, проведенными туманнымъ небомъ и фабричнымъ дымомъ Альбіона; худыя, по птичьи пищащія дѣти, совсѣмъ крошки, уже мыкавшіяся съ своими безпокойными родителями и по югу Италіи, видѣвшія Везувій и пившія съ молокомъ нильскую воду, и, въ заключеніе, кричащій и суетящійся старичокъ-неаполитанецъ, видимо странствовавшій по Россіи музыкантъ, а теперь ставшій руководителемъ бродящаго британскаго гнѣзда въ качествѣ чичероне,— старичокъ, одѣтый въ старенькую шубенку и видимо зябнущій на русскомъ югѣ, тамъ, гдѣ когда-то зябъ его славный соотечественникъ, Овидій, въ далекомъ изгнаніи отъ своей дорогой родины—въ изгнаніи за то, что онъ видѣлъ то, чего ему видѣть не надо было вовсе...

— Диди! Бэби! люкъ-люкъ!.. Люкъ, пэпэ!

— Йесъ, Бэби, йесъ... Оллъ райтъ...

— Экко бэстыа! горячился неаполитанецъ, заваливая всѣ скамейки и сѣтки чемоданчиками, ящичками, картонками, кожаными переметными сумками для ѣзды на осликахъ по востоку и фляжками съ молокомъ и всевозможнымъ питьемъ.

Рыжій агличъ — весь полосатый, скорѣе полосато-клѣтчатый, какъ шотландская ручка для стального пера, одѣтый въ одинъ кусокъ клѣтчатой матеріи: шляпа въ видѣ индійской каски, пиджачокъ, штанишки, ботинки—все полосато-клѣтчатое, изъ одного и того-же куска, а въ резервѣ, на вѣшалкѣ—бѣлая, войлочная пожарная каска, съ огромными полями и продушинами для воздуха, на случай путешествія по знойному Египту, у пирамидъ, и въ Палестинѣ—у Мертваго моря.

Въ такой каскѣ съ бѣлою чалмою-чадрою, съ текстомъ изъ корана на концахъ чадры, и я теперь брожу по Египту.

— Ниннъ-ниннъ-ниннъ! подражая станціонному звонку, занимаетъ юныхъ британятъ черномазая бонна, видимо захваченная по дорогѣ на горѣ Этнѣ и уцѣлѣвшая отъ временъ Сициліанской вечерни...

Поѣздъ двинулся. Шли равнины за равнинами, высокія травы, роскошно растущіе хлѣба... Кое-гдѣ въ вагонѣ виднѣлись испуганныя еврейскія лица, видимо переживавшія новую Гайдамачину:—передъ нами какъ-разъ былъ еврейскій погромъ въ Бирзулѣ и окрестностяхъ, и волна «русскаго духа» катилась далѣе къ югу...

Часу въ девятомъ я увидалъ Одессу при яркомъ освѣщеніи южнаго солнца и узналъ о послѣднихъ административныхъ перемѣнахъ въ Петербургѣ. Хорошо я сдѣлалъ, что уѣхалъ, думалось мнѣ... А теперь вотъ здѣсь, въ Каирѣ, уже тоскую по Россіи, по Петербургу...

Африка, Египетъ, Каиръ, 21 мая 1881 г.

II.

Одесса и еврейскій погромъ.

Я въ Одессѣ, въ разъѣзжей залѣ дебаркадера, въ ожиданіи подачи багажа. Полосатый агличъ, словно «тигра полосатая», въ своей огромной войлочной каскѣ, ходитъ тутъ-же, потирая руки, черезъ которыя прошло очень много фунтовъ стерлинговъ. Леди, съ выраженіемъ вселенской скуки на лицѣ, сидитъ въ позѣ джи-

зехскаго сфинкса, что около пирамидъ, и ничего не видитъ. Ихъ золотушныя британята таскаютъ на цѣпочкѣ собаченку, заморенную рысканьемъ отъ Ниццы до Соренто, отъ Соренто до Іордана и пороговъ Нила, а оттуда—до Бирзулы и Одессы, и постоянно изъ-за нея ссорятся и душатъ несчастную.

— Бэби! Эдди! люкъ-люкъ! тщетно обращается къ нимъ сицилiанская бонна и продолжаетъ возиться съ картонками и фляжками.

— Отель-дю-норъ! Отель-дю-норъ! перебиваетъ всѣхъ стоячая шапка съ вышитыми на ея околышѣ этими, выкрикиваемыми ею, словами.

Ну—думаю—коли съ сѣвера пріѣхалъ, такъ въ сѣверной гостинницѣ и остановлюсь—по воспоминанію.

Ко мнѣ вдругъ подскакиваетъ одинъ изъ «всечеловѣковъ»—личность, повидимому принадлежащая всѣмъ странамъ свѣта и всѣмъ національностямъ вмѣстѣ: онъ говоритъ, какъ Меццофанти, на всѣхъ языкахъ: по-русски, по-польски, по-турецки, по-арабски—панглоттъ однимъ словомъ. Онъ подалъ мнѣ свою карточку, на которой значилось: «Léon Sussmann. Représentant». Знаетъ онъ и европейскіе языки: нѣмецкій, англійскій, французскій, испанскій и итальянскій, но въ какой степени—судить я не могъ. Но онъ показалъ мнѣ тотчасъ-же удивительныя, такъ сказать, справочныя знанія: не будучи предувѣдомленъ о томъ, что я ѣду на востокъ, узнавъ отъ меня объ этомъ, онъ тотчасъ-же сообщилъ мнѣ свѣдѣнія, которыя я могъ провѣрить немедленно по своей записной книжкѣ и которыя я записалъ въ Петербургѣ со словъ обязательнаго П. И. Пашино, а другія провѣрилъ уже на мѣстѣ. Отели Александріи, не говоря о Константинополѣ, Каира, Портъ-Саида, Бейрута, Яффы, Іерусалима, ихъ цѣны, имена содержателей, даже прислуги—все это было въ его головѣ, черной и курчавой. Конечно, многое онъ могъ почерпнуть изъ справочныхъ книгъ, изъ путеводителей, всевозможныхъ гидовъ и словарей, наконецъ изъ Бедекера; но онъ сообщалъ мнѣ и такія вещи, которыхъ ни у Бедекера и ни у кого нѣтъ и быть не можетъ. Ясно, что онъ вездѣ бывалъ самъ, что̀ онъ и подтвердилъ, сказавъ, что ѣздилъ, кажется, кругомъ свѣта, на одномъ изъ пароходовъ нашего добровольнаго флота. Родиной своей онъ называлъ Италію; мо-

жетъ быть; но когда мнѣ пришлось сказать что-то по-польски, у него вдругъ отыскался въ карманѣ его памяти и польскій языкъ и въ особенности—совершенно польскій акцентъ.

Такъ я поэтому и думаю, что это—«всечеловѣкъ», хотя не съ той нравственной образиной, съ какою хотѣлъ изобразить покойный Достоевскій русскаго «всечеловѣка» на Пушкинскомъ празднествѣ. Однимъ словомъ — удивительныя личности вырабатываетъ наше время!

Но я отвлекся въ сторону, хотя не совсѣмъ. Леонъ Зюссманъ (сладкій человѣкъ) оказался комиссіонеромъ и драгоманомъ,—это слово въ большомъ ходу на востокѣ, гдѣ любой нашъ посыльный или артельщикъ всегда могъ-бы пойти за драгомана,—такъ «сладкій человѣкъ» оказался драгоманомъ «Сѣверной гостинницы».

Туда я и велѣлъ себя везти.

Проѣзжая по одной очень прямой и очень широкой улицѣ (въ Одессѣ всѣ улицы очень прямыя и очень широкія) и не видя на одномъ углу надписи, я спросилъ извозчика, какъ ее зовутъ.

— Итальянская, былъ отвѣтъ.

Проѣзжаю дальше и вижу новенькую надпись на этой улицѣ: *Пушкинская*.

— Какъ-же ты назвалъ эту улицу Итальянской? спросилъ я: она Пушкинская.

Я вспомнилъ, что ее назвали «Пушкинской» только въ прошломъ году, во время открытія въ Москвѣ памятника Пушкину,—назвали такъ потому, что одно время, кажется въ 1823 году, Пушкинъ, находясь въ Одессѣ, проживалъ на этой улицѣ.

— А! не знаешь своихъ улицъ? А еще извозчикъ.

— Да ее, баринъ, Пушкинской назвали недавно, а мы зовемъ ее постарому, по привычкѣ—Итальянской... Да Пушкинскую рѣдко кто и знаетъ...

Вотъ тебѣ и слава!.. Вотъ тебѣ и «всякъ языкъ», какъ мечталъ покойный поэтъ, думая, что его будетъ знать и читать въ Россіи «всякъ языкъ»... Развѣ послѣ... А теперь не «всякъ языкъ» еще и читать-то умѣетъ, а украинскую богатую рѣчь, имѣющую свою литературу и геніальнаго поэта, у насъ даже не хотятъ признавать за этотъ «всякъ языкъ»...

— Вонъ видите, баринъ, нашихъ добровольцевъ? вдругъ обратился ко мнѣ извозчикъ, когда мы выѣхали на площадь около музея и у начала бульвара, гдѣ было видно море.

— Какихъ добровольцевъ?

— Московскихъ... вонъ на баржахъ, указалъ онъ на море, на гавань.

Я посмотрѣлъ по указанному направленію и увидѣлъ нѣсколько баржъ, казалось, нагруженныхъ людьми.

— Что это за люди?

— Да что бунтовали: кацапы изъ Москвы, да наши изъ каменоломень...

Я понялъ, въ чемъ дѣло.

— У насъ тутъ какъ-есть страженіе было.

— Давно?

— Да третьеводни, кажись... Евреевъ разбивали—ну, и не евреевъ, что которые богатенькіе да живодеры, зацѣпили молодцы.

— Почему-же вы называете ихъ москвичами?

— Да какъ-же—всѣ это знаютъ—оттуда мигнули... Да оно же и то сказать: московскимъ купцамъ обидно стало, что они супротивъ еврея умомъ не вышли.

— Вотъ какъ!

— Да... это и въ газетахъ вычитывали... Кто же этого не знаетъ?

— А много погрому было?

— Не успѣли много-то сдѣлать—захватили христолюбивыхъ воиновъ... Вонъ теперь на четырехъ баржахъ на морѣ проклажаются.

Не успѣлъ я войти въ отведенный мнѣ въ отелѣ нумеръ, какъ съ меня потребовали паспортъ. Мало того—нужно было засвидѣтельствовать въ полиціи свою личность, и потому, желая поскорѣе пуститься въ море, чтобы захватить на востокѣ хотя конецъ весны (несчастный! я думалъ, что тутъ, на востокѣ, напр. въ Египтѣ, еще можно въ маѣ захватить хотя подобіе весны... Увы! я захватилъ здѣсь-то, что у насъ бываетъ въ августѣ),—я тотчасъ-же вмѣстѣ съ «сладкимъ человѣкомъ», прошедшимъ по полиціи огонь и воду, отправился въ это паспортное святилище. Надо отдать честь одесской полиціи—меня недолго тамъ задержали, хотя въ

одномъ и томъ-же домѣ, или по крайней мѣрѣ на одномъ и томъ-же дворѣ я долженъ былъ въ трехъ мѣстахъ заявить свою личность.

Но тягостное, очень тягостное впечатлѣніе произвела на меня Одесса, когда я отправлялся въ полицію по широкимъ и чистымъ улицамъ и обратилъ вниманіе на эти улицы. Такъ оно ничего не было замѣтно, но надо было вглядѣться—и я вглядѣлся... Странно и страшно!.. Что это такое? Какіе это кресты на домахъ? Передо мною точно времена гугенотовъ—Варѳоломеевская ночь и Сицилійская вечерня... Эти дома и заборы, помѣченные крестами... Кто ихъ мѣтилъ, кто крестилъ ихъ мѣломъ? Тѣ-ли «московскіе добровольцы», которые искали евреевъ, чтобъ ихъ «разнести», дѣлали эти кресты на домахъ христіанъ, чтобы ошибкою и ихъ «не разнести»? Или это помѣчали сами домовладѣльцы, изъ страха за свои дома и имущества? Поразительное явленіе! Видя эти кресты, вы переноситесь въ Египетъ, ко временамъ исхода евреевъ изъ Египта, когда тоже дѣлались помѣты на домахъ... Что-то страшное и дикое во всемъ этомъ!

Я прошелъ потомъ по всѣмъ улицамъ, по которымъ прокатилась эта волна «русскаго духа». Тѣ части, которыхъ коснулось разрушеніе, уже были повозможности реставрированы: выбитыя стекла, вывороченныя съ петлями рамы и разгромленныя двери были большею частью забиты досками, точно дома эти посѣтила чума и они стали выморочными, отверженными. Что было за этими досками—не видно: можетъ быть, оставались только слѣды погрома, а обитателей этихъ домовъ уже не было тамъ. На Екатерининской улицѣ, одной изъ лучшихъ въ городѣ, недалеко отъ почтамта, среди крестатыхъ домовъ бросается въ глаза своею жалкою наружностью небольшой домикъ въ три окна. Вывѣска на немъ гласитъ, что тутъ обиталъ какой-то «курляндскій мастеръ», мастеръ чего—не помню. Что, казалось-бы, можетъ быть общаго между «курляндскимъ мастеромъ» и евреемъ? Какое дѣло московскому добровольцу до курляндскаго нѣмца? Что ему Гекуба? Но, на бѣду, у «курляндскаго мастера» ужь слишкомъ іерусалимская фамилія. Бѣдный курляндецъ! Погромъ не миновалъ его скромнаго

домика. Окна и двери его кое-какъ заколочены досками, да и доски эти повидимому задѣты были московскою волною. И домикъ смотритъ вымороченымъ.

Рядомъ съ этимъ домикомъ — булочная. У нея надъ дверями блеститъ въ ризѣ икона Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. При видѣ этой иконы переносишься ко временамъ евангельскимъ: передъ вами первомученикъ Стефанъ, побиваемый каменіемъ, а недалеко отъ него стоитъ Богородица и молится за мученика. Но мало одного образа: тутъ-же изъ-за окна выглядываетъ ликъ Спасителя.

На иныхъ домахъ кресты выведены особенно тщательно. Видно, что художникъ старался вырисовать ихъ толково, изящно и многознаменательно, чтобы все это въ глаза бросалось, сразу останавливало расходившихся ревнителей вѣры и поучало ихъ. Такъ, на иныхъ домахъ, на стѣнахъ или на закрытыхъ ставняхъ, красуются большіе осьмиконечные, стариннаго раскольничьяго стиля кресты. У вершины этихъ крестовъ ярко бѣлѣются знаменательныя буквы: І. Н. Ц. І.—«Іисусъ назарей царь іудейскій». А подъ крестами—мертвая голова Адама съ накрестъ положенными костями. Злая насмѣшка надъ прошлымъ еврейскаго народа и страшное напоминаніе имъ въ настоящемъ! Но чѣмъ-же виноваты эти, потомки тѣхъ, что сдѣлали такую злую надпись на крестѣ? Развѣ тѣмъ, что *тѣ* поручились за *этихъ*? — Ужасная порука! Поруку эту тѣ, которыхъ теперь «разносятъ», получили отъ отцовъ и дѣдовъ своихъ въ наслѣдство... Ужасное наслѣдство, страшная порука, ибо отцы и дѣды поручились и за чадъ своихъ, еще нерожденныхъ: «кровь его на насъ и на чадахъ нашихъ...» Послѣ того, что въ послѣднее время дѣлалось въ Петербургѣ, отъ чего я бѣжалъ сюда, въ Египетъ (и мнѣ здѣсь, въ виду пирамидъ и въ виду того двухтысячнаго дерева, подъ которымъ отдыхала Богородица съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, когда бѣжала отъ Ирода, вспоминается это другое «бѣгство въ Египетъ...»), — видъ того, что я нашелъ въ Одессѣ, производилъ на меня удручающее впечатлѣніе. Я чувствовалъ, что я все еще въ Россіи. Скорѣй-бы изъ нея! Скорѣе въ Турцію, въ Азію, въ Африку, подъ пирамиды!

И я лихорадочно спѣшилъ исполнить въ Одессѣ всѣ полицей-

скія формальности, чтобъ на другой-же день бѣжать изъ Россіи, бѣжать туда, гдѣ-бы ничто не напоминало мнѣ о ней...

„Я сегодня такъ грустно настроенъ...“

Этотъ стихъ не выходилъ у меня изъ головы, хотя я зналъ, что это не «сегодня» только, а давно уже, и что я не «грустно настроенъ»—«грустно» еще куда-бы ни шло—а скверно...

На дворѣ полиціи меня случайно встрѣтило такое зрѣлище, какое рѣдко кому удавалось видѣть. Казалось, я видѣлъ передъ собою тревоги военнаго времени, и притомъ такія тревоги, которыя, казалось, говорили, что положеніе дѣлъ обострилось, что вотъ-вотъ послѣдуетъ какая-то развязка. Прежде всего я замѣтилъ суетящихся на дворѣ своихъ «станичниковъ», «односумовъ»,—донскихъ казаковъ. Они тревожно сновали туда и сюда, бросивъ тутъ-же своихъ лошадокъ, изъ которыхъ иныя были куда-попало привязаны и тоскливо ржали, какъ-то тихо, жалобно ржали, провожая глазами своихъ суетящихся казачковъ. Послѣ я узналъ, что бѣдные коньки въ этой суматохѣ «военнаго времени» давно не ѣли и не пили. Другіе коньки, не привязанные, увязывались за своими казачками и бродили за ними, какъ голодные ягнята за овчаромъ.

— Отвяжись, Васька, не до тебя, — самъ давно ничего не жралъ, отбивается иной казачокъ отъ своего голоднаго конька и куда-то исчезаетъ.

И жалкій Васька остается среди двора въ недоумѣніи.

Другой казачокъ впопыхахъ прискакалъ откуда-то съ бумагой за обшлагомъ, а подъ мышкой торчитъ клокъ сѣнца:—гдѣ-то на улицѣ раздобылъ для своего друга конька—«душа добрый конь», какъ онъ поетъ въ пѣснѣ. Торопливо соскакиваетъ казачокъ съ лошади и суетъ своему Васькѣ раздобытый клокъ сѣнца. Другой Васька, привязанный, видимо завидуетъ ему.

На просторномъ дворѣ полиціи что-то вродѣ стараго, запущеннаго сада безъ огорожи. Тутъ разбросаны клочки перемятой соломы. Кто-то валялся на ней—не то скотъ, не то люди. Скоро я узнаю, что люди. Изъ какого-то прохода, изъ другой половины полицейскаго двора, показываются полицейскіе — и офицеры, и рядовые

полицейскіе, и офицеры военные, а за ними выползаетъ нѣчто вродѣ головы нестройной колонны...

Ба! догадываюсь. Это голова батальона «московскихъ добровольцевъ», а скоро выползъ и весь батальонъ. Большею частью оборванцы, босые или въ лаптяхъ, съ слѣдами соломы въ бородахъ и въ богатой, только не приведенной въ порядокъ шевелюрѣ.—Такъ это они помяли своими головами вотъ эту солому! Должно быть, ночевали тутъ на дворѣ, а семейка ихъ не маленькая,—такъ соломы и не хватило на койки христолюбивому воинству.

Всѣхъ вогнали въ этотъ дворъ и поставили нестройными рядами. Дѣйствительно, цѣлый батальонъ странныхъ людей.

— Это какіе-же? спрашиваю перваго попавшагося на дворѣ казачка.

— Это, значитъ, особливые, отвѣчаетъ станичникъ;—отцѣпись, Васька, — что за душой ходишь!

— Голоденъ?

— Какъ не голоденъ!—ни синь-пороха во ртѣ не было.

— Бѣдный меренокъ... А тѣ что-жь, которые на баржахъ?

— Тѣ, значитъ, особливые, что на баржахъ.

«Ну—думаю—милый станичничекъ, не особенно толково отвѣчаешь ты:—и эти особливые, и тѣ, что на баржахъ, тоже особливые...» Я пересталъ и спрашивать. Можетъ быть, этихъ гнали уже въ острогъ послѣ первыхъ допросовъ; а можетъ быть, тоже отправляютъ на баржи. Я занялся самими этими добровольцами «русскаго духа».

Въ самомъ первомъ ряду особенно выдавался одинъ субъектъ. При первомъ взглядѣ на него вы видите, что это типъ—недюжинный характеръ и воля, только случайно направленные на злое. Это одинъ изъ «несутерпчивыхъ» характеровъ. Впереди всѣхъ, волосатый, бородатый, коренастый, съ клоками соломы въ никогда нечесаной и всклокоченной головѣ и бородѣ, которыхъ не пробрала-бы никакая скребница—онъ видимо бравировалъ, рисовался своимъ положеніемъ: глядя изъ-подлобья, но смѣло, дерзко, вызывающе, онъ небрежно кусалъ и жевалъ неторопясь бывшій у него въ рукѣ большой шматокъ хлѣба. По облику и по всей постати—этотъ молодецъ прямо выхваченъ изъ типовъ «понизовой вольницы».

Такія личности много дѣлали и въ пугачовщину, и во всякое смутное время. Это изъ тѣхъ ребятъ, которые еще недавно, послѣ жестокаго кнута, не всякому сходившаго съ рукъ, непремѣнно убѣгали или съ дороги въ Сибирь, или изъ самой каторги, и вновь «занимались грабежомъ и душегубствомъ», пока не попадали вновь на «кобылу», т. е. на эшафотъ, для новаго кнутобойства. Это одинъ изъ тѣхъ понизовыхъ добрыхъ молодцевъ, который, въ половинѣ сороковыхъ годовъ, будучи положенъ на эшафотъ уже не въ первый разъ (дѣло было въ Саратовѣ), рисовался передъ народомъ и палачомъ, громко выкрикивая: «эхъ, лошадка, лошадка! много разъ я ѣзжалъ на тебѣ — вывозила... Вывезешь и теперь...»—«Нѣтъ, не вывезетъ», отвѣчалъ палачъ. Дѣйствительно, не вывезла—умеръ на эшафотѣ.

Въ рядахъ этого страннаго батальона виднѣлись и бабы, по всей видимости, большею частью крикуши-торговки, бублейницы да оладейницы... Особенно одна изъ нихъ смотрѣла энергично и самоувѣренно. Этого типа уличныя или базарныя бабы могутъ сдѣлать очень много. Это своего рода Луизы Мишель. Такія бабы въ Парижѣ всегда посылали или вели съ собою уличную толпу на баррикады, двинули ее когда-то и на Бастилію. Это всеобщія «тетки», и въ народѣ такія тетушки всесильны. Въ послѣднюю несчастную франко-прусскую войну, во время французской коммуны, такія общественныя, уличныя «тетки», или «всететки», были главными коноводами петролейщицъ. У насъ тоже были такія «тетки», хотя-бы напр. во-время извѣстнаго «бабьяго бунта» въ Севастополѣ, послѣ котораго правительство признало необходимымъ раскассировать севастопольскія солдатскія слободки. На базарахъ эти бабы всесильны.

Одесская Луиза Мишель, которую я видѣлъ на дворѣ одесской полиціи въ числѣ другихъ, менѣе выдающихся «тетокъ», тоже оцѣпленныхъ «станичниками», казалось, совсѣмъ не унывала. Она тоже видимо рисовалась и бравировала, переглядываясь съ нѣкоторыми изъ молодцовъ и коварно улыбаясь:—«а все-таки-де свое дѣло сдѣлали». Конечно, ею руководила отчасти привычка повелѣвать базаромъ, толпою, перекрикивать всѣхъ и изъ всего дѣлать набатъ; но, конечно, тутъ могло руководить ею и соревнова-

ніе, обиженное самолюбіе, коммерческая конкуренція. Она также, подобно московскимъ купцамъ, по словамъ извозчика, могла видѣть, что «супротивъ евреекъ-торговокъ она умомъ не вышла», что ея бублики, оладьи, апельсины и яблоки не такъ шибко шли въ ходъ, какъ тѣ же предметы шли съ лотка какой-нибудь ея сосѣдки Ревекки или Хайки,—и вотъ она насолила всѣмъ евреямъ.

Еще поразилъ меня въ этомъ батальонѣ добровольцевъ русскаго духа одинъ молодой человѣкъ, повидимому совершенно иного разряда. Высокій, стройный, красивый, съ бронзовымъ цвѣтомъ лица, въ блузѣ, которая вся чѣмъ-то промаслена и прокопчена, такъ что смотрѣла совсѣмъ кожаной или клеенчатой, съ черными, вьющимися волосами и загрубѣвшими отъ работы руками, онъ видимо по жизненной незадачѣ попалъ въ эту толпу. Блуза, фуражка, сапоги, руки и въ особенности лицо обнаруживали, что онъ привыкъ обращаться не съ лопатой, не съ молоткомъ для битья щебня на мостовой, а съ орудіями болѣе сложнаго механизма, тамъ, гдѣ дѣйствуетъ паръ, приводъ и можетъ быть болѣе сложныя штуки. Но ему, очевидно, жизнь не задалась; можетъ быть, у еврея-же, по этой жизненной незадачѣ, и очутился онъ въ батракахъ, въ «жидівськихъ попихачахъ», какимъ былъ въ «Гайдамакахъ» Шевченка сирота Ярема, впослѣдствіи прозванный Галайдою. Такимъ смотрѣлъ и этотъ молодой человѣкъ въ блузѣ.

Пока Леонъ Зюссманъ предъявлялъ мой паспортъ въ послѣдней полицейской инстанціи, я оставался на полицейскомъ дворѣ и видѣлъ проводы носителей московскаго духа. Послѣдовало что-то вродѣ команды отъ благообразнаго, высокаго мужчины съ саблею на перевязи черезъ плечо; конные казаки стали у боковъ батальона московскихъ культуртрегеровъ, и батальонъ двинулся. Находившіеся на дворѣ многочисленные зрители начали шутить между собою.

— Ты чего-жъ, братъ, не съ ними?

— Я-то?

— Знамо ты. Я думалъ—и тебя поведутъ.

— Я не московской руки. А тебя давно-бы пора.

— За что такъ?

— Да такъ, для компаніи.

Полицейскій солдатикъ, обрадовавшись, что такую прорву головорѣзовъ сбыли съ рукъ, сталъ играть съ прекраснымъ пуделемъ, должно быть полицеймейстерскимъ. Блюститель порядка, снявъ съ себя свистокъ и поплевавъ на него, забрасывалъ въ солому, на которой держали ночлегъ московскіе духоносцы, и собака стремглавъ бросалась въ солому съ такимъ рвеніемъ, точно она надѣялась найти тамъ двѣсти тысячъ или по малой мѣрѣ цѣлую жареную курицу. Отыскавъ свистокъ и запутавшись въ его шнуркѣ ногою, собака была въ большомъ недоумѣніи.

— Ага, попалась,—выпутайся-ка! тѣшился полицейскій.

— А небось ты самъ не выпутался, когда *они* подъ Скрамангу подбирались: насъ, станичниковъ, позвалъ.

— Позовешь, какъ они на сурьезъ пойдутъ.

Черезъ дворъ носили какія-то лохани съ чѣмъ-то дымящимся и проносили въ какой-то обширный запертый сарай вродѣ риги или крытаго вагона.

— Это кому-же?

— Да все *имъ* же—вонъ тамъ еще сидятъ соколы.

— Такъ ихъ горяченькимъ годуютъ?

— Какъ-же...

— Вонъ какъ! Честь какая... А они, можетъ, отродясь ничего горяченькаго, окромя березовой каши, и не пробовали.

Изъ полиціи Леонъ Зюссманъ отправился съ моимъ паспортомъ въ турецкое консульство. Личнаго присутствія «предъявителя» паспорта турецкое консульство не требуетъ, а былъ-бы лишь предъявленъ паспортъ, да уплачены пошлины,—и дѣло кончено: консульство прикладываетъ къ паспорту свою печать съ изображеніемъ на ней такихъ-же арабскихъ каракуль, какія вы встрѣтите на «меджидіе», на піастрахъ и на всѣхъ турецкихъ монетахъ, и штемпелюетъ синими чернилами, что-де «vu au consulat générale de Turquie, bon pour Constantinople»—и больше ничего. Самъ же я отправился въ книжный магазинъ Бѣлаго, чтобъ пріобрѣсть себѣ тамъ на дорогу Бедекера, да попытаться на всякій случай купить револьверъ въ одномъ изъ оружейныхъ магазиновъ, ибо въ Петербургѣ я этого необходимаго запаса себѣ не сдѣлалъ, полагая что тамъ не иначе можно покупать оружіе, какъ съ разрѣшенія по-

лиціи, и притомъ съ проволочками и непріятными формальностями.

Въ Одессѣ же это дѣло оказалось очень несложнымъ, вѣроятно въ виду того «военнаго положенія», въ которомъ находился городъ, осажденный московскими крестоносцами. Въ магазинѣ мнѣ очень любезно продали подходящій револьверъ. Но вотъ въ чемъ курьезъ: по всему замѣтно было, что, благодаря моей длинной и сѣдой бородѣ, напоминающей, по увѣренію моихъ знакомыхъ, бороду «благообразнаго Іосифа», въ магазинѣ приняли меня за старенькаго еврея, спасающагося отъ московскихъ Петровъ Пустынниковъ и Готфридовъ Бульонскихъ. Я видѣлъ это по всему—по разговору, по намекамъ на «настоящее время», по самому обхожденію со мною; всего же несомнѣннѣе обнаружилось мое мнимое еврейство по результатамъ покупки. Когда уже здѣсь, въ Египтѣ, собираясь ѣхать на пирамиды, я изъ предосторожности рѣшился взять съ собой револьверъ, то, заряжая его, я нашелъ, что отпущенныя мнѣ изъ одесскаго магазина для этого пистолета коническія пули совсѣмъ не подходятъ къ нему; между тѣмъ въ Одессѣ я примѣрялъ пули, точь-въ-точь приходившіяся по револьверу. Ясно, что въ магазинѣ, содержимомъ повидимому грекосами, конечно не долюбливающими евреевъ, какъ своихъ соперниковъ по торговлѣ, мнимому старенькому еврею подсунули не тѣ патроны, которые онъ примѣрялъ. Чрезвычайно остроумно! Въ этомъ поступкѣ я узнаю «хитроумныхъ одиссеевъ» съ ихъ деревянными конями и ловкими штуками съ циклопомъ Полифемомъ. Но каково-же было-бы бѣдному еврею въ моментъ опасности, еслибъ и надъ дѣйствительнымъ евреемъ такъ потроянски подшутили?

Весь этотъ день былъ необыкновенно жаркій въ Одессѣ, и я, чтобы освѣжиться и отдохнуть послѣ дневной хлопотни—то съ полиціей, то съ почтой, то съ промѣномъ русскихъ безцѣнныхъ бумажекъ на европейское цѣнное золото, то съ покупкой для защиты отъ египетскаго и палестинскаго солнца англійско-индійской войлочной пожарной каски, tropical helmet'a, то, наконецъ, со справками по пароходному агентству и проч.,—вечеркомъ отправился на бульваръ, любимое мѣсто гулянья одесситовъ. Я сѣлъ на скамейкѣ противъ дома генералъ-губернатора и, никому невѣдомый, беззаботно

смотрѣлъ, какъ мимо меня дефилировала вся гуляющая и прокла-жающаяся «южная Пальмира». Мнѣ, впрочемъ, только хотѣлось беззаботно смотрѣть; но я этого не могъ сдѣлать. Я видѣлъ передъ собою море, въ безпредѣльное—такъ по крайней мѣрѣ мнѣ каза-лось—пространство котораго я долженъ былъ пуститься на другой день. Хотя я и видѣлъ прежде море и плавалъ по немъ, но теперь, при видѣ его, у меня сжалось сердце: я не изъ храбрыхъ; мнѣ приходилось пуститься въ моря очень далекія и въ страны совер-шенно мнѣ невѣдомыя, и притомъ напуганному разными предосте-реженіями насчетъ возможности чумы, морскихъ крушеній, солнеч-ныхъ ударовъ, нападенія разбойниковъ, безводья пустынь и, сверхъ всего этого,—пуститься совершенно одинокому. Не удивительно, что, при мысли обо всемъ этомъ и при видѣ моря, которое должно было унести меня далеко отъ родины, на сердцѣ у меня чувство-валось саднѣнье.

Но передъ глазами у меня продолжали торчать четыре баржи, нагруженныя людьми и неподвижно стоявшія въ морѣ. Эти баржи были предметомъ общаго любопытства гуляющихъ одесситовъ. Всѣ глядѣли туда, на море. Многіе приходили на бульваръ съ бинок-лями и глядѣли туда, гдѣ на черныхъ судахъ копошились какія-то массы. Весь день, я замѣтилъ, одесситы сходились на берегъ, са-дились на скамьяхъ и стульяхъ и по цѣлымъ часамъ не сводили глазъ съ баржъ, переполненныхъ людьми. Что-то странное, вызы-вающее на горькія мысли казалось мнѣ во всемъ этомъ...

А тутъ-же, вдоль всего бульвара, мимо гуляющихъ и глядя-щихъ на море и на баржи съ людьми, мѣрнымъ шагомъ рясхажи-ваютъ отряды патрулей и, проходя мимо дома генералъ-губерна-тора, дѣлаютъ на караулъ. А по улицамъ разъѣзжаютъ взводы казаковъ на своихъ Васькахъ—казачки все молодые, юноши, почти мальчики, изъ разряда «выростковъ», должно быть и «малолѣт-ковъ». Слишкомъ торопливо, знать, согнали ихъ съ «тихаго Дону». Точно въ самомъ дѣлѣ городъ въ осадномъ положеніи.

И мнѣ вспомнились такіе-же патрули и такіе-же казаки въ Петербургѣ. Нервы мои опять заговорили, а они было дорогой не-множко поунялись: ихъ «заговорила» было украинская природа, какъ «заговариваютъ» ноющій зубъ, «заговорила» и усмирила своей ча-

рующей прелестью. А тутъ опять эти баржи съ людьми, эти взводы и патрули—и опять вспомнился Петербургъ, сѣверное, хмурое небо, снѣгъ, когда тутъ такъ жарко, и жаворонокъ, поющій въ Суйдѣ подъ сѣрымъ, холоднымъ небомъ.

Скорѣе отсюда!—опять ныло на сердцѣ. Дальше куда-нибудь, къ пирамидамъ, къ сфинксамъ, къ катакомбамъ, чтобы въ глубокой старинѣ, въ созерцаніи великихъ мертвецовъ, успокоилась взволнованная мысль, улеглись нервы, воротился сонъ... Скорѣе въ море!

И вотъ я былъ у этихъ великихъ мертвецовъ—у пирамидъ... Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Ждетъ пароходъ—ѣду въ Портъ-Саидъ, Яффу, Іерусалимъ. До слѣдующаго письма.

Африка, Египетъ, Александрія.

III.

На Черномъ морѣ.

9-го мая, въ 5-мъ часу, я простился наконецъ съ Одессою. Я выѣхалъ на пароходѣ русскаго общества «Нахимовъ», капитанъ Томасъ.

Но нельзя сказать, чтобы Россія, когда мы уже были въ открытомъ морѣ, исчезла изъ моихъ глазъ; никакъ нельзя было сказать съ пѣвцомъ Слова о полку Игоревѣ—«о, русская земля! уже за шеломянемъ еси».

Нѣтъ, Россія была съ нами на пароходѣ. Она ѣхала вмѣстѣ съ нами. Она была тутъ—я видѣлъ и чувствовалъ ее. Я это говорю не потому, что ѣхалъ на русскомъ пароходѣ, что и имя его было русское, и капитанъ русскій, несмотря на англійскую фамилію, и всѣ офицеры русскіе, и матросики всѣ украинцы, и вся прислуга русская, и кругомъ звучала преимущественно русская рѣчь, начиная отъ команды и кончая пѣсенкой, которую иногда мурлыкалъ матросикъ, завязывая какую-нибудь веревку.

Нѣтъ, что-то другое ѣхало съ нами на пароходѣ,—то именно, отъ чего я бѣжалъ и что хотѣлъ забыть.

Когда пароходъ отходилъ отъ Одессы, я видѣлъ нѣкоторыя сцены, воспоминаніе о которыхъ преслѣдовало меня до самаго Константинополя; мало того—финалъ этихъ сценъ я видѣлъ на Босфорѣ, въ виду Константинополя, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то влюбленный Леандръ плавалъ на другой берегъ Босфора къ своей возлюбленной Геро, гдѣ потомъ переплывалъ этотъ самый Босфоръ хромоногій Байронъ въ память о погибшихъ влюбленныхъ—о Геро и Леандрѣ; наконецъ я видѣлъ финалъ одесскихъ сценъ въ самомъ Константинополѣ, на улицахъ Перы и Галаты.

Я говорю о сценахъ прощанья. Въ виду одесскаго погрома, нѣкоторыя еврейскія семейства бѣжали въ Константинополь. Вотъ сцены прощанья этихъ-то бѣжавшихъ съ остающимися въ Одессѣ я и видѣлъ на палубѣ парохода «Нахимовъ». Я не говорю о бѣгствѣ богатыхъ евреевъ: ихъ бѣгство было похоже на прогулку, на путешествіе для своего удовольствія. Но я присутствовалъ при прощаньѣ бѣдняковъ, которымъ приходилось бѣжать съ малолѣтними, кричащими дѣтьми и съ такимъ жалкимъ, но для бѣдняка необходимымъ буторомъ, который, казалось, лучше было-бы побросать за бортъ, чѣмъ тащиться съ нимъ за море.

Я видѣлъ глубокое, но — въ виду чужихъ, русскихъ — нѣмое отчаянье одинокихъ женщинъ, которыя должны были бѣжать однѣ съ дѣтьми, тогда какъ мужья ихъ еще оставались въ Россіи, и еще неизвѣстно, что ожидало ихъ. Я видѣлъ, какъ дѣти прощались съ отцами, какъ отцы отрывали ихъ отъ своей шеи, за которую цѣплялись маленькія руки глупыхъ дѣтей, не понимающихъ, что здѣсь кричать нельзя. Можетъ быть, я одинъ это видѣлъ, ибо всѣ другіе отъѣзжавшіе и провожавшіе съ кѣмъ-нибудь прощались; одинъ я не прощался ни съ кѣмъ, кромѣ Россіи... А она, повторяю, ѣхала со мной...

Я видѣлъ потомъ этихъ бѣглецовъ въ морѣ, на пароходѣ. Они старались не бросаться въ глаза; но мнѣ казалось, что я за нихъ чувствовалъ... Вѣдь всѣ они родились и выросли въ Россіи—и теперь должны были бѣжать невѣдомо куда...

Но будетъ объ этомъ.

Во всемъ остальномъ мнѣ такъ легко сначала чувствовалось въ открытомъ морѣ. Точно гири съ ногъ сброшены; дышется такъ

хорошо морскимъ воздухомъ. Кругомъ—только небо да море, голубое, больше чѣмъ голубое и больше чѣмъ бирюзовое, такое море, съ такою волной, которую—что-бы ни говорили маринисты—никогда не изобразитъ на полотнѣ даже волшебная кисть Айвазовскаго, какъ не могъ изобразить Куинджи на своей чудной картинѣ «Ночь на Днѣпрѣ» — чарующихъ звуковъ этой ночи и аромата цвѣтовъ.

Сначала я никого не зналъ на пароходѣ. Къ первому обѣду въ открытомъ морѣ сошлись въ каютъ-компанію 1-го класса все лица мнѣ незнакомыя, хотя ихъ было очень немного. Но, конечно, я скоро всѣхъ узналъ. Съ нами ѣхало въ Константинополь семейство бывшаго у насъ англійскимъ посломъ лорда Дёфферина: три дочери и одинъ сынъ, да съ ними старая бонна или няня. Дочери почтеннаго дипломата — совсѣмъ еще дѣвочки; хотя старшей изъ нихъ будетъ уже на видъ лѣтъ 15—16, а можетъ быть и болѣе, но она совсѣмъ еще ребенокъ, хотя и не шалитъ уже, какъ ея двѣ младшія сестры, такія-же, какъ и она, миленькія дѣвочки, но все больше читаетъ книжку. Одна изъ нихъ, премиленькая шалунья, носитъ имя своей королевы—Викторія. Старшая леди ведетъ себя необыкновенно просто и скромно, да и одѣта она и причесана также въ высшей степени просто: нѣтъ въ ея костюмѣ даже малѣйшаго намека на нарядность. Что особенно нравится вообще молодымъ дѣвушкамъ—высокіе каблучки у ботинокъ—у этой юной леди совсѣмъ отсутствуютъ, хотя ея ботинки совсѣмъ не туфли: сохрани Богъ, shoking! Платье хотя не дѣтское, не коротенькое, но безъ всякаго даже невиннаго поползновенія на милую ложь—на лишнюю длинноту, на малѣйшій даже хвостикъ.

Вторая ея сестрица—ужасный деспотъ въ любви. Она ни на минуту не разставалась съ своей собачкой, вездѣ таскала ее на цѣпочкѣ, и притомъ на такой толстой, что нашъ капитанъ остроумно доказывалъ маленькой леди, что эта цѣпь годится для льва, а не для ея маленькой собачки. Но я въ этой прочной цѣпи видѣлъ британскую національную черту: держать все, что имъ попалось въ руки, на прочной цѣпи, чтобъ не сорвалось, будь это Индія, или Ирландія, или даже комнатная собачка леди Викторіи. Но собачка эта повидимому не сознавала своего ужасающаго

рабства, потому, вѣроятно, что никогда не знала, что значитъ бѣгать безъ цѣпи на шеѣ: она безъ своей милой деспотки шага не дѣлала и такъ всегда любовно смотрѣла ей въ глаза, какъ не умѣлъ смотрѣть даже дядя Томъ въ глаза тѣмъ, кого онъ любилъ.

И юный лордъ лѣтъ 6—7 постоянно проявлялъ себя истымъ англичаниномъ, любящимъ во всемъ порядокъ и чистоту. Юному будущему дипломату, а можетъ быть премьеру государства, кто-то изъ матросовъ или изъ прислуги смастерилъ прескверную метлу изъ палки и стараго вѣника—и лордъ не сходилъ съ юта и палубы, постоянно подметая по десяти разъ одно и то же мѣсто. Онъ даже не игралъ съ другими дѣтьми, а все подметалъ. Даже удивительно, какъ не опротивѣло ему это занятіе вплоть до самаго Константинополя.

Кромѣ семейства лорда Дёфферина, въ 1-мъ классѣ находилось всего три пассажира: агентъ общества Я. И. Коростовцевъ, очень любезный и обязательный человѣкъ, потомъ одинъ германскій человѣкъ, не то туристъ, не то дѣлецъ—скорѣе послѣднее, и третьимъ пассажиромъ былъ я, строчащій вотъ это, что теперь читаетъ благосклонный читатель.

Начало нашего плаванья, можно сказать, было вполнѣ восхитительно: чудный день, тихое вѣянье морского освѣжающаго вѣтерка, который особенно былъ пріятенъ послѣ одесскаго зноя; бирюзовое небо и зелено-сине-голубой, не передаваемый ни словами, ни красками цвѣтъ морской волны и глуби, которыя плавно, лишь немножко вздрагивая, разрѣзывалъ пароходъ; безпредѣльная высь и даль и надъ нами, и за нами, и вправо и влѣво; прелестный, бодрящій духъ и тѣло воздухъ — все это разомъ какъ-бы отбросило назадъ то горькое и волнующее, отъ чего бѣжалось куда глаза глядятъ; даже на время забылась и Одесса съ ея прощальными сценами и стоящими на морѣ баржами съ живымъ грузомъ, и Петербургъ съ его газетами и политикой ante hoc и post hoc—до и послѣ вѣяній, и его сѣрое, безцвѣтное небо, и лѣсъ въ видѣ всероссійскихъ розогъ, и бѣдный жаворонокъ, поющій въ Суйдѣ съ холода. Всѣ пассажиры высыпали на палубу и на ютъ, какъ-бы

въ первый разъ начиная свободно дышать и видѣть и это небо чудесное, и это болѣе чѣмъ чудесное море.

Нашъ милѣйшій капитанъ увѣрялъ даже по этому случаю, что «Нахимовъ» — чародѣй, что онъ всегда «дѣлаетъ погоду»: что, пока онъ стоитъ въ гавани, погода бываетъ часто отвратительная, море неспокойно; а лишь «Нахимовъ» вышелъ въ море—погода становится восхитительная, небо шелковое, море бархатное. И мы всѣ ему охотно вѣрили, ибо сами видѣли и восхитительную погоду, и шелковое небо, и бархатное море...

И вдругъ что-то какъ-бы зашевелилось на востокѣ. Море какъ-то зарябѣло, словно на него налетѣла разомъ сплошная оспа. Воздухъ и шелковое небо какъ-бы дрогнули. Что-то пронеслось надъ нами, надъ бархатнымъ, теперь оспеннымъ моремъ. Всѣ схватились за шляпы, за косынки, за платки на головахъ. Мгновенно что-то запѣло въ воздухѣ—это запѣли и заиграли, точно громадная Эолова арфа, мачты, трубы, поддувала, реи, снасти—всякая маленькая веревочка запѣла и затрепетала...

Послышались какіе-то голоса, должно быть команда, только такъ быстро, говоркомъ, словно стрѣльба и крики въ «Гугенотахъ». Забѣгали и заметались матросики, словно вѣтеръ у нихъ въ пяткахъ сидѣлъ; куда-то полѣзли какъ бѣлки, что-то поднимали, что-то опускали, подвязывали, завязывали, развязывали, убирали, прибирали... А снасти все сильнѣе говорятъ что-то, точно и снасти, и мачты, и всѣ веревки разомъ превратились въ полицейскіе свистки.

Я разомъ присмирѣлъ съ моимъ восторгомъ. Это съ востока нежданно-негаданно налетѣлъ шальной шквалъ и отнялъ у насъ и шелковое небо, и бархатное море.

Можетъ быть, для моряковъ все это были пустяки — этотъ шквалъ: «мальчишка и щенокъ». Но я вспомнилъ пословицу: «кто въ морѣ не бывалъ»... тотъ—и не пойметъ меня... Какъ-бы то ни было, я провелъ мучительную ночь. Лежа въ своей каютѣ, я чувствовалъ, что лежу на щепкѣ, что ее мечетъ «какъ с....а с..а», по словамъ одного матросика, и что подъ этой щепкой—бездна, пучина морская, которая вотъ такъ и лижетъ наружную часть доски, той доски, внутренняя часть которой служитъ мнѣ

мучительнымъ изголовьемъ и, быть можетъ, гробомъ. Мнѣ было и жарко, и холодно. И я съ женскимъ малодушіемъ и сожалѣніемъ вспомнилъ Петербургъ, даже вонючую Сѣнную площадь, Столярный переулокъ, домъ Кавоса и мою спокойную постель...

А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ-будто въ буряхъ есть покой—

почти бредилъ я словами поэта и до самаго утра метался въ своей койкѣ, чувствуя, что меня что-то качаетъ, какъ дьяконъ кадило.

Наступившее утро было воскресенье, 10-го мая. Вѣтеръ стихъ, но оставалась по обыкновенію зыбь, которую непривычные къ морю путешественники, а особливо путешественницы, выносятъ еще менѣе, чѣмъ настоящую качку при вѣтрѣ, или качку активную:—качка пассивная, при морской зыби, когда пароходъ, такъ сказать, апатически, тихо и плавно склоняется изъ стороны въ сторону, особенно при килевомъ раскачиваньѣ, а не при боковомъ,— такая качка на людей, подверженныхъ морской болѣзни, дѣйствуетъ убійственно. Но вліяніе ея испытывали пока немногіе. Я все время не сходилъ съ юта, наблюдая, какъ огромные дельфины играли въ волнахъ и старались обогнать пароходъ, что имъ, конечно, и удавалось, благодаря ихъ плавательнымъ способностямъ. Разбойники эти буквально шалили, словно дѣти: они перегоняли другъ друга, выскакивали на поверхность моря и положительно кувыркомъ опять погружались въ него, сверкнувъ въ воздухѣ своимъ широкимъ, какъ дамскій вѣеръ, хвостомъ. Видно было съ юта, какъ они съ быстротою вѣтра неслись подъ водою, прозрачною какъ хрусталь, рядомъ съ пароходомъ, выскакивали на поверхность стрѣлою и опять кувыркались въ море.

Даже игра этихъ морскихъ шалуновъ напоминала мнѣ то, что я только наканунѣ покинулъ. Я видѣлъ, какъ вольно имъ гулялось въ голубомъ морѣ. Ихъ привольное и довольное рысканье изъ конца въ конецъ какъ-то напрашивалось на обидныя сравненія. А почему?—Да на это есть много отвѣтовъ—и отвѣты историческіе, и нравственные, и иные многіе.

Кромѣ обыкновенныхъ пассажировъ, меня занимали лучайные, пернатые пассажиры, неволею попавшіе на нашъ пароходъ.

Вчерашній вечерній шквалъ отбилъ отъ берега и занесъ въ море нѣсколько птичекъ, которыя и искали спасенія на нашемъ пароходѣ. Въ морѣ это бываетъ часто: отобьется птичка отъ берега,— вѣтеръ-ли ее занесетъ въ открытое море, или увлечетъ ее, какъ увлекаетъ и человѣка, молодая удаль и невѣдѣніе опасностей,— только воротиться къ берегу у нея не хватаетъ силы—и она погибаетъ. Другая встрѣчаетъ въ морѣ корабль, какъ Одиссей встрѣтилъ островъ влюбчивой Калипсо, и цѣпляется за это спасенье, оставаясь на его снастяхъ или реяхъ, пока вновь не покажется земля.

Въ воскресенье утромъ я по пѣнію и чириканью узналъ присутствіе у насъ на пароходѣ такихъ милыхъ, но легкомысленныхъ пассажировъ: то были двѣ золотогрудыя синички, ласточка, горлинка и зеленый щуръ-пчелятникъ—всего пять милыхъ крылатыхъ пассажировъ. Синички скоро освоились съ пароходомъ и весь день перелетали со снасти на снасть, съ реи на палубу, съ палубы на ютъ—и все время заняты были ловлею постоянныхъ пароходныхъ пассажировъ: мухъ, случайныхъ бабочекъ и всякой мошки. То же дѣлала и ласточка, но вокругъ парохода, въ воздухѣ, однако— тоже вѣдь съ хитрецой птичка!—никогда далеко отъ парохода не отлетала. Несчастнѣе всѣхъ были щуръ и горлинка. Щуръ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ неподвижно на верхней реѣ, глядѣлъ куда-то въ пространство и все въ одну сторону, вѣроятно туда, гдѣ онъ воображалъ свое гнѣздо, и только послѣ полудня, когда его повидимому одурь брала, иногда отлетывалъ отъ парохода, покрикивалъ, кружился около — и опять возвращался на свою рею. Горлинка же была совсѣмъ несчастная: прицѣпившись къ одной снасти, точно къ сухой вѣткѣ, она, по свойственной ей голубиной трусости, совсѣмъ боялась отлучиться отъ парохода и, вѣроятно, совсѣмъ разстроила свои птичьи нервы. Бѣдная! воображаю, какъ она зарекалась—не пускаться впредь въ открытое море... Я сужу о горлинкѣ по себѣ: сколько разъ потомъ я зарекался—никогда не плавать по этимъ прекраснымъ, но коварнымъ, коварнѣе, чѣмъ Яго, голубымъ волнамъ... Простите, голубыя волны, не оскорбляйтесь моими словами: — мнѣ еще долго придется быть вашимъ плѣнникомъ, подобно бѣдной горлинкѣ.

На морѣ, при однообразномъ постукиваніи пароходнаго винта и надоѣдливомъ переливаніи волнъ у боковъ парохода, часы тянутся томительно долго. Надоѣдаетъ уже эта голубая волна, это неизмѣнно-одинаковое небо; все, кажется, передумано; всѣ физіономіи пассажировъ и матросовъ приглядѣлись, и начинаетъ уже брать одурь. Время разнообразится завтракомъ, обѣдомъ, восхожденіемъ на ютъ и схожденіемъ въ каюты. Слабѣйшіе изъ пассажировъ смотрятъ уже вяло, болѣзненно, ищутъ уединенья. Временныя жилицы парохода — синички—неутомимо ловятъ мошекъ и попискиваютъ. Щуръ все сидитъ на реѣ и иногда поетъ, развлекаетъ себя. Черная собачка Коростовцева, крысоловъ Негро, съ неимовѣрнымъ усердіемъ ищетъ по всему пароходу крысъ—и все напрасно, точно мы всѣ ищемъ извѣстныхъ формъ жизни—и все напрасно тоже: Негро не находитъ крысъ, мы—этихъ неуловимыхъ формъ жизни...

Юный лордъ все подметаетъ палубу, въ сотый разъ забираясь подъ всѣ скамейки, сметая въ море окурки, всякую соринку. Младшія его сестрицы, не выпуская изъ рукъ своей мученицы-собачки, шалятъ и болтаютъ съ Дези, прелестной дѣвочкой капитана: леди щебечутъ по-англійски, красавица Дези по-русски—и понимаютъ другъ друга... Языкъ дѣтей, какъ языкъ птицъ, взаимно всѣмъ понятенъ.

Звонятъ къ обѣду. Я оставляю щура на реѣ и голубыя волны и схожу въ каюту. Обѣдъ—положительно роскошный, какой на рѣдкость былъ-бы и у Бореля, и у Огюста, и у Обрена. Но голубое море дѣлаетъ свое нелюбезное дѣло: старшая леди послѣ третьяго блюда удаляется. Но молодость беретъ свое—къ пирожному и десерту она возвращается.

Опять на палубу. Щуръ и горлинка все сидятъ на своихъ мѣстахъ:—утромъ сидѣли, въ полдень сидѣли и теперь сидятъ. Но и ихъ беретъ одурь: видимо ошалѣетъ бѣдная птичка, устанетъ до одуренья, отлетитъ немного отъ мачты, чтобы расправить крылья,—и опять торопливо назадъ спѣшитъ.

Приходитъ на ютъ капитанъ. Пассажиры видимо скучаютъ. Добрый капитанъ это видитъ и старается развлечь всѣхъ. Я завариваю о вчерашнемъ шквалѣ.

— Это что за шквалъ—пустяки! Это даже не швалъ. А вотъ

у насъ былъ однажды шквалъ ночью—вѣроятно, это было нѣчто вродѣ небольшого смерча или сифона... Приходимъ утромъ на ютъ—видимъ: вотъ эта шлюпка сорвана съ петель и лежитъ на ютѣ... Чихачовъ не повѣрилъ, когда я ему показалъ.

— А девятый валъ—это не сказка?

— Что девятый! Вотъ сто-первый—такъ это штука.

— Сто-первый?

— Да, это штука.

— Точно сто-первый выстрѣлъ.

— Да, мы этотъ выстрѣлъ обыкновенно замѣчаемъ издали и, когда онъ приближается, даемъ пароходу тихій ходъ. Тогда пароходъ не рѣжетъ его — это опасно: можно нырнуть и не вынырнуть... А мы даемъ пароходу тихій ходъ — и волна поднимаетъ его.

Разговоръ опять заминается. Юный лордъ все мететъ, не выпуская метлы изъ рукъ. Старшая леди въ красненькую книжку смотритъ. Средняя — тиранитъ и ласкаетъ свою собачку. Младшая—ссорится съ Дези и съ мистеромъ «Шмитомъ»: это Саша, маленькій сынишка капитана, почему-то называемый «Шмитомъ», какъ Паскевичъ—Эриванскимъ.

— А замѣтили, капитанъ, крылатыхъ пассажировъ?

— Какъ-же—безбилетные... А осенью и весной, во время перелетовъ, такъ ихъ набьется столько во всѣ щели, въ курятники и межъ снастей, что мы ихъ забираемъ руками—и на жаркое, либо въ пирогъ; превкусно!

Опять молчаніе. Солнце начинаетъ припекать неистово. Но съ сѣвера начинаетъ повѣвать вѣткомъ. Всѣ тоскуютъ. Но на этотъ разъ всѣхъ выручаетъ нѣкій грекòсъ въ туфляхъ и подъ зонтикомъ.

— Тэпэръ луцсе будэтъ — небалсой вэтэрокъ — прохладнэе будэтъ.

— Но вѣдь у васъ въ Греціи жарче.

— О! нэ зарце—балсой зары нэтъ.

Всѣ тоскуютъ, кругомъ одно и то же. Небо да вода, мачты да труба, реи да щуръ, и опять вода, и опять небо.

— Право! слышится команда.

— Есть!

— Такъ!

Молчаніе. Руль скрипитъ.

— Литвиненко! Слушай команду!

— Есть!

— Говорятъ тебѣ — такъ!

— Есть!

Одуряющее однообразіе. Но, впрочемъ, намъ, уставшимъ, засидѣвшимся и застрочившимся, хорошо и это однообразіе, эта одурь— точно временная «Нирвана», къ которой стремится нѣмецкая одуряющая философія.

Но день наконецъ прошелъ—настаетъ вечеръ. На мачту вывѣшивается фонарь. Въ каютахъ зажигаются огни. Въ то время, когда въ Петербургѣ теперь бѣлоглазая заря не смыкаетъ этихъ глазъ во всю ночь, здѣсь, на югѣ, ночь и мракъ наступили быстро. Всѣ неспящіе и неразговаривающіе погружаются въ полудремоту, въ полураздумье. Матросики,—кажется, всѣ до одного украинцы, и притомъ все молодой и живой народъ,—покончивъ дневныя работы, усѣлись въ сумеркахъ гдѣ-то на носу и свѣжими, здоровыми голосами затянули пѣсню. Къ тому-же было воскресенье—они вспомнили это на морѣ, далеко отъ дома, какъ, бывало, казаки вспоминали въ турецкой неволѣ и «святую неділю», и «святой день— великъ день», особенно когда напоминала о томъ Маруся Богуславка. А съ нами не было такой «дѣвки-бранки» — и матросики сами вспомнили, что дома у нихъ «неділя», и затянули пѣсню.

Что-то хорошее, согрѣвающее душу и какъ-бы грустное пробудила во мнѣ пѣсня, которую они запѣли,—и очень кстати...

Нелюдимо наше море...
. . . . . .
. . . туда выносятъ волны
Только сильнаго душой...

Вотъ что раздавалось въ ночномъ воздухѣ подъ однообразный стукъ машины и подъ вплески этого «нелюдимаго моря». Мнѣ было, впрочемъ, больше хорошо, чѣмъ грустно.

Эту пѣсню смѣнила другая:

Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль да по Казанкѣ
Сѣрый селезень плыветъ...

За «сѣрымъ селезнемъ»— третья, чисто украинская:

Ой, чумаче, чумаче,
Житте твое собаче!

Многое пѣлось, и пѣлось хорошо, отъ души. Слышалась и польская пѣсня о томъ, какъ о комъ-то «нѣ ѣдна дзѣвчина заплаче». Все перебрали симпатичные украинцы. А ночь все темнѣла и темнѣла, мракъ все сгущался болѣе и болѣе...

Но вдругъ явилось страшное опасеніе: дѣйствительно-ли это только ночь и ночной мракъ? Не туманъ-ли это?

Туманъ — самое страшное слово на морѣ, страшнѣе всѣхъ шкваловъ, бурь и качекъ. Этого слова боятся даже моряки — народъ, самого чорта не боящійся. И бури, и шквалы, и штурмы безсильны противъ хорошаго, прочнаго корабля и хорошо притомъ управляемаго, ибо пароходъ похожъ на пустую бочку, хорошо засмоленную, которую до тѣхъ поръ будетъ носить по морю и ничего не подѣлаетъ съ нею, пока не разобьетъ о камень, о скалу, обо что-либо другое твердое. И хорошій пароходъ одного только можетъ бояться—чтобъ его не разбило о скалу, о камень, о другой пароходъ. Но въ открытомъ морѣ нѣтъ ни камней, ни скалъ: могутъ быть только пароходы. И вотъ, въ туманъ, самый страшный врагъ для парохода—пароходъ-же или другое судно, встрѣчное-ли, или идущее тѣмъ-же курсомъ. Въ туманъ ничего не видать — ни сигнальныхъ огней пароходовъ, ни огней маяковъ. Единственнымъ спасителемъ пароходовъ въ такое отчаянное время являются свистокъ и возможно тихій ходъ. Тутъ вся надежда на слухъ — не раздастся-ли гдѣ свистокъ.

Въ такомъ положеніи неожиданно очутились мы, когда въ ночь на 11-е мая на море палъ непроглядный туманъ. Я понялъ опасность, понялъ какъ-то сразу, потому что — признаюсь — пугливое сердце мое было очень чутко ко всякой даже малѣйшей перемѣнѣ въ голосѣ капитана, въ командѣ другихъ офицеровъ и въ движе-

ніяхъ матросовъ. Я ловилъ всякій признакъ, который казался мнѣ сомнительнымъ, и съ каждой минутой все темнѣе и темнѣе становилось кругомъ и, какъ мнѣ чувствовалось, холоднѣе у меня на сердцѣ. Слышно было, какъ машина убавила свою работу,—я ко всему жадно прислушивался, — и я чувствовалъ опасность, я даже больше чѣмъ чувствовалъ ее: я ее преувеличивалъ, хотя она существовала на самомъ дѣлѣ. Начались свистки—все чаще и чаще, все отчаяннѣе; покрайней мѣрѣ я моими нервами слышалъ отчаянный вопль въ нашемъ свисткѣ: онъ кричалъ рѣзко, продолжительно. Послѣ всякаго свистка я начиналъ прислушиваться, не раздастся-ли свистъ гдѣ-либо впереди, въ непроглядномъ туманѣ. Но отвѣтомъ на наши свистки была мертвая тишина. Я вглядывался въ туманъ—и ничего, кромѣ пароходныхъ бортовъ и трубы, не видѣлъ... Свистки повторялись все чаще и рѣзче. Но какъ могли мы ожидать отвѣтнаго свистка, когда вѣтеръ, вѣявшій съ юга, къ намъ-же возвращалъ наши свистки и, быть можетъ, не доносилъ ихъ до встрѣчнаго парохода! А встрѣчный пароходъ могъ быть уже близко: вѣдь путь изъ Константинополя въ Одессу одинъ, по одному курсу, по одной линіи.

Второй разъ, какъ я оставилъ Одессу и вышелъ въ море, мнѣ стало страшно—больше чѣмъ страшно. Какой-то холодный ужасъ оковалъ меня... Зачѣмъ я поѣхалъ? Чего я ищу? Бѣгу отъ своихъ нервовъ? А это что—не нервы, не ужасъ?—Я уже думалъ о томъ, чтобы заранѣе снять съ себя лишнюю тяжесть и сѣсть ближе къ одному изъ спасательныхъ круговъ, чтобы, въ случаѣ столкновенья, схватиться за него и броситься въ море. Но развѣ я долго продержался-бы въ холодной водѣ, за сотни верстъ отъ земли?

Коростовцевъ, который уже было собрался спать, вышелъ на палубу.

— Я снова одѣлся.

— Зачѣмъ?.. Я думаю, что, на случай опасности, надо какъ можно легче быть одѣтымъ.

— Нѣтъ... я такъ... на всякій случай...

Страшныя это слова—«на всякій случай...» Я молчалъ.—Всѣ, кто понималъ опасность, кто бывалъ въ морѣ, не спали. Спали

только невинные, ничего не вѣдавшіе: подъ свистъ парохода имъ спалось еще спокойнѣе, какъ подъ баюкающую пѣсню... «Что-то-де свистятъ—вѣрно берегъ близко»...

Мнѣ слышится уже не свистъ, а ревъ... Господи!..

— А одназды вотъ такъ ми ѣхали—говорилъ между тѣмъ грекòсъ, тоже не спавшій, ибо, какъ потомокъ Одиссея, понимавшій коварство моря—ѣхали ми эдакъ—и вдругъ балсой, оцэнь балсой туманъ—хузе фуртовины—и мы оцень, оцень спузались—молимся—и вдругъ слисимъ: запѣялъ—какъ онъ по-русску—пѣс—пѣтелъ... алекторъ...

— Пѣтухъ?

— Да-да! пѣтухъ запѣвалъ — съ такимъ балсымъ голосомъ пѣтухъ... Ми и слисимъ...

— Ну и что-жь?

— Знацитъ, островъ—ми стопъ масина—цуть на камень не рассиблись... У! туманъ хузе фуртовины...

Утѣшительно!..

Долго сидѣлъ я на палубѣ, напряженно всматриваясь въ висѣвшій надъ моремъ мракъ и еще напряженнѣе прислушиваясь. Тихо колотившійся въ водѣ винтъ парохода, казалось, задѣвалъ за сердце и тянулъ его вмѣстѣ съ собою. Каждый моментъ ожидалось, что вотъ-вотъ послышится ударъ, трескъ—ужасныя минуты!—нѣтъ, не минуты, а часы, — и въ эти часы переживалось и вспоминалось больше, цѣльнѣе, компактнѣе, чѣмъ въ цѣлые годы.

Но вотъ начало какъ-будто свѣтлѣть. Пелена, окутывавшая пароходъ по самые борты и реи, какъ-будто отодвинулась дальше.— Да, дѣйствительно, она точно отодвинулась или скорѣе — раздвинулась.

Пароходные свистки стали все рѣже и рѣже, какъ-будто и у парохода отлегало отъ сердца, какъ отлегало у меня.

Запѣлъ пѣтухъ — «алекторъ» грекосовъ; но это былъ нашъ, пароходный «алекторъ»,—и онъ какъ-будто обрадовался. Наконецъ свистки совсѣмъ смолкли, море проглянуло изъ-за тумана, показа-

лась въ зенитѣ какая-то звѣздочка—и я, глубоко успокоенный, пошелъ спать, съ горечью вспоминая слова поэта:

Я видѣлъ море. Я измѣрилъ
Очами жадными его;
Я силы духа моего
Передъ лицомъ его повѣрилъ...

Да, и я тоже «повѣрилъ» ихъ и нашелъ, что силы духа человѣческаго ничтожны и жалки предъ лицомъ могучаго моря. Жалкою показалась мнѣ и похвальба пѣсни, которую я слышалъ за нѣсколько, можетъ быть, минутъ до тумана, и въ которой авторъ хвастается, говоря о «нелюдимомъ морѣ»:

Будетъ буря—мы поспоримъ
И помѣряемся съ ней.

Вѣрно въ пѣснѣ только то, что

...на берегъ тотъ выносятъ (волны)
Только сильнаго душой.

На этотъ разъ довольно. Свиститъ пароходъ, на которомъ я ѣду въ Яффу.

Портъ-Саидъ. На рубежѣ Африки и Азіи.

IV.

Босфоръ и Константинополь.

Раннимъ утромъ 11-го мая я вышелъ изъ каюты и взошелъ на ютъ, когда пароходъ нашъ подходилъ къ узкому, живописному, такъ-сказать, прорѣзу, который создала мудрая природа или воды Чернаго и Азовскаго морей со всѣми вливающимися въ нихъ рѣками: Дунаемъ, Днѣстромъ, Днѣпромъ, Дономъ, Кубанью и Ріономъ и ихъ безчисленными притоками, чтобы найти этой громадной массѣ воды выходъ въ Средиземное море и въ океанъ—выходъ,

который мы называемъ Босфоромъ съ сѣверной стороны Мраморнаго моря и Дарданеллами—съ южной.

Хотя утро было пасмурное, туманное, что отнимало пятьдесятъ процентовъ отъ восхитительной красоты входа въ Босфоръ, однако красота эта, даже подернутая дымкою тумана, имѣла въ себѣ что-то чарующее. Правда, по первому бѣглому впечатлѣнію, по очертанію береговъ и горъ, по ихъ углубленіямъ и изломамъ, по всему тому, что въ морской техникѣ зовется «лоціями»,—мнѣ сначала показалось, что я ѣду гдѣ-нибудь по средней Волгѣ, гдѣ-нибудь около Жигулей, Самары, Симбирска, Саратова съ ихъ живописными нагорными берегами, или даже гдѣ-нибудь около Нижняго, Балахны, Кинешмы, съ оригинальными изломами ихъ горъ; но, вглядѣвшись ближе, я съ каждымъ поворотомъ пароходнаго винта замѣчалъ, что я—въ предверіи настоящей Азіи, въ томъ пунктѣ, за обладаніе которымъ вотъ уже сколько столѣтій упорно борятся два міра и два вселенскихъ вѣрованія—Востокъ и Западъ, мусульманство и христіанство. Влѣво развертывала красоту своихъ береговъ и природы Азія, вправо—такія-же симпатичныя картины выдвигала изъ утренняго тумана южная Европа, превращенная вотъ уже сколько вѣковъ въ полу-Азію.

Сложныя—и хорошія, оживляющія, и какія-то горькія чувства—вызывали во мнѣ эти картины: это—свойство всѣхъ историческихъ мѣстъ, съ которыми пестрой нитью сплетаются такія-же сложныя историческія картины, воспоминанія, сцены... Я прежде всего вспомнилъ своихъ казаковъ-запорожцевъ, что̀ должны были чувствовать они, когда, на своихъ крошечныхъ, сравнительно съ нынѣшними пароходами, «чайкахъ» подплывали къ этому азіятскому горлу, которое своею турецкою неволею и каторгою пожирало столько казацкой и всякой христіанской крови, чтобы пробиться въ это ненасытное горло послѣ столькихъ опасностей на «зломъ» («ахеіпоs») морѣ,—и послѣ «бури на Черномъ морѣ», и послѣ публичнаго покаянія злосчастнаго казака Алексія Поповича въ томъ, что онъ у отца съ матерью прощенья не бралъ, и старыхъ людей въ груди стременами толкалъ, когда выѣзжалъ въ походъ,—что должны были чувствовать эти чубатыя и усатыя «дѣти», входя въ Босфоръ съ

дерзкимъ намѣреніемъ—«окурить мушкетнымъ дымомъ стѣны Цареграда»?..

Но я не буду вдаваться въ историческія воспоминанія. Они слишкомъ далеко завели-бы меня, хотя они вереницей и проносились передо мной, когда я глядѣлъ на красивую, всю зеленѣющую южною зеленью и, такъ сказать, гарнированную пушками огромнаго калибра продушину Европы въ Азію.

Мы вошли наконецъ въ Босфоръ. Пароходъ, какъ-бы къ моему удовольствію, двигался довольно медленно, такъ что я вполнѣ могъ налюбоваться красотами мѣстности, справедливо считающейся красивѣйшею въ мірѣ. Съ каждымъ футомъ движенія парохода передъ вами изъ-за возвышеній, уступовъ, обрывовъ и зелени открывались и, словно въ волшебной панорамѣ, развертывались виды и картины, все оригинальнѣе и оригинальнѣе: причудливые дворцы-дачи пашей; загородныя помѣщенія иностранныхъ посольствъ; роскошные сады съ причудливыми, невиданными вами въ Европѣ постройками; старинныя крѣпостныя стѣны, мрачныя, сохранившія всю свою историческую, такъ-сказать, суровость башни еще христіанскихъ крѣпостныхъ огражденій; старые, угрюмые какъ первые калифы, султанскіе «конаки» и серали и новые, мраморные, сверкающіе своей развращенной роскошью дворцы; наконецъ чудо мусульманскаго искусства — сводообразные, какъ опрокинувшееся надъ вами небо куполы мечетей и острые, тонкіе какъ пики баши-бузуковъ, точно силящіяся достать Аллаха и Магометовъ рай пики минаретовъ—прелестнѣйшее въ архитектурѣ всего міра, не исключая и готическихъ, порывающихся къ небу остроконечныхъ нагроможденій миланскаго, кельнскаго и страсбургскаго соборовъ, посягательство выразить неудержимое стремленіе человѣческой мысли вверхъ, къ небу, къ невидимому Богу. Для меня мечети и стройные минареты—лучшее украшеніе Востока: въ нихъ такъ много молчаливой, но многое говорящей воображенію поэзіи!

— А этотъ балсой басня на водѣ—это басня Леандросъ, поясняетъ своимъ одесскимъ слушателямъ грекосъ въ туфляхъ, показывая на башню Леандра.

— Какой Леандросъ?

— А это билъ давно у насъ у Грецiя маладой мусцина-кава-

леръ, которій зелалъ зениться на маладой дѣвускѣ, по имену Геро... Маладой мусцина зилъ въ Перу, вонъ тамъ, а маладая дѣвуска зила вонъ тамъ, у Скутари... Адназды билъ балсой фуртовина—буря балсая, а Леандросъ и поплилъ—такъ, безъ каика, нагисомъ, черезъ Босфоръ—и не доплилъ до берега, пасолъ на дно... А дѣвуска увидала, сто зенихъ пасолъ на дно, перекрестилась и за нимъ пасла...

— Бѣдная! Утопилась?

— Утопилась — усъ оцэнь любила зениха... Такъ это ихъ басня...

Наконецъ мы остановились въ самомъ центрѣ той части Босфора, съ которой видъ на Константинополь, на самый Босфоръ, на Золотой Рогъ, на Скутари и на Мраморное море особенно поражаетъ путешественниковъ: пароходъ сталъ у самаго входа въ Золотой Рогъ, какъ-разъ противъ башни Леандра. Положеніе это сразу открывало передъ нами всю чарующую прелесть столицы нѣкогда восточныхъ римскихъ императоровъ, теперь—падишаховъ. Прямо встаетъ передъ глазами холмообразный Стамбулъ—собственно турецкая и лучшая часть Константинополя, съ священною Софіею какъ-бы въ куполѣ этого холма и съ высокими, прелестными минаретами, какъ-бы охраняющими эту христіанскую святыню отъ посягательствъ на нее христіанъ-же, гяуровъ; тамъ-же величественныя мечети: султанъ Баязедъ, султанъ Махмудъ и другія съ своими восхитительными минаретами; Стамбулъ глядитъ фасомъ на Босфоръ, лѣвой (глядя съ Босфора) стороной — на Мраморное море, правой—на Золотой Рогъ, на Галату и Перу. Тутъ-же разомъ вы видите и этотъ Золотой Рогъ — поистинѣ «золотой» по прелести панорамы, обрамляющей оба его берега,—и мостъ, соединяющій Стамбулъ, черезъ Золотой Рогъ, съ Перою и Галатою, и эту Перу и Галату съ торчащею надъ нею и господствующею надъ всею этою волшебною картиною башнею Галаты, древнею, мрачною, необыкновенно много говорящею воображенію и по своему виду, и по своей причудливой постановкѣ, и по древности, восходящей за предѣлы появленія турокъ въ Европѣ. Ниже всего этого, у самаго Босфора, какъ-бы смотрится въ его воды замѣчательная мечеть Топхане — и опять эти минареты, рѣшительно составляющіе мою слабость!

Это мы смотримъ, начавъ отъ Стамбула и Мраморнаго моря и поворачиваясь все направо. Тутъ мы опять глядимъ на Босфоръ, протягивающійся къ Черному морю, а еще правѣе—это уже Азія, очаровательное Скутари съ своими, тоже, мечетями, минаретами, кипарисами и просто волнующей васъ картинностью. Тамъ-же, на водѣ, въ Босфорѣ, точно плаваетъ башня Леандра. Она въ самомъ дѣлѣ такъ напоминаетъ того «маладого мусцину», который любилъ «маладую дѣвуску», плылъ къ ней на свиданье, не доплылъ—и утонулъ: башня тоже какъ бы силится доплыть до скутарійскаго берега, подплыла уже близко, а дальше—не можетъ. Она остановилась тамъ, гдѣ «маладой мусцина пасолъ на дно».

Читатель, конечно, помнитъ, что въ этомъ мѣстѣ чуть не «пасолъ на дно» уже почти въ наше время другой «маладой мусцина»—Байронъ, который, при своей хромотѣ или, скорѣе, колченогости и по своей британской эксцентричности, вздумалъ переплыть Босфоръ въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ когда-то, еще въ героической или, скорѣе, миѳической Греціи, отважный Леандръ каждую почти ночь плавалъ къ скутарійскому берегу на свиданье къ своей возлюбленной Геро, и гдѣ его однажды захватила буря и потопила на глазахъ его милой. Сія басня показываетъ, что на свиданье къ милымъ надо ѣздить на каикахъ или на яликахъ, а отнюдь не «нагисомъ», что во всякомъ случаѣ опасно, особенно въ Босфорѣ (да даже и на Черной рѣчкѣ), гдѣ—конечно въ Босфорѣ, а не на Черной рѣчкѣ—такое сильное теченіе, что съ трудомъ можетъ идти пароходъ. И неудивительно: черезъ Босфоръ вливаются въ Средиземное море всѣ воды Чернаго и Азовскаго морей, Днѣпра, Дона, Днѣстра, Дуная, Кубани, Ріона и, какъ я упомянулъ выше, нѣсколькихъ сотъ можетъ быть ихъ притоковъ.

Пока я съ высоты своего юта предавался восхищенію при видѣ всего этого царства красоты съ добавкою синѣвшихъ вдали на Мраморномъ морѣ Принцевыхъ острововъ и—грѣшный человѣкъ—отмахивался, какъ отъ роя мошекъ, отъ цѣлаго роя восхитительнѣйшихъ, чарующихъ своею поэзіею и удручающихъ своею мрачною стороною историческихъ призраковъ,—кругомъ парохода и на самомъ пароходѣ насталъ тотъ моментъ, когда въ самомъ разгарѣ построенія Вавилонской башни Богъ смѣшалъ людямъ языки, и

когда хохолъ на требованіе москаля «подай топоръ», отвѣчалъ невпопадъ: «у мене нема топора, а е сокира», съ чего собственно и началось гоненіе на хохлацкую рѣчь. Однимъ словомъ—началось вавилонское столпотвореніе. На пароходъ тучею нахлынули представители всевозможныхъ восточныхъ народностей, такихъ, какихъ въ Европѣ вы никогда не увидите и о которыхъ только читаютъ у насъ въ церквахъ, послѣ пасхи, въ «Дѣяніяхъ Апостольскихъ», въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ при чтеніи всего болѣе спотыкаются дьячки. Мнѣ казалось, что передо мной читаютъ это самое мѣсто, гдѣ упоминаются и «парѳяне, и мидяне, и еламите, и живущіи въ Месопотаміи, во Іудеи же и Каппадокіи, въ Понтѣ и во Асіи, во Фригіи же и Памфиліи, во Египтѣ же и странахъ Ливіи, яже при Кириніи, и римляне, и іудеи, и критяне, и аравляне». Все это — въ неизобразимыхъ никакою кистью и неописанныхъ ни однимъ этнографомъ костюмахъ, и каждое изъ этихъ созданій предлагаетъ свои услуги, свой «каикъ», свою «барку», свое руководство по городу, рекомендуетъ отели, показываетъ какія-то карточки и непремѣнно хочетъ завладѣть вами. Но я отъ всѣхъ этихъ критянъ и аравлянъ или отдѣлываюсь упорнымъ молчаніемъ и улыбкой, или односложными «поп», «по», «пеіп», «нѣтъ», или, наконецъ, поражаю ихъ неожиданною рѣчью: «что вы ко мнѣ, аравляне эдакіе, пристаете? Чего вамъ отъ меня, парѳяне и мидяне, нужно? Отстаньте вы отъ меня, пожалуйста, фараоны и эѳіопы! Безъ васъ знаю, что мнѣ дѣлать». Эта неожиданная рѣчь, на дикомъ для нихъ діалектѣ, охолаживаетъ ихъ какъ холодный душъ.

А «каиковъ» вокругъ парохода разомъ очутилось столько, что если съ юта уронить въ море иголку, то она не упадетъ ни за что въ море, а воткнется или въ чалму, или въ феску, или застрянетъ въ шерстяной головѣ эѳіопа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, расталкивая «каики» этихъ «мидянъ» и «аравлянъ», къ пароходу подлетѣлъ, пыхтя и граціозно вздрагивая, изящный паровой катеръ съ британскимъ флагомъ. На немъ красовался мундирный экипажъ, какой-то рыжій—непремѣнно!—агличъ въ изящныхъ перчаткахъ и плотный, добродушный на видъ, весь въ басонахъ и позументахъ и въ полномъ вооруженіи турокъ, повидимому не малаго ранга, для почетной встрѣчи дорогихъ го-

стей. А эти дорогіе гости что-называется и ухомъ не ведутъ: старшая леди, конечно, поздоровалась съ джентльменомъ и улыбнулась на сердечнѣйшій привѣтъ толстаго турки; но младшая отрасль посольства продолжала свое дѣло; лордъ носился съ метлой и заглядывалъ въ лица фараоновъ и эѳіоповъ; леди Викторія заботилась только о своей собачкѣ и заставляла ее прыгать черезъ львиную цѣпь; самая младшая леди тащила въ катеръ свои куклы. Ихъ земное величіе для нихъ еще непонятно.

Надо было видѣть, съ какою нѣжностью и благоговѣніемъ толстый турокъ поймалъ своею жирною ручищею маленькую ручку малютки-лорда, свободную отъ метлы, и положительно боялся выпустить ее какъ сокровище, какъ залогъ будущаго и надежду Турціи,—вѣдь этотъ курносенькій лордикъ, быть можетъ, шествуя по стопамъ папаши, тоже будетъ британскимъ посломъ въ Турціи, а то и главою правительства трехъ соединенныхъ королевствъ и, быть можетъ, врачемъ мнимо-«больного человѣка», какимъ вотъ уже второе столѣтіе ошибочно называютъ Турцію.

Паровой катеръ съ надеждою Турціи скоро скрылся изъ глазъ, а я занялся другою почетною встрѣчею дорогихъ гостей.

Въ первыхъ письмахъ я говорилъ о бѣжавшихъ изъ Одессы еврейскихъ семействахъ. Ихъ въ Константинополѣ собственно не ждала никакая встрѣча. Ихъ, какъ и всѣхъ насъ, ждали только «каики» и заправляющіе ими шакалы—впрочемъ добрые и честные, только навязчивые, одѣтые въ костюмы «критянъ» и «аравлянъ».

Сходитъ съ парохода одно изъ такихъ семействъ. Мать занята вытаскиваньемъ изъ люка своего бутора, который, какъ я говорилъ, стоило-бы только выбросить за бортъ, но который дорогъ бѣдняку, особенно когда у него на шеѣ пищащія, постоянно требующія ѣсть дѣти: это грязные, протертые и просаленные тюфяки, дырявыя одѣяла, подушки, циновки, корзинки, кострюльки, узлы и узелки, — однимъ словомъ то, что въ дорогѣ отравляетъ человѣку жизнь.—Мать возится съ этимъ почти невещественнымъ имуществомъ, а маленькія дѣти, брошенныя на палубѣ, орутъ въ истошный голосъ. Черезъ нихъ шагаютъ носильщики, матросы, пассажиры, дикіе «аравляне», ихъ задѣваютъ тюками, толкаютъ, а они ревутъ—тянутся въ люкъ за матерью. Какъ они не попа-

дали туда, какъ не разбились въ дребезги—одному еврейскому Богу извѣстно. Мать выползаетъ изъ люка съ ношей, спѣшитъ тащить ее къ пароходнымъ сходцамъ, а дѣти цѣпляются ей за подолъ, падаютъ, опять цѣпляются и тянутся къ лѣстницѣ, къ борту, чтобъ скувырнуться въ море. Какой-нибудь жалостливый матросъ ловитъ ихъ и ставитъ въ безопасное мѣсто; но они осипли уже отъ крика—они посинѣли отъ натуги. Мать вырывается на секунду изъ-подъ бутора, отыскиваетъ гдѣ-то грязный узелокъ, выщипываетъ изъ него грязными пальцами по куску хлѣба, выковыриваетъ изъ какого-то горшка тѣми же грязными пальцами по кусочку масла, вытираетъ загрязненные прежде, а потомъ сугубо догрязненные масломъ пальцы объ куски хлѣба—это она помазала хлѣбъ масломъ—и суетъ куски дѣтямъ.

— Пшя... пшя... пшя, киндеръ...

«Киндеръ» — еще сговорчивые, ибо голодные—утыкаютъ носы въ хлѣбъ, выковыриваютъ изъ него голое масло и ѣдятъ; а мать опять скрывается въ люкъ. Начинается опять ревъ и безсильное сипѣніе. Мать опять выбѣгаетъ съ какою-то дрянью.

— Пшя-пшя-пшя, киндеръ...

Я взялъ «каикъ» и поѣхалъ въ городъ. Каикъ скользилъ между сотнями другихъ каиковъ, катеровъ, пароходовъ. Слышалась одна только бусурманская рѣчь, виднѣлись только бусурманскія рыла. Подъѣзжаю къ Золотому Рогу, смотрю, какъ десятки каиковъ сталкиваются, опережаютъ одинъ другой, чуть не опрокидываются, и бусурманы ловятъ плавающіе по Босфору апельсины (вѣрно, опрокинулась гдѣ-нибудь лодка съ ними), ссорятся, дерутся, хохочутъ.

— Дяденька! Тетенька! Здравствуйте!

Это раздается голосъ съ какого-то каика. Оглядываюсь. Изъ Перы въ Стамбулъ быстро несется каикъ съ сѣдоками-турками, а гребетъ въ каикѣ и кричитъ «дяденька», «тетенька» христіанская образина, только оборванная... Молодой еще парень, русый, безъ профиля—ну, точь-вточь нашъ тверской яличникъ на Невѣ. Какъ онъ попалъ въ Золотой Рогъ—одному Богу вѣдомо: конечно, напроказилъ на святой Руси и какъ-нибудь, въ видѣ синички, на пароходѣ пробрался въ столицу падишаха.

Я присталъ къ правому берегу Золотого Рога, т. е. на этотъ разъ не къ Стамбулу, и пошелъ бродить по Перѣ и Галатѣ, куда глаза глядятъ. Это значитъ—я окунулся въ безбрежное море грязи, узкихъ, какъ дверь въ рай, и кривыхъ, какъ совѣсть подлеца, улицъ, уличекъ, переулковъ. Константинопольскихъ улицъ Перы и Галаты собственно нельзя назвать улицами: это—какъ во всѣхъ восточныхъ городахъ—не улицы, а какіе-то пролазы между домами и лавками, какія-то ущелья, часто крытыя, лишенныя солнца и воздуха, въ которыхъ самъ чортъ не разберется. Что наша Москва! это верхъ правильности и прямолинейности; а здѣсь—что-то невообразимое. И во всемъ этомъ бусурманы разбираются какъ у себя дома и не пропадаютъ безъ вѣсти. Къ довершенію всего—на этихъ-же уличкахъ, въ этихъ продушинахъ кипитъ вся жизнь Востока: кроятъ, шьютъ, кейфуютъ, курятъ «наргиле» (кальянъ), играютъ въ кости, въ шашки, варятъ, жарятъ, пекутъ, мѣсятъ, ѣдятъ, пьютъ кофе, спятъ—все это на улицѣ. Оттого на такихъ улицахъ у нихъ и не ѣздятъ, да и экипажей нѣтъ: всѣ перевозочныя средства Востока въ городахъ сосредоточены на спинахъ умнѣйшаго и симпатичнѣйшаго въ мірѣ животнаго—ослика. Если, по выраженію великаго философа, «терпѣніе есть геній, и геній—терпѣніе», то оселъ—геніальнѣйшее существо въ мірѣ. Часто не видать его совсѣмъ подъ массивнымъ грузомъ; виднѣются только копытца, постукивающія по мостовой, да хвостъ, отгоняющій мухъ, а грузъ двигается по улицѣ: это идетъ геній Востока—осликъ. Умилительное животное!

Умилительны также константинопольскія собачки. Ихъ нельзя назвать «собаками», это для нихъ грубо: они именно «собачки»; такъ и «ослика» несправедливо назвать «осломъ»: онъ именно «осликъ», украшеніе Востока. Константинопольскія собачки меньше нашихъ обыкновенныхъ собакъ. Онѣ смотрятъ почти щенками. Всѣ онѣ желтосѣренькія, но больше желтыя. Онѣ не принадлежатъ никому; у нихъ ни своего дома, который-бы онѣ сторожили, ни своей конуры; онѣ составляютъ принадлежность улицы, или ея извѣстной части, или же квартала. Поэтому онѣ живутъ постоянно на улицѣ, въ этомъ грязномъ ущельѣ, и тутъ же сѣятъ и рожаютъ. Онѣ никого не трогаютъ. Почти постоянно вы видите ихъ спящими—и конечно

съ голода: прижавшись спиною къ стѣнѣ и вытянувъ на улицу ножки, такія собачки цѣлымъ рядомъ спятъ на всѣхъ константинопольскихъ улицахъ, особенно же на грязныхъ. При тѣснотѣ улицъ и почти неимѣньи тротуаровъ, прохожіе постоянно наступаютъ на ноги бѣдныхъ собачекъ; нечаянно обиженное животное жалобно взвизгиваетъ и ищетъ себѣ другого мѣста, среди узкой улицы; но тамъ его топчетъ осликъ съ своею тяжелою ношею, давятъ прохожіе. Но къ чести восточныхъ человѣковъ надо замѣтить, что они необыкновенно гуманны съ своими собачками: ихъ никто умышленно не обидитъ, не ударитъ, не сгонитъ съ дороги, а напротивъ, какъ я замѣтилъ, ихъ всѣ щадятъ, переступаютъ черезъ нихъ осторожно, что съ полной добросовѣстностью дѣлалъ и я: я всегда уступалъ дорогу бѣдной собачкѣ и ни одной не наступилъ ни на хвостъ, ни на ногу. При этомъ мнѣ припомнилось варварство россійскаго человѣка: первымъ удовольствіемъ россійскаго повара является—облить собаку кипяткомъ; я самъ видѣлъ, какъ московскіе охотнорядцы обливали собакъ керосиномъ и зажигали на бѣдномъ животномъ керосинъ. Сколько при этомъ было веселаго хохоту среди всего Охотнаго ряда, когда животное визжало въ страшныхъ мученіяхъ! А дать собакѣ иголку или гвоздь въ хлѣбѣ—это любимая шутка россіянъ. Здѣсь же, на Востокѣ, я подмѣчалъ факты, которымъ наше общество могло-бы только аплодировать. Когда нашъ пароходъ стоялъ въ гавани, въ Смирнѣ, у самой набережной, я замѣтилъ съ юта, какъ какой-то восточный оборвышъ (только не греченокъ), увидавъ плавающую въ водѣ галету, съ полчаса силился перехватить ее съ набережной; ее постоянно отбивало вѣтромъ; мальчикъ тянулся съ набережной съ опасностью кувырнуться въ море, прыгалъ на сосѣднія «барки», чтобъ достать размокшую галету. Я принялъ мальчика за очень голоднаго и только удивлялся, какъ онъ рѣшится ѣсть хлѣбъ, размоченный въ противной морской водѣ. Наконецъ восточный мальчуганъ съ опасностью жизни поймалъ свою галету; я, чтобъ избавить его отъ такой пищи, хотѣлъ было уже бросить ему піастръ и только сомнѣвался, долетитъ-ли онъ до набережной, какъ вдругъ замѣтилъ, что мальчуганъ все это продѣлывалъ для собачки: недалеко спала на знойномъ солнцѣ собачка, и мальчуганъ, разбу-

дивъ ее, отдалъ ей галету, добытую съ такимъ трудомъ. И новая черта въ восточной собачкѣ—она даже не повиляла хвостомъ изъ благодарности къ своему благодѣтелю. Такъ-де предопредѣлено, такъ-де давно у Аллаха записано въ книгѣ судебъ, что 14-го мая добрый мальчикъ дастъ собачкѣ галету. Такъ вѣритъ всякій турокъ-фаталистъ, къ тому-же пріучилъ онъ и собаку. Я говорю серьезно: вѣдь животныя воспитываются (я говорю о прирученныхъ) людьми, среди которыхъ они живутъ.

Вотъ подтвержденіе этому (и повторяю—я говорю совершенно серьезно, находя это важнымъ и существеннымъ для характеристики Востока). Въ Константинополѣ, какъ и въ другихъ городахъ Востока, которые я видѣлъ, когда вы проходите базаромъ, мимо лавокъ и магазиновъ, то васъ постоянно зазываютъ къ себѣ либо армяне, либо грекòсы: они совершенно напоминаютъ нашихъ гостиннодворцевъ, хватающихъ простаковъ за полы и постоянно твердящихъ: «пожалуйте-съ, господинъ,—что покупаете?.. Шпильки-булавки, сапоги-калоши... У насъ дешевле-съ—у нихъ-съ хуже—ужè»... Турокъ—никогда не зазываетъ: онъ сидитъ *на* своемъ прилавкѣ, поджавъ ноги, кейфуетъ или куритъ «наргиле», или просто дремлетъ, и если вы обращаетесь къ нему, онъ не подличаетъ передъ вами, не юлитъ, не разсыпается мелкимъ бѣсомъ, а смотритъ на васъ снисходительно, какъ на человѣка, котораго Аллаху угодно было загнать къ нему въ лавку, о чемъ у Аллаха давно было записано въ книгѣ судебъ: «тогда-то въ лавку добраго Ахмета загнать сѣдого гяура для покупки папиросъ». Эту покорность судьбѣ вы замѣчаете и въ константинопольской собачкѣ.

Но довольно о собачкѣ и осликахъ. Можетъ быть читатель сѣтуетъ на меня за нихъ. Напрасно. Безъ нихъ Востокъ былъ-бы неполонъ, не совсѣмъ понятенъ, и я надѣюсь, что подмѣченныя мною явленія пригодятся дальше для уразумѣнія восточной жизни и ея характера больше, чѣмъ всѣмъ извѣстныя «описанія» дворцовъ, мечетей и ихъ внутренностей, восточныхъ бань и восточныхъ женщинъ. Я передаю мои личныя впечатлѣнія какъ туристъ, а не какъ изслѣдователь: я и не задавался изслѣдованіями, отправляясь на Востокъ какъ спеціалистъ; я—вольная птица, и большею частью съ «птичьяго полета» рисую то, что видѣлъ *своими*

глазами, а не то, что всякій можетъ вычесть изъ книги, изъ Бедекера и даже изъ учебниковъ. Если-же-бъ я задался этой задачей въ моемъ бѣгломъ рысканьѣ по Востоку, то тогда всего, что можно было написать по этому поводу, говоря словами евангелія, нельзя было-бы «вмѣстити пишемымъ книгамъ».

Долго я колесилъ по Перѣ и Галатѣ. То восходилъ вверхъ по улицамъ и уличкамъ, то спускался внизъ, слѣдуя единственному указателю въ этомъ лабиринтѣ Востока, амальгамированнаго съ Западомъ и полу-Западомъ—солнцу, безъ котораго, какъ безъ Аріадниной нитки въ лабиринтѣ Минотавра, я совершенно потерялся-бы и которое, послѣ пасмурнаго утра, начало жечь немилосердно. Но я уже принялъ отъ него предосторожности: у меня на головѣ была бѣлая чалма съ текстомъ изъ корана, обвивавшая мой легенькій, войлочно-соломенный, бѣлаго цвѣта tropical helmet.

Отчасти по милости этого tropical helmet'а, отчасти-же вслѣдствіе привычки россіянина совать иногда въ руки нищему «копеечку», я едва не лишилъ себя возможности свободно гулять по Константинополю и осматривать все, что мнѣ бросалось въ глаза, или что я спеціально желалъ видѣть, вычитавъ о томъ прежде изъ книгъ. Проходя мимо константинопольскихъ «конокъ» (трамвеи—городскія желѣзно-конныя дороги) и разсматривая ихъ особенности, я замѣтилъ одну бѣдную женщину въ бѣлой чадрѣ, совсѣмъ закутанную и съ ребенкомъ на рукахъ. Она сама показалась мнѣ ребенкомъ. Она протягивала руку у одной лавочки, и ей ничего не давали. Я сунулъ ей въ руку, совершенно неожиданно для нея, одну изъ только-что взятыхъ мною у мѣнялы (а тутъ мѣнялъ больше, чѣмъ у насъ дворниковъ и городовыхъ) мелкую турецкую монетку. Не прошелъ я двухъ шаговъ, какъ та же дѣвочка съ ребенкомъ, кутаясь еще больше въ чадру и показывая мнѣ только свои черные глаза съ большущими бѣлками, опять протянула руку. Думая, что, быть можетъ, это другая, я и этой ткнулъ въ руку «грошикъ». Она опять—она ли, я не знаю, но уже безъ ребенка, а все тѣ же глазищи подъ чадрой и тѣ же бѣлки.

— Да я ужь тебѣ давалъ, пучеглазая,—убирайся!

— Аллахъ... мадамъ... Аллахъ—мадамъ...

— Будетъ—не дамъ—далъ ужь...

Не отстаетъ—еще одна—къ плечу прикасается—тихонько треплетъ по плечу, по рукѣ, заглядываетъ подъ helmet...

— Мадамъ... Аллахъ...

А тутъ и третья, четвертая, и съ ребятами, и безъ ребятъ...

— Э! да васъ прорва... Вы хуже собачекъ...

И я юркнулъ въ «конку», чѣмъ только и спасся отъ таинственныхъ восточныхъ незнакомокъ, въ бѣлыхъ какъ снѣгъ чадрахъ.

Впослѣдствіи я сдѣлался болѣе благоразумнымъ: я сталъ ходить по городамъ Востока не въ helmet'ѣ, а просто въ турецкой фескѣ, а иначе всякія чадры, да египетскіе ходячіе сфинксы, да всякіе «саисы»—мальчишки и даже большіе олухи, любители «бакшишей», не дали-бы ни разсмотрѣть ничего, ни купить, ни даже просто бродить, не зная куда бредешь... А я ужасно люблю бродить въ совершенно незнакомомъ городѣ, бродить куда ведутъ ноги и куда глядятъ глаза, не вѣдая, въ какіе омуты заберешься или какіе предметы неожиданно откроешь.

«Конка», въ которую я спасся отъ турчанокъ, привезла меня къ мосту черезъ Рогъ въ Стамбулъ. Но я на этотъ разъ въ Стамбулъ не отправился, а пошелъ смотрѣть то, что мнѣ хотѣлось видѣть прежде.

Кстати замѣчу, что и «конки» константинопольскія отличаются отъ нашихъ нѣкоторыми чисто-восточными особенностями. Главная изъ нихъ та, что и въ ихъ вагонахъ есть свои серали: это — отдѣленіе для прекраснаго, хотя невидимаго пола. Для этой цѣли вагонъ раздѣляется на двѣ половины особою стѣнкою и дверью съ занавѣскою на кольцахъ: передняя часть вагона, что къ лошадямъ, предназначается для женщинъ. Но, какъ и у насъ, входъ въ вагоны дозволяется не иначе, какъ съ задней площадки; поэтому и женщины, проходя въ свое отдѣленіе, не могутъ миновать мужской половины.

Но женщина—вездѣ женщина: если она хорошенькая и молоденькая, то отличается добротою и человѣчностью; проходя мимо васъ, она всегда нечаянно раскроетъ или упуститъ уголъ покрывала, скрывающаго ея хорошенькое личико, и дастъ вамъ возмож-

ность полюбоваться имъ. Если же она старуха или безобразна, то она свирѣпа какъ волчица въ лѣсу. Она нетолько закутаетъ наглухо свое естество, но еще и отвернется, что съ ея стороны впрочемъ очень великодушно. Другія же—и въ Египтѣ это постоянно—перекидываютъ черезъ голову нѣчто вродѣ намордника или скорѣе налобника: это—длинный, большею частью металлическій цилиндръ, положенный поперекъ лба и вдоль переносья и носа, съ продѣтымъ въ него шнуркомъ и съ поперечными металлическими же кружками; налобникъ этотъ съ помощью шнурковъ и придерживаетъ покрывало, не позволяя ему ни подняться выше глазъ, ни опуститься на линію ниже. Оттого такія восточныя женщины съ металлическими переносьями кажутся очень страшными и похожи скорѣе на джизехскаго сфинкса съ отбитымъ носомъ, чѣмъ на женщину. Изъ-за цилиндра и покрывала, большею частью уже не бѣлаго, а чернаго, выглядываютъ точно изъ пропасти глаза — и всегда кажутся очень злыми и очень страшными.

Но я не долженъ забѣгать впередъ.

Въ этотъ день я осмотрѣлъ все, что меня занимало: и башню Галаты, и подземную дорогу, и лучшія мечети. Отдыхалъ я въ тѣни кипарисовъ, на старомъ внутреннемъ кладбищѣ, спасаясь отъ солнца, которое нѣтъ-нѣтъ да и припечетъ безсовѣстно. Я слушалъ тоскливо-гугнявое, въ тѣни кипарисовъ, воркованье, скорѣе нытье восточныхъ голубей, котораго когда-то особенно не могли выносить наши запорожскіе «бидни невольники». Я видѣлъ дикія кривлянья бродячихъ дервишей—и понялъ, какъ обаятельна для людей сила идеи, даже дикой, изувѣрской, и какъ заразителенъ нравственно и всесиленъ человѣкъ, когда онъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ, лиризмомъ своего увлеченья, хотя-бы оно было ужасное, звѣрское... Я понялъ, почему въ Москвѣ, на пушкинскомъ торжествѣ, женщины и даже мужчины падали въ обморокъ отъ рѣчей Достоевскаго; глядя здѣсь на дервишей, я вспомнилъ покойнаго Ѳедора Михайловича и его дервишеское нѣчто въ его ораторствѣ и творчествѣ. Я любовался ученою молодежью восточнаго міра, возвращавшеюся откуда-то съ своими тетрадками и свитками и съ молодымъ энтузіазмомъ о чемъ-то споривше ею... Молодость—вездѣ на-

дежда и движеніе впередъ: софтовъ напрасно обвиняютъ въ закоренѣломъ застоѣ. Софты напомнили мнѣ нашихъ студентовъ и—мою собственную молодость.

Утомившись до изнеможенія рысканьемъ по городу, я поспѣшилъ къ Босфору, взялъ «барку» съ барочникомъ-итальянцемъ и воротился на свой пароходъ.

«Наголо турокъ», припомнилось мнѣ изреченіе одной героини, помнится Островскаго, когда я очутился у себя въ каютѣ. Только изрѣдка мелькаютъ по городу черныя женскія, европейскія платья современнаго покроя, да окатятъ васъ свѣтомъ ничѣмъ незакрытыя греческія или еврейскія красивыя зенки—извините за выраженіе, но оно вѣрно.

Остальную часть этого дня я провелъ на пароходѣ, въ спокойномъ созерцаніи того, что представлялось моимъ глазамъ, и въ ожиданіи, на завтра, посѣщенія Стамбула и обозрѣнія его достопримѣчательностей. Да и было на что посмотрѣть съ юта парохода. Въ виду чудной, невиданной мною обстановки и въ виду проявленій жизни въ совершенно иныхъ, чѣмъ у насъ, формахъ, самыя обыкновенныя явленія отчасти превращались въ какую-то фантасмагорію. По Босфору, по Золотому Рогу, по побережью Мраморнаго моря постоянно шныряютъ, неистово шумя и плеща колесами, словно крыльями, такъ-называемые въ шутку «шайтаны» (черти)—большіе, только колесные, пузатые пароходы, съ полумѣсяцемъ и звѣздою на красномъ полотнищѣ флага: эти черти рыщутъ по всѣмъ направленіямъ, быстро, неосторожно перевозя пассажировъ изъ Стамбула въ Скутари, изъ Скутари въ Перу и Галату—и все это биткомъ набито лицами, чалмами, фесками, костюмами такого разнообразія и невообразимой иногда первобытности и непосредственности, что голова закружится отъ одного созерцанія этого мыкающагося Востока, пестраго и уродливаго, красиваго и фантастическаго, безобразнаго и поэтическаго.

Тутъ же, подъ стать «шайтанамъ», постоянно кувыркающіеся въ водѣ дельфины, словно собаки, только болѣе дерзкіе, чѣмъ собаки константинопольскія,—и откуда ихъ такая прорва! Плавающія по Босфору и жалобно кричащія чайки, издали напоминающія брошенные въ море комья снѣгу или скомканные листы бѣлой бу-

маги. Разнообразіе всевозможныхъ восточныхъ говоровъ, оглушающихъ дикой особенностью своей фонетики и своею какъ-бы нечеловѣческою мелодіею-диссонансомъ,—все это поражаетъ свѣжаго человѣка. На самой палубѣ тоже какъ-бы выросъ самъ Востокъ. Идетъ грузка и выгрузка при помощи вавилонскихъ языковъ. Но русская и украинская рѣчь пока еще преобладаютъ въ пароходной техникѣ, въ неожиданныхъ выкрикахъ. Скрипитъ «лебедка» — кричитъ какъ-то, какъ кричатъ и матросы.

— Вира помалу! Это значитъ: подымай грузъ помаленьку, легче.

— Стопъ, баста!

— Майна помалу! Это: опускай легче.

Грузчики тутъ большею частью черногорцы—рослый, выносливый народъ, и «братушки»—болгары-румелійцы.

— Ой, брате Миколо! Бога-ми!

— Вира чучъ! Это эѳіопъ старается по-русски: «подымай чуть!»

Или среди всѣхъ этихъ вавилонскихъ языковъ вдругъ отчетливо раздается: «Эй ты чѳрте! куды прешь!»

Наступила ночь. Новое волшебство представляла ночная картина Константинополя, Босфора, Золотого Рога и Скутари. Казалось, все южное небо, съ горящими, словно бѣшеныя, звѣздами, спустилось цѣликомъ на Стамбулъ, Перу, Галату и Скутари. Это горѣли безчисленные огни—и въ водѣ, и на берегахъ, одинъ выше другого, цѣлыя группы огней, точно группы созвѣздій, упавшихъ на землю. Но шумъ не умолкалъ и ночью.

Я легъ спать, въ нетерпѣливомъ ожиданіи видѣть Стамбулъ и все, чего мнѣ еще не удалось видѣть.

Но, къ сожалѣнію, утро было пасмурное. Пришлось пока оставаться на пароходѣ и смотрѣть, какъ изъ передняго люка выгружали черкасскихъ быковъ, привезенныхъ въ Константинополь. Бѣдные рогатые украинцы съ помощью всесильной «лебедки» возносились высоко надъ палубой и, обезумѣвшіе отъ неожиданности и страха, спокойно опускались въ лодки. Будутъ помнить бѣдные «волы круторогіе» проклятую турецкую неволю!

Но едва прояснилось, какъ я взялъ каикъ и поѣхалъ прямо въ Стамбулъ. Святая Софія съ прелестными минаретами; древній византійскій ипподромъ, нынѣ Атъ-Мейданъ, съ обелискомъ импе-

ратора Θеодосія, съ ободраннымъ турками столбомъ Константина Порфироднаго и упоминаемою еще Геродотомъ «змѣиною колонною», поставленною когда-то греками въ честь побѣды при Платеѣ—всѣ эти гиганты и осколки древности долго приковывали мои взоры къ себѣ и вызывали воспоминанія. Но описывать ихъ я опять-таки не буду. И безъ того растянулось мое письмо.

Въ Стамбулѣ я гулялъ долго, пилъ настоящій турецкій кофе у самой Софіи, сорвалъ тамъ въ память о ней цвѣтокъ—бродилъ, усталъ... Кончаю. Сейчасъ ѣду въ Іерусалимъ.

Палестина, Яффа 24-го мая.

V.

Въ гостяхъ у троянцевъ.

Мы выѣхали изъ Константинополя вечеромъ, но берега Мраморнаго моря, въ которое мы вступали, еще не успѣли окутаться вечернимъ сумракомъ.

Я долго сидѣлъ на ютѣ, пока не скрылись берега моря, пока не перестали свѣтить, какъ-бы на прощанье намъ, огни Константинополя, и не задернулся туманомъ весь сѣверъ... Константинополь становился для меня уже сѣверомъ, когда, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, я мечталъ объ Украинѣ какъ о завѣтномъ югѣ, съ весеннею зеленью и весеннимъ солнцемъ. А теперь, относительно къ Константинополю и Босфору, милая Украина становилась далекимъ, очень далекимъ сѣверомъ. А Петербургъ... Петербургъ казался на краю свѣта, гдѣ-то подъ полюсомъ.

Только на другой день, утромъ, я замѣтилъ, какъ, съ выѣздомъ изъ Константинополя, измѣнилась, повидимому, физіономія нашего русскаго парохода. Казалось, онъ пересталъ быть русскимъ.

Дѣло въ томъ, что когда мы ѣхали отъ Одессы къ Константинополю, въ составъ пассажировъ нашего парохода входили, большею частью, лица и физіономіи, которыя выражаютъ собою характеръ населенія южной Россіи по преимуществу. Тутъ были и греки, и евреи, и значительный процентъ восточнаго элемента,

который въ Одессѣ, какъ въ приморскомъ городѣ, не рѣдкость. Чисто россійскихъ типовъ почти не было:—я замѣтилъ двухъ-трехъ богомолокъ, съ характерными, на головахъ, черными платками. Кто мнѣ особенно казался ископаемымъ на Черномъ морѣ, на пароходѣ, приближавшемся къ Босфору,—такъ это настоящій сѣверный лапоть, настоящій москаль, тотъ русоволосый дреговичъ или древлянинъ, который создалъ Россію и котораго, изъ любезности, называютъ мужикомъ, мужичкомъ и сиволапымъ. Это былъ единственный мужикъ на русскомъ пароходѣ, отправлявшемся на Востокъ. Да и въ самомъ дѣлѣ—что дѣлать русскому мужичку на Востокѣ, если только не поклониться Гробу Господню?

И вдругъ, по выѣздѣ изъ Константинополя, на Мраморномъ морѣ, я, хорошенько осмотрѣвшись на пароходѣ, почувствовалъ, что мой Рубиконъ дѣйствительно остался за мной, что я уже въ самомъ дѣлѣ на Востокѣ. Тутъ только я могъ съ полнымъ правомъ повторить слова неизвѣстнаго поэта нашей древности: «о русская земля! уже за шеломянемъ еси»... У насъ оказались пассажиры съ самаго дальняго Востока и изъ Африки. Послѣднихъ я никогда прежде не видалъ, и потому они показались мнѣ людьми другого міра, другой планеты. Эти бронзовыя лица коренныхъ арабовъ и арабокъ, въ ихъ, невольно поражающихъ васъ удивленіемъ, одѣяніяхъ; эти ребятишки изъ Ливіи съ шерстью или, вѣрнѣе, съ черною, самою мелкою мерлушкою на головѣ вмѣсто волосъ, и съ такою же черною косою на маковкѣ, съ прибавкою къ косѣ какихъ-то кожаныхъ мѣшочковъ; эти черныя, татуированныя руки, къ которымъ впослѣдствіи я слишкомъ приглядѣлся въ Египтѣ и часто жалъ ихъ съ благодарностью; эти хорошенькіе мальчики, въ ситцевыхъ юпочкахъ и полосатыхъ бурнусикахъ, которыхъ я долго принималъ за дѣвочекъ и которыми въ Каирѣ, какъ я послѣ увидѣлъ, хоть Нилъ загатить такъ можно... Послѣ я уже ничему не удивлялся...

Но описать, изобразить, передать хоть въ слабыхъ чертахъ то, что видишь на дальнемъ Востокѣ,—нельзя, немыслимо: ни силъ, ни словъ, ни умѣнья не достанетъ. Надо все видѣть самому, надо устать отъ подавляющей массы новыхъ впечатлѣній, устать нервами отъ этого разнообразія кричащихъ неожиданностей, устать

отъ этого невыносимаго, такъ сказать, изобилія всего, на что вы невольно смотрите—смотрите до утомленія, до изнеможенія. Повторяю, надо видѣть Востокъ, чтобы понять, что̀ это за поразительный міръ. Передъ нимъ западный міръ—безцвѣтенъ, однообразенъ, какъ магазинъ модистки, наполненный платьями одного и того-же послѣдняго фасона.

Я пишу эти строки въ Іерусалимѣ, передъ отъѣздомъ изъ него обратно въ Европу, и когда только вспомню все, что я видѣлъ и перечувствовалъ въ эту мою поѣздку на Востокъ,—все это кажется мнѣ сномъ, бредомъ, кошмаромъ...

Но возвращусь къ прерванному разсказу. Въ ночь мы почти проѣхали Мраморное море, а утромъ проѣзжали Дарданелами...

Мы приближались къ бывшей троянской землѣ, къ владѣніямъ священнаго Иліона. Дѣтскія, школьныя впечатлѣнія, которыя вѣдь сильнѣе и живучѣе всѣхъ послѣдующихъ въ жизни человѣческой, картины и сцены, приправленныя и украшенныя самою яркою окраскою молодого когда-то воображенія, признаюсь, совсѣмъ овладѣли мною, старымъ человѣкомъ, и я, при видѣ троянской земли, переживалъ и видѣлъ то, чего не находилъ даже почтенный Шлиманъ, отрывая изъ-подъ тысячелѣтнихъ пластовъ троянской земли сокровища старика Пріама. Я видѣлъ и самого Пріама-старца, и юнаго Энея, и Гектора, и Андромаху, и Гекубу... И въ этотъ памятный, въ моей жизни, моментъ я не могъ сказать никакъ съ героемъ Шекспира: «что мнѣ Гекуба, и что я Гекубѣ»?.. Теперь мнѣ казалось, что насъ съ Гекубой связываютъ общія воспоминанія и сожалѣнія о минувшемъ. Я не стыжусь признаться, что я, какъ школьникъ, рвался скорѣе увидѣть эту землю, по которой бродили старыя ноги Нестора, когда онъ бродилъ по берегу этого самаго моря, вотъ по этому самому берегу, думалъ своею старою головою о милой, далеко оставшейся тамъ, за моремъ, поэтической Греціи—и кашлялъ... Вѣдь старики всѣ кашляютъ, а Несторъ былъ очень, очень старъ...

Вонъ тамъ,—думаю,—на томъ камнѣ сидѣлъ продувной Одиссей, прародитель современныхъ продувныхъ грекосовъ—«балсой, оцень балсой масенникъ»—сидѣлъ и думалъ, какъ-бы ему провести добродушныхъ троянцевъ,—и выдумалъ своего «деревяннаго коня»...

Вонъ тамъ дрались Ахиллъ и Патроклъ, а тамъ, на горкѣ, глупые Аяксы, эти быки, которые теперь превратились въ пароходныхъ носильщиковъ, по глупости приняли стадо барановъ за троянцевъ и чуть не всѣхъ бѣдныхъ барановъ перебили...

Затуманилася Ида,
Омрачился Иліонъ,
Спитъ во мракѣ станъ Атрида,
На равнинѣ битвы сонъ...

Гдѣ-же эта Ида?—Гдѣ Иліонъ?

Но я слишкомъ забѣгаю впередъ. Нашъ пароходъ пока еще пыхтѣлъ въ Геллеспонтѣ, при выходѣ почти изъ Дарданеллъ, вблизи развалинъ бывшаго Дарануса...

Такъ вотъ гдѣ Геллеспонтъ! Вотъ гдѣ плыли черезъ эту глубокую продушину, соединяющую два моря, юные Фриксъ и Гелла, спасаясь отъ злой мачихи... Здѣсь утонула бѣдная Гелла... А вѣдь Геллеспонтъ не широкъ здѣсь, едва-ли шире того мѣста Босфора, гдѣ, когда-то, утонулъ молодой «мусцина» Леандръ и гдѣ не утонулъ Байронъ...

Нашъ пароходъ долженъ былъ пристать въ Дарданеллахъ, или-же въ Геллеспонтѣ, на томъ берегу троянской земли, гдѣ теперь стоитъ городъ Канакъ, съ турецкою крѣпостью. Хотя пароходъ очень недолго долженъ былъ стоять у Канака, но я, во что-бы-то ни стало, желалъ вступить на троянскую землю, чувствовать ее подъ своими ногами... Пароходъ, конечно, не приставалъ къ берегу, какъ всѣ морскіе пароходы, и потому на троянскій берегъ нужно было ѣхать въ шлюпкѣ. Я придрался къ случаю и попросилъ милѣйшаго Ѳому Николаевича Васильева, одного изъ офицеровъ парохода, который долженъ былъ ѣхать на берегъ, чтобы «получить практику», т. е. грузъ для парохода,—захватить и меня на берегъ: хоть похожу—думаю—по этой землѣ, посмотрю, какая она, сорву травку, цвѣтокъ или вѣтку на память о ней и пріобрѣту что-либо сдѣланное изъ *троянской земли*, изъ *троянской глины*, въ которую, конечно, попали частицы отъ праха Патрокла, отъ «великаго Патрокла»,—ну хоть не отъ Патрокла, а отъ «пре-

зрительнаго Терсита», по той теоріи Гамлета, что голова великаго Цезаря могла пойти на замазку пивныхъ бочекъ.

Милѣйшій Ѳома Николаевичъ захватилъ меня съ собою. Приставъ къ берегу, къ набережной, къ деревянному помосту, я, къ сожалѣнію, понялъ, что я еще не на троянской землѣ, что подъ моими ногами доски, а дальше—каменная мостовая—все-же не земля... Но сама судьба помогла мнѣ. Оказалось, что турецкія власти, на берегу Геллеспонта, потребовали отъ пароходнаго офицера предъявленія какого-то фирмана, и Ѳома Николаевичъ долженъ былъ вновь ѣхать на пароходъ. Я, конечно, остался на берегу и воспользовался этимъ временемъ, чтобы побывать на настоящей троянской землѣ.

Черезъ таможенную дверь я прошелъ въ городъ—маленькій городокъ, который можно перебѣжать, что называется, однимъ духомъ. Такъ какъ послѣ дождливаго утра въ Мраморномъ морѣ здѣсь уже шибко припекало троянское солнце (было часовъ 11 утра), то я былъ не въ простой городской шляпѣ, а въ tropical helmet'ѣ. По этой обыкновенной причинѣ и по сѣдой бородѣ меня приняли за самого Нестора—виноватъ: за путешественника, за шального англича—и у меня тотчасъ-же явился проводникъ, молодой троянецъ. Я, покрайней мѣрѣ, принялъ его за троянца: онъ былъ не въ турецкомъ костюмѣ, а въ какомъ-то особенномъ (это, какъ послѣ я узналъ, мало-азійскій костюмъ, въ которомъ, конечно, ходили и троянцы, если не ходили совсѣмъ голенькими),—болѣе въ обтяжку и подъ цвѣтъ какъ-бы тѣла, а на головѣ не феска, не красное, и не безпредѣльный кокошникъ настоящаго турка, но что-то напоминавшее мнѣ фригійскую шапочку. Теперь я совершенно чувствовалъ, что ноги мои ступаютъ по той землѣ, по которой ступали и ноги Кассандры, когда у нея еще не были разстроены нервы несчастіями Трои, и когда свойственная женщинамъ, даже троянкамъ, конечно нервнымъ, истерика не успѣла сдѣлать изъ нея кликуши, а слѣдовательно и пиѳіи. Я серьезно воображалъ себѣ, что за мною слѣдуетъ если не самъ красавецъ, рыженькій Ганимедъ, служитель боговъ (Hanimedes flavus), то его позднѣйшій потомокъ, превратившійся въ простого чичероне. Я шелъ быстро, лихорадочно, радостно, такъ что мой Ганимедъ едва

поспѣвалъ за мной, и скоро вышелъ за городъ. Мѣстность довольно ровная—не то что въ самыхъ Дарданеллахъ, и только холмистая. Я осмотрѣлъ все, что могъ окинуть мой взоръ:—солнце стояло уже очень высоко, почти въ зенитѣ, и, конечно, смотрѣло и на то мѣсто, гораздо южнѣе, гдѣ стояла самая Троя, и гдѣ имъ любовалась по вечерамъ вѣтреная, но «прекрасная Елена», когда оно погружалось въ голубое море ея далекой родины.

Возвращаясь въ городъ, я просилъ своего Ганимеда, немножко марокавшаго по-французски, указать мнѣ, что я могу пріобрѣсти себѣ на память о троянской землѣ, и именно такое, что сдѣлано изъ *троянской земли*. Тогда онъ провелъ меня въ двѣ лавки съ произведеніями современнаго троянскаго искусства, сдѣланными изъ троянской глины. Въ одной такой лавкѣ я пріобрѣлъ восточный, длинногорлый кувшинъ (напоминающій кувшины троянскихъ раскопокъ) съ сусальными, грубыми на немъ украшеніями, и такую-же стопу, служащую въ то же время и крышкой для кувшина. Въ другой я купилъ двухъ глиняныхъ верблюдовъ съ отверстіями между горбами, для наливанія въ верблюдовъ воды, и съ другими отверстіями въ самой пасти верблюдовъ—для питья этой воды. Верблюды также изукрашены сусальнымъ золотомъ.

Когда я воротился на пристань, наградивъ моего Ганимеда нѣсколькими піастрами, и сѣлъ на деревянные мостки, чтобъ полюбоваться прозрачною, какъ горный бѣлый хрусталь, морскою водою у берега и играющими въ ней рыбками, какъ ко мнѣ пришелъ другой Ганимедъ, уже въ костюмѣ турецкаго солдата, и почтительными знаками (приложеніемъ руки къ сердцу и ко лбу) пригласилъ меня слѣдовать за собою. Пылкое воображеніе тотчасъ нарисовало мнѣ, что меня ведутъ къ самому старику Пріаму, который, послѣ разоренія Трои, поселился здѣсь въ Канакѣ (иначе Чанакъ), на берегу Геллеспонта. Я шелъ съ почтительною робостью. Меня ввели въ какія-то комнаты, не похожія на европейскія, но, при видѣ пишущихъ за столами троянцевъ, я догадался, что меня ввели въ придворную канцелярію Пріама... Теперь вѣдь и у троянцевъ завелись канцеляріи и паспорты, конечно, уже послѣ похищенія прекрасной Елены, которая попала въ Трою безъ всякаго вида... Войдя въ канцелярію, я черезъ дверь увидѣлъ, въ другой

комнатѣ, самого Пріама. Онъ былъ уже не въ коронѣ и не въ фригійскомъ колпакѣ, а въ турецкой фескѣ (вѣдь феска взята турками у фригійцевъ—это и есть фригійскій колпачекъ), человѣкъ уже старый, но, конечно, моложе Пріама. При моемъ приближеніи онъ всталъ и любезно протянулъ мнѣ руку, прося садиться. Онъ тотчасъ-же освѣдомился, куда я ѣду. Узнавъ, что я забралъ себѣ въ сѣдую голову взобраться на пирамиды и покупаться въ Нилѣ, Іорданѣ и Мертвомъ морѣ, онъ выразилъ мнѣ пріятное изумленіе. Его, повидимому, обрадовало извѣстіе, что я намѣренъ быть въ Іерусалимѣ. Онъ спросилъ меня (мы говорили частью по-французски, частью по-нѣмецки — винегретомъ: какое слово прежде подвертывалось подъ языкъ, то и пускалось въ ходъ), откуда я и какой національности. Я сказалъ. Это его еще болѣе удивило: я видѣлъ, что онъ думалъ встрѣтить во мнѣ англичанина.

— Очень, очень радъ познакомиться, заговорилъ онъ:—а у меня въ Іерусалимѣ есть большой другъ—вашъ русскій.

— Могу спросить—кто?

— О, да!—онъ въ Іерусалимѣ русскимъ генеральнымъ консуломъ.

— А какъ его имя, позвольте узнать?

— Мосье... мосье—какъ это сказать... Коейниковъ...

— Коейниковъ... русское окончаніе...

— Нѣтъ, пардонъ, Козенниковъ... или Кошерниковъ...

Онъ порылся въ своей записной книжкѣ, нашелъ что-то.

— Да-да... мосье Кошевниковъ...

— Кожевниковъ—не такъ-ли?

— Да, да,—именно такъ... Я дамъ вамъ мою карточку къ нему...

Я досталъ свою и подалъ ему ее. Онъ хотѣлъ было прочесть ее... «Да... да... Dahi»... Но русскія буквы казались бѣдняку неразборчивѣе надписей на троянскихъ памятникахъ, открытыхъ Шлиманомъ, и я поторопился прочесть ему свою карточку; но все напрасно—онъ ничего не запомнилъ. Тогда онъ досталъ свою карточку и написалъ на ней нѣсколько рекомендательныхъ словъ г-ну Кожевникову, изобразивъ мое имя подъ мою-же диктовку.

Вотъ что я прочелъ на карточкѣ преемника Пріама: «Theod. I. de Luciano, médecin directeur sanitaire de l'Hellespont».

Увы! преемникъ славнаго Пріама—просто медикъ-санитаръ.

На оборотѣ этой карточки я прочелъ: «M-r Kojevnikoff, consul g-le de Russie à Jerusalemme (sic). Je profite du passage de m-r Daniel Lucas Mordovseff, pour vous envoyer mes salutations».

Вообще я былъ очарованъ любезностью и предупредительностью добрѣйшаго преемника царя Пріама, хотя онъ думалъ встрѣтить во мнѣ не русскаго варвара, а вѣрнаго союзника и друга всѣхъ правовѣрныхъ, аглича, покупающаго всякую глиняную дрянь. Какой-же другой чудакъ станетъ покупать глиняныхъ верблюдовъ!

Я воротился на пароходъ, гдѣ происходила посадка на нашу палубу турецкихъ солдатъ, отправлявшихся, какъ я впослѣдствіи узналъ, въ Смирну. Не арестовать-ли Мидхада-пашу по обвиненію въ косвенномъ участіи по дѣлу объ умерщвленіи султана Абдулъ-Азиса?—Нѣтъ, его, кажется, арестовали нѣсколько раньше и именно въ Смирнѣ, гдѣ онъ былъ генералъ-губернаторомъ.

Потомъ начали прибывать съ троянскаго берега другіе пассажиры. Что за лица, типы, костюмы!.. Негритянка, черная какъ самая модная шведская перчатка: лицо не лоснящееся, а именно замшевое, матовое, и руки матовыя, и поверхъ всего этого бѣлый какъ снѣгъ широкій саванъ-бурнусъ. Но она не жеманилась, какъ старая, безобразная турчанка, а всѣмъ показывала свою красоту, выточенную изъ каменнаго угля. Бѣлы только ногти да бѣлки глазъ—и, главное, франтиха, изящная, въ желтыхъ сапогахъ (а потомъ босая совсѣмъ—только подошвы бѣлы какъ у верблюда), и съ нею лакей... Молится, вся закутавшись въ бурнусъ.—Поступали на пароходъ и мѣстные типы, почему-то напоминавшіе мнѣ троянцевъ. Попадались даже русые, flavi, точно въ самомъ дѣлѣ Ганимеды. Штаны, рубахи—въ обтяжку и на головахъ колпачки, въ какомъ рисуютъ Меркурія, только безъ крылышковъ у ногъ и безъ жезла-кадуцея.

Между ними свободно бродили наши богомолки, число которыхъ послѣ Константинополя прибавилось, и въ томъ числѣ появилось два монаха изъ извѣстнаго подворья св. Пантелеймона—руководители богомолокъ: одинъ русый, съ умными Одиссеевскими глазами,

продувной; другой—черный, какъ закопченный въ аду дьяволъ, и съ волосами буквально изъ конской гривы самаго вороного коня—такъ они черны и гривоподобны... Не абиссинецъ-ли это—или почти «муринъ», какой былъ евнухомъ, т. е. «каженикомъ», у царицы Кандакійской?

Мужичокъ въ лаптяхъ, котораго я видѣлъ на Черномъ морѣ, исчезъ съ нашего парохода. Должно быть, онъ пробрался на Аѳонъ. Но вмѣсто него на нашей палубѣ появился русскій парень въ кафтанѣ и сапогахъ, по типу и ухваткамъ—скорѣе горожанинъ, но благочестивый, будущій приказчикъ, на благочестіи имѣющій ободрать какъ липку своего хозяина и пожертвовать на Аѳонъ колоколъ или паникадило. Другой—повидимому старинный провинціальный чиновничишко, еще вѣрующій въ Бога и совѣсть и видимо гордящійся краснымъ фланелевымъ одѣяломъ.

Богомолка съ книжкой (монахъ всучилъ)—по типу начетчица, читающая шибко въ носъ и смотрящая не простою смертною, а чуть-ли не царицею Савскою. Ѣстъ зеленые турецкіе бобы и даетъ ихъ хорошенькимъ бѣленькимъ (удивительно, какъ не почернѣли въ Сиріи, а они оттуда) мальчикамъ въ юпочкахъ и бурнусикахъ, «бѣлымъ арапчатамъ» изъ Дамаска, и потомъ въ Россіи будетъ всѣхъ увѣрять, что сама была въ «Бѣлой Арапіи» и сама изъ своихъ рукъ кормила турецкими бобами бѣлыхъ арапчатъ въ юпочкахъ и бурнусикахъ... А шалуны и разбойники—страхъ!—хоть имъ уже лѣтъ по 12—13-ти—не меньше.

— Эй, Вася! трави конецъ!

— Есть!

Это кричитъ матросъ, взбирающійся на мачту какъ кошка; и какъ у него голова не закружится!—А Вася—это юноша, охотникъ-морякъ, совсѣмъ еще мальчикъ, воспитанникъ Херсонскаго морского училища, вотъ уже другое лѣто по своей охотѣ, для практики, совершающій рейсы въ Египетъ и Сирію въ качествѣ простого матроса и исполняющій свои трудныя обязанности изумительно добросовѣстно. Загорѣлъ какъ ракъ.

— Ишь, точно бѣлка—матушки! дивуются богомолки на матроса-кошку.

— Одинъ Богъ и бережетъ ево...

— И точно—онъ къ Богу-то ближе...

— Тимохвей! сподручнымъ рулевымъ! командуютъ власти.

— Есть! отвѣчаетъ Тимохвей, торопясь на вахту.

— Литвиненко!

— Есть! (это отвѣтъ рулевого).

— Что рыщешь съ градуса на градусъ?

— Та усё самъ (компасъ-то!) скакаеть на три — на четыре градуса.

— То-то... На румбъ!

— Есть!

Все это—въ виду троянскаго берега, но еще не въ виду холмовъ самой Трои, о которыхъ говоритъ знаменитый Вирховъ, въ прошломъ году посѣтившій развалины Трои.

Но вотъ показались и троянскіе холмы, курганы, точно украинскія «могилы», что̀ съ «вѣтромъ» столько вѣковъ «говорили». Въ самомъ дѣлѣ они напоминаютъ искусственныя насыпи. Можетъ быть тутъ и могила Патрокла. Да гдѣ-же!—Все разрушено пожаромъ, тѣмъ ужаснымъ пожаромъ, который испепелилъ священный Иліонъ и въ которомъ повинны греки.

Я всматриваюсь въ окружающія эту мѣстность возвышенныя окрестности—узнаю «затуманившуюся Иду».. Нѣтъ «помраченнаго Иліона», а Ида осталась—и все какъ-бы въ туманѣ стоитъ, ибо далеко отъ берега. Въ этомъ мѣстѣ оба берега Геллеспонта теперь довольно пустынны, сожжены временемъ, съѣдены солнцемъ и людьми, когда-то на нихъ жившими. Посмотрите на остатки бывшаго Корсуня въ Крыму (Херсонеса таврическаго), гдѣ крестился Владиміръ-князь,—вся мѣстность, которую онъ занималъ, сглажена временемъ, солнцемъ, людьми:—остались одни камни—развалины жилищъ, развалины могилъ и гробовъ. Такъ и здѣсь, на троянскихъ берегахъ, по обѣ стороны рѣки Симоиса и у ея устья.

Долго я не могъ оторвать глазъ и сердца отъ этихъ троянскихъ холмовъ и холмиковъ, отъ окрестныхъ горъ, господствующихъ надъ всею равниною Трои—горъ, съ которыхъ, по словамъ безсмертнаго Гомера въ его «Иліадѣ», смотрѣли на битву грековъ съ троянцами безжалостные боги, одни—принимавшіе сторону грековъ, другіе—троянцевъ.

Можно даже съ достовѣрностью указать на тотъ приглубый берегъ, вродѣ небольшой бухты, въ которой укрывался греческій флотъ.

Я на себѣ отчасти провѣрилъ впечатлѣніе, произведенное этой исторической, прославленной «Иліадою» мѣстностью на Вирхова: это ключъ Азіи въ Европу, путь, по которому впослѣдствіи турки и ворвались въ христіанскую Европу, и покорили себѣ ея христіаннѣйшую столицу, одну изъ столицъ покойной римской имперіи. Мнѣ казалось даже, что другого мѣста, какъ это, и не могла избрать для себя Троя, которая, еслибъ не была разрушена завистливыми грекосами—«балсими масенниками», то была-бы, конечно, и для древняго, и для новаго міра тѣмъ, чѣмъ теперь сталъ Константинополь. Константинополь стоитъ у входа въ то горло, которымъ текучія воды Россіи и Австріи съ водами Чернаго и Азовскаго морей вливаются въ естественную продушину, ведущую ихъ къ Средиземному морю и океану, а Троя стояла на исходѣ изъ этого горла въ Азію и на входѣ—въ Европу.

Надъ этими холмами и равниною стояло теперь солнце, когда мы проѣзжали мимо, какъ, конечно, стояло оно и тогда, когда на него смотрѣлъ «вождь вождей»—Агамемнонъ-царь—и думалъ, не пора-ли, послѣ жаркой битвы, отдохнуть, укрыться отъ этого палящаго солнца въ раскинутыхъ по долинѣ Симоиса-Скамандра шатрахъ.

Мнѣ припомнились также легковѣрные «Троилъ и Крессида»—поэтическая страница изъ исторіи древняго міра, страница, которую геніальный Шекспиръ изобразилъ въ такомъ комическомъ, но симпатичномъ и исторически-правдивомъ свѣтѣ, въ такихъ живыхъ образахъ, которымъ музыкально-комическіе образы Оффенбаха въ его «La belle Hélène» и въ подметки, что называется, не годятся. У Шекспира оба Аякса—живые и глуповатые волы, которые сильны только рогами, равно какъ такимъ-же выходитъ и герой Ахиллъ, сильный, но придурковатый, ибо, при одностороннемъ развитіи только физической силы, онъ и не могъ и не долженъ былъ быть инымъ какъ глуповатымъ; наконецъ—этотъ перебѣжчикъ Калхасъ, ибо грекосъ и долженъ былъ остаться грекосомъ,—и въ заключеніе историческая (истерическая и историческая) барышня Кассандра, казавшаяся бѣднымъ троянцамъ вдохновляемою богами.

Все это проносилось въ моемъ воображеніи, когда передъ моими глазами проходили холмы священнаго Иліона, долина Скамандра и туманная издали вершина Иды. Припомнился мнѣ и чудный стихъ Шевченка, гдѣ онъ двумя-тремя словами рисуетъ съ такою симпатіею и силою грустное настоящее нѣкогда славной Трои:

Все йде, все минае и краю не мае...

Да, все миновало: «одно зацвѣло, другое повяло, и желтые листья вѣтромъ разнесло» (одно—это Константинополь и Европа, другое—Троя и ея слава), и остался одинъ «мѣсяцъ круторогій», который смотрится и въ бѣдную «криничку» на Украинѣ, и такъ же свѣтитъ надъ мѣстомъ, гдѣ была Троя, какъ свѣтилъ и на самую Трою, когда она еще стояла вотъ тутъ, на этихъ холмахъ, и видѣла разстилавшееся передъ нею море и острова, мимо которыхъ и я теперь проѣзжаю—Тенедосъ, Митилена...

Такъ всемогуще надъ человѣческою мыслью и чувствомъ славное и печальное прошлое, отъ котораго трудолюбивый Шлиманъ съ такою удачею отнялъ нѣсколько черепковъ да сварившіеся отъ троянскаго всесожженія кусочки сокровищъ Пріама.

Іерусалимъ, 26 мая.

VI.

На родинѣ Гомера.

Еще бывшая троянская земля не успѣла скрыться изъ глазъ, какъ мы уже вступали въ Средиземное море. Я наблюдалъ цвѣтъ воды въ Черномъ морѣ и въ Средиземномъ,—есть что-то особенное въ водѣ этого послѣдняго. Цвѣтъ Чернаго моря—не то синебирюзовый, не то сине-зеленый—безподобный, но неуловимый для красокъ цвѣтъ. Въ водѣ Средиземнаго моря есть что-то опредѣленное, уловимое, собственно когда вы ее наблюдаете съ борта парохода,—это какой-то ярко-фіолетовый, густо-фіолетовый отсвѣтъ. Вода Средиземнаго моря всегда почему-то напоминала мнѣ фіолетовую, шелковую рясу попа-щоголя.

Итакъ мы ѣхали уже по фіолетовому морю. Можно положительно сказать, что съ выходомъ въ Средиземное море изъ Дарданеллъ тотчасъ начинается Греческій архипелагъ. Но здѣсь острова еще не такъ часты, не такъ густо, если можно такъ выразиться, насѣяны на безграничномъ, сине-фіолетовомъ пространствѣ, какъ это вы видите уже за Митиленой и Хіосомъ и особенно около Самоса. Тутъ, при входѣ въ Средиземное море, сейчасъ попадаются крошки-острова, иногда въ нѣсколько саженъ въ окружности, островки меньшіе объемомъ, чѣмъ наши знаменитые Крестовскій, Каменный и Елагинъ, хотя конечно гористѣе ихъ, возвышеннѣе; но ихъ почти и не ставятъ въ счетъ,—это просто мелочь, дробь архипелажская, такъ сказать, бекасинникъ. Ближайшій изъ крупныхъ острововъ при выходѣ изъ Дарданеллъ—это Тенедосъ, сосѣдъ троянской земли. Нашъ пароходъ къ этому острову не приставалъ и по курсу держалъ путь къ Митиленамъ. Обыкновенно пароходы, идущіе изъ Дарданеллъ къ Александріи, оставляютъ этотъ островъ по правую руку, проходя между Митиленами и материкомъ Малой Азіи. Но «Нахимовъ» на этотъ разъ избралъ другой путь, оставивъ Митилены у себя слѣва. Капитанъ Томасъ, человѣкъ осторожный и хорошо изучившій капризы морей, благоразумно уклонился отъ перваго пути на томъ основаніи, что мы должны были ночью проходить узкимъ проливомъ, отдѣляющимъ островъ отъ материка; а такъ какъ два предыдущіе дня, особенно ночи, показали намъ, какъ неожиданно въ эти дни падалъ на море туманъ, то и рискованно было бы пускаться ночью въ узкій митиленскій «проранъ».

Мы увидѣли этотъ островъ еще днемъ. Я долго любовался его красивыми берегами, каменными обрывами, спускающимися въ море и вѣнчающими его высокими лбищами горъ. Но это — большой островъ. Наступалъ вечеръ, наступали сумерки, а ломаныя и изогнутыя очертанія Митиленъ все выступали изъ моря по лѣвую отъ насъ сторону. На море совсѣмъ опустилась южная, темная, звѣздная ночь. Ночь была божественно-тихая, теплая. На палубѣ послышалось тихое пѣніе—совершенно незнакомая мнѣ, какая-то странная, но не лишенная грустной симпатичности мелодія. Пѣли долго, какъ-бы постоянно задумываясь, вспоминая что-то. Это пѣли греки, словно въ ихъ современной пѣснѣ выра-

жалась грусть о ихъ славномъ, блестящемъ, невозвратномъ прошломъ, о томъ, что когда-то они были первымъ народомъ во вселенной, а теперь стали чуть-ли не послѣднимъ,—о томъ, наконецъ, что они такъ безжалостно разрушили прекрасную Трою. Греки умолкли. Тогда послышалась новая мелодія, какъ-бы соревновавшая первой. Пѣлось тоже что-то совсѣмъ чужое, совсѣмъ незнакомое, но съ примѣсью чего-то фанатическаго, почти дикаго, хватающаго за сердце. Что-то священное однако слышалось въ этомъ далеко не веселящемъ завываніи и что-то пугающее, угрюмое, совсѣмъ, совсѣмъ не наше, а какъ-бы занесенное откуда-то вѣтромъ пустыни. Неразъ я потомъ слышалъ эту мелодію, даже въ Каирѣ слышалъ ее и съ тоской ушелъ изъ сада, гдѣ она игралась и пѣлась. Это пѣли турки.

Какъ-бы соревнуя и грекамъ, и туркамъ, на другомъ концѣ палубы заговорила наша родная, не многотонная, но выразительная гармоника. Она перебрала многіе знакомые, родные мотивы, отъ которыхъ особенно на чужбинѣ хорошимъ чувствомъ и въ то же время грустью бьется сердце; потомъ не утерпѣла и перешла въ хоровую. Въ виду Митиленъ, мимо которыхъ прошла вся, полная поэзіи и славы, историческая жизнь цвѣтущихъ колоній классическаго міра, стройно, дружно, подъ плескъ волнъ Средиземнаго моря раздалось въ темнотѣ южной ночи—и что-же?

Я вечоръ млада во пиру была...

Я слушалъ весь, всѣми моими давно настроенными или скорѣе растроенными нервами, и что-то подплывало съ сердцу, къ горлу...

Эту пѣсню смѣнила другая, да такая, какой Средиземное море никогда не слыхивало и какой, думаю, не съумѣли бы спѣть ни нереиды, ни самъ Эолъ со всѣми своими вѣтрами и зефирами... Это была наша понизовая, бурлацкая:

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ...

Пѣлась она еще оживленнѣе, еще лучше, еще сердечнѣе первой.

Не забыли матросики и свою родную Украину съ ея хорошею, часто плачущею мелодіею...

А я—признаюсь—грѣшенъ, ужь шибко нервы разстроилъ милѣйшій Питеръ съ своими «вѣяніями» и «развѣяніями»—я сидѣлъ во мракѣ, на ютѣ, и—какъ дуракъ плакалъ...

На вахтѣ пробили смѣну. Пѣніе смолкло—и мнѣ какъ-бы жаль стало родныхъ звуковъ, развѣявшихся въ чужомъ воздухѣ, потонувшихъ въ чужомъ морѣ. А сколько развѣялось въ этомъ воздухѣ, потонуло въ этомъ морѣ другихъ, невѣдомыхъ намъ звуковъ и мелодій, когда здѣсь, гдѣ мы теперь плыли, била ключемъ могучая жизнь давно отжившихъ народовъ!.. Вѣдь нашъ пароходъ разсѣкалъ теперь то фіолетовое море, которое омывало берега Пергама—нѣкогда могущественнаго царства, берега поэтическаго Лесбоса... Здѣсь когда-то раздавались пѣсни Сафо, здѣсь же безумствовала когда-то и «лесбійская любовь»... Вся жизнь греческихъ малоазійскихъ колоній кипѣла здѣсь: Ѳокея, Клазомены, Эфесъ, Милетъ, еще ниже—Галикарнассъ... Недалеко Смирна, Колофонъ... Здѣсь бродилъ когда-то Гомеръ, этотъ «слѣпецъ всевидящій», распѣвавшій свои рапсодіи... И все это потонуло въ этомъ фіолетовомъ морѣ, въ океанѣ столѣтій и тысячелѣтій, и отъ всей этой роскошной жизни, отъ этого чуднаго букета древне-эллинской цивилизаціи остались только сухіе, «безуханные» лепестки—исковерканныя пѣсни Сафо и не менѣе исковерканныя «Одиссея» и «Иліада» Гомера, которыя въ свою очередь коверкаются въ нашихъ «ликеяхъ» и классическихъ гимназіяхъ. И я когда-то коверкалъ ихъ, варварски декламируя то «по Эразму», то «по Рейхлину», и все-таки они остались для меня дорогими, какъ дорогъ этотъ «слѣпецъ всевидящій» съ его «крылатыми словами»:

Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися...

Въ плескѣ моря, бившагося о бока нашего парохода, мнѣ слышался этотъ безсмертный гекзаметръ. Слезы неслышно текли по моимъ щекамъ, скатываясь на сѣдую бороду и капая въ фіолетовое море. О чемъ я плакалъ? Чего мнѣ было жаль? Этого, погибшаго безвозвратно, чуднаго гекзаметра? Этой безслѣдно исчезнувшей роскошной жизни?—Но какое мнѣ дѣло до гекзаметра? Что мнѣ погибшая Эллада? Что мнѣ Гекуба? А между тѣмъ я плакалъ объ

этой погибшей жизни какъ о своей собственной... Эхъ! а все виновата эта исторія...

Я отвелъ глаза отъ моря. Бѣшеныя звѣзды юга смотрѣли на меня во всѣ глаза. Я сталъ искать между ними знакомыхъ звѣздочекъ и созвѣздій, тѣхъ созвѣздій, которыя мы когда-то съ Пыпинымъ, еще гимназистиками, каждую ночь наносили на свои звѣздныя карты, изучая звѣздное небо. Какъ они здѣсь непохожи на наши: совсѣмъ не то положеніе, не тѣ мѣста занимаютъ. Но вонъ и руководящая полярная звѣзда, отъ которой мы все дальше и дальше уходимъ. Какъ она низко здѣсь стоитъ надъ горизонтомъ! А что-то теперь въ Петербургѣ? Бѣлая, палевая, бѣлобрысая, какъ у «вейки» волоса, ночь, а здѣсь—она темная, какъ волосы у Сафо, звѣздная, чудная ночь юга... А можетъ Сафо была рыжая?

Я ушелъ въ каюту и сладко уснулъ подъ неумолкаемый, вѣчный гекзаметръ вѣчно говорящаго моря, которое продолжало однообразно биться о бока парохода.

Всталъ я опять чуть-свѣтъ—и снова на палубу, на ютъ. Мнѣ не хотѣлось оставаться въ каютѣ и спать въ то время, когда пароходъ двигался по морю, болѣе историческому, чѣмъ всякое другое море въ мірѣ, и мимо такихъ безсмертно-историческихъ мѣстъ съ безсмертно-историческимъ прошлымъ, какъ Пергамъ, Кумы, Клазомены, Смирнскій рогъ, а тамъ далѣе, влѣво, за тѣми синими горами—Магнезія, около которой происходила когда-то великая историческая битва.

Мы шли Смирнскимъ заливомъ, на берегахъ котораго каждая пядь земли могла-бы разсказать цѣлую эпопею о своемъ прошломъ. Зеленыя горы и пологіе спуски къ морю покрыты были богатою растительностью, нетолько питавшею все мѣстное малоазійское населеніе, но и наполнявшею всѣ рынки Средиземнаго моря продуктами этого роскошнаго уголка Малой Азіи.

Многое мнѣ вспоминалось при видѣ этихъ зеленыхъ береговъ, синихъ горъ и синей дали,—много славныхъ именъ, прошедшихъ по исторической сценѣ, связаны съ этою мѣстностью; много глазъ и въ томъ числѣ глаза героевъ, имена которыхъ заучивались нами въ школѣ, глядѣли на эти берега, на эти горы... Вонъ вправо остатки классическихъ Клазоменъ, а вонъ уже раскинутая у воз-

вышенныхъ предгорій, осѣняемая кипарисовыми рощами и каменистымъ гребнемъ, бѣлѣется и родина безсмертнаго Гомера.

Мнѣ вспоминается начало гекзаметра, въ которомъ семь городовъ спорятъ о мѣстѣ родины «всевидящаго слѣпца», и первое мѣсто въ этой исторической септимѣ отводится Смирнѣ:

Smyrna, Rhodos, Kolophon, Salamis, Chios, Argos, Athaenai...

Пароходъ все ближе и ближе подвигается къ этому историческому мѣсту, воспитавшему мірового поэта... Вотъ та природа, которая вскормила его, то солнце, которое палило даровитую голову слѣпца, голову, создавшую два можно сказать евангелія классическаго міра, ставшія міровыми настольными книгами.

На правомъ и на лѣвомъ берегу залива сѣрѣются и бѣлѣются турецкія укрѣпленія, защищающія входъ въ мѣсто родины Гомера, а за ними высятся громадныя, остроконечныя горы, изъ которыхъ самыя выдающіяся носятъ названія «Двухъ Сестеръ» и «Трехъ Братьевъ» или «Трехъ Сестеръ» и «Двухъ Братьевъ»—не помню.

Еще нѣсколько оборотовъ винта, тихій ходъ, шипѣніе пара—и пароходъ останавливается въ виду Смирны, не входя въ искусственную гавань, ибо море довольно покойно и пароходъ можетъ стоять внѣ гавани. Я съ высоты юта осматриваю внѣшній видъ города и его расположеніе. Смирна расположена въ самомъ углу Смирнскаго рога, болѣе по правой его сторонѣ, и раскидывается полукруглымъ амфитеатромъ по склону высокихъ, неровныхъ горъ, сбѣгающихъ со всѣхъ сторонъ къ заливу. Надъ городомъ, въ трехъ мѣстахъ, темнѣются кипарисовыя рощи—мѣста вѣчнаго упокоенія обитателей этого прелестнаго, древняго, какъ весь классическій міръ, уголка. Можетъ быть подъ однимъ изъ этихъ иглообразныхъ кипарисовъ покоятся и частицы праха Гомера, не разнесенныя вѣтромъ и не съѣденныя вѣками и этими питающимися плотью мертвецовъ кипарисами. Да и гдѣ ужь остаться этимъ жалкимъ частицамъ, когда и всю классическую Элладу съ ея поэтическими колоніями давно разнесло историческими вѣтрами и уцѣлѣли только ихъ развалины на землѣ да въ школьныхъ учебникахъ, хрестоматіяхъ и музеяхъ!

Выше кипарисовыхъ рощъ, по гребню горы, чернѣютъ мрач-

ныя стѣны древней крѣпости съ зубчатыми башнями. Еще выше—взлобья высокихъ горъ, вѣнчающихъ это смирнское лукоморье. За эти взлобья цѣпляются утреннія облака, тихо ползущія съ одного взлобья на другое и уходящія потомъ въ синюю даль.

Противъ Смирны, по другую сторону залива, раскинулась другая часть города, нѣчто въ родѣ смирнской колоніи, и тутъ черезъ заливъ постоянно бѣгаютъ небольшіе пароходы, развозя смирнянъ и смирнянокъ то на ту, то на другую сторону залива. Иногда скользятъ тутъ и небольшія парусныя лодки, которыми такъ искусно умѣютъ управлять эти загорѣлые грекосы—историческіе мореплаватели.

При видѣ Смирны, мнѣ тотчасъ-же вспоминается вопросъ, который задаетъ себѣ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, знаменитый Вирховъ, посѣтившій, вслѣдствіе открытій Шлимана, развалины или мѣстоположеніе древней Трои: именно—видѣлъ-ли Гомеръ своими глазами то, что онъ описываетъ въ своей «Иліадѣ», когда говоритъ о Троѣ, о ея природѣ, объ окружающихъ ея горахъ и пр.? Или: былъ-ли Гомеръ лично, когда онъ еще не былъ слѣпцомъ, на мѣстѣ Трои?

Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Гомеръ былъ на мѣстѣ Трои и лично видѣлъ топографію и природу описываемой имъ въ «Иліадѣ» священной мѣстности, съ которою для каждаго грека связано было столько великихъ воспоминаній. Если Гомеръ дѣйствительно родился въ Смирнѣ, то оттуда, при попутномъ вѣтрѣ, весьма легко достигнуть троянскаго берега менѣе чѣмъ въ сутки, а то и еще скорѣе.—Вѣдь только всего нѣсколько часовъ назадъ я самъ созерцалъ троянскій берегъ и «отуманенную Иду», а теперь вотъ я уже въ Смирнѣ и собираюсь лично посѣтить родину безсмертнаго поэта.

Едва пароходъ остановился, какъ матросы спустили на море служебную пароходную шлюпку, и мы, съ милѣйшимъ Ѳомою Николаевичемъ, полетѣли черезъ гавань къ берегу: онъ что-называется «за практикой», за полученіемъ заказовъ, грузовъ и почты, я—побродить по городу, потолкаться въ незнаемомъ лабиринтѣ,

коснуться своими ногами той земли, по которой бродилъ когда-то слѣпой классическій «кобзарь», распѣвая:

Andra moi enneпe, mousa, polytropon...

Или:

Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...

Насъ подвезли къ портовому или таможенному зданію, очень чистенькому, изящному, мысомъ выдающемуся въ заливъ. Надъ разными дверями его было написано по-французски, а внизу по-турецки: надъ одной — «Parloir», надъ другой — «Bureau des passeports» и т. д. Мы вошли въ «парлуаръ». У меня тамъ не спросили даже паспорта, а освѣдомившись только, что я прибылъ на пароходѣ «Нахимовъ», безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ пропустили на набережную, а оттуда въ городъ.

Было всего 7 часовъ, но солнце уже пекло шибко. Я пошелъ влѣво, вдоль набережной. Набережная въ Смирнѣ—едва-ли не самая чистая набережная въ мірѣ. Она вымощена каменными четырехъугольными плитками и до того ровна и гладка, что представляетъ подобіе гранитнаго паркета. Посерединѣ ея проложены рельсы для желѣзно-коннаго сообщенія, вдоль набережной только, ибо въ городѣ нѣтъ такъ называемыхъ въ европейскомъ смыслѣ улицъ, а есть только узенькія, кривыя улички, по которымъ можно проводить, и то съ трудомъ, только по одному верблюду въ рядъ или ѣздить на осликахъ. Вагоны смирнской конки довольно чистенькіе—крытые и открытые, съ занавѣсками отъ солнца. Надпись на вагонахъ: «societé des quais». Вмѣсто звонка дудятъ въ рожокъ.

Смирна просыпалась, и по набережной спѣшили грекосы къ своимъ, конечно торговымъ, занятіямъ, да шныряли разнощики и прочіе торговцы съ своими осликами, нагруженными провизіею: мясомъ, зеленью и угольями.

— Мегàла портокàли критикà!

— Сапунѝ!-сапунѝ!

Вотъ крики, преимущественно господствующіе на улицахъ Смирны—и что за неистовые крики!—точно кто рѣжетъ каждаго изъ разнощиковъ. Это они выкрикиваютъ «критскіе крупные апель-

сины», «мыло», «креветы», рыбу, зелень, раки, черныя устрицы и многое невѣдомое европейскому желудку и глазу.

Набережная обстроена бѣленькими, чистенькими домами, этажа въ два и рѣдко болѣе. Двери—красивыя, рѣзныя или металлическія, съ металлическими ладонями вмѣсто ручекъ къ звонкамъ. На домахъ черепичныя крыши.

Вдоль всей набережной тянутся кофейни, посѣтители которыхъ пьютъ кофе изъ фарфовыхъ наперстковъ или курятъ кальянъ-«наргиле» на воздухѣ, въ зелени лимоновъ и апельсиновъ или подъ тентами, сидя на плетеныхъ, зеленыхъ табуретахъ, господствующихъ по всему видѣнному мною Востоку. Другіе посѣтители играютъ въ домино-шашки, которыя также въ большомъ употребленіи на Востокѣ. Игра эта совсѣмъ не похожа на нашу, и кто не видѣлъ ея—не пойметъ изъ самаго подробнаго описанія. Тутъ же шныряютъ сотни мальчишекъ и надоѣдаютъ вамъ, какъ и въ Константинополѣ, предложеніемъ почистить сапоги.

Съ набережной я углубился внутрь города. Какіе роскошные цвѣты въ палисадникахъ и цвѣтникахъ! Роскошь эта—роскошь благодатнаго юга, и надо видѣть ихъ, чтобы понять все очарованіе этихъ волшебныхъ цвѣтниковъ.

Я толкался по всѣмъ переулкамъ: все было кругомъ невиданное, непохожее на то, къ чему приглядывается глазъ въ Европѣ—что-то сказочное...

И среди этого сказочнаго міра какъ-то странно было видѣть юныхъ грекосовъ и гречаночекъ, въ европейскихъ платьицахъ, съ сумочками, книжечками и тетрадочками въ рукахъ: это юные Ахиллесики, Периклики и Аспазійки съ Фриночками спѣшили въ свои школы или къ «ортодоксіи»... Слышится рѣчь Гомера, Θукидида—шутятъ, шалятъ, перебраниваются...

Передъ вами, въ турецкой обстановкѣ, среди фесокъ и головъ въ чалмахъ, встаетъ образъ классической Эллады: Гомеръ, Паллада, Афродита—на каждомъ шагу, на каждомъ перекресткѣ... То библіотека имени Гомера, то читальня его имени, то продажа восковыхъ свѣчей все того-же Гомера; или—«отель Паллады», кофейня Афродиты... На «отелѣ Паллады»—вывѣска по-гречески и по-французски—нарисована сама богиня въ шлемѣ.

Я забрался, наконецъ, въ самую глубь, въ самую сердцевину этого греко-восточнаго торговаго центра—въ темный, непроходимый лабиринтъ базара, гдѣ столько вѣковъ сосредоточивалась громадная торговля Леванта, всей Малой Азіи, Аравіи, Месопотаміи, Лидіи, Киликіи, Пафлагоніи, Сиріи и Палестины, и откуда караваны верблюдовъ, съ товарами всѣхъ странъ, наводняли весь Востокъ, звенѣли своими томящими душу колокольчиками и по Тигру и Евфрату, и по улицамъ Мекки и Медины, и у мрачныхъ стѣнъ Іерусалима. Какую непередаваемую картину представляетъ собою этотъ мрачный, съ сверкающими богатствами Востока и Запада, базаръ! Онъ весь состоитъ изъ крытыхъ галлерей, въ которыхъ лавки, словно ячейки въ ульѣ, полны невиданныхъ товаровъ и кишатъ столь-же невиданными типами обитателей далекаго Востока. Всей этой невиданностью и неслыханностью рѣчей, криковъ, возгласовъ вы поражаетесь на каждомъ шагу—вы думаете, что кругомъ васъ творится нѣчто, выхваченное изъ восточныхъ сказокъ... И вдругъ... Что это такое? — сонъ? — обманъ слуха?..

— Сімъ копіёкъ давала—не берѐ, гаспидівъ! поражаетъ мой слухъ украинская рѣчь.

— А ты не ломайся, любезный,—бери, коли даютъ!

— Та не берѐ-жъ!

Я въ изумленіи останавливаюсь. Въ полуосвѣщенной сверху лавкѣ съ лампадками и кадилами толкутся наши землячки въ черныхъ платочкахъ, съ загорѣлыми благочестивыми лицами, а съ ними, словно волохатый пѣтухъ передъ курочками,—«кавалеръ» въ регаліяхъ во всю широкую, уже давно ввалившуюся грудь и съ десяткомъ шевроновъ во всю руку, да вдобавокъ съ сѣдыми щетинистыми усами. «Кавалеръ» и богомолки-украинки подняли вверхъ руки и, пригнувъ на лѣвыхъ рукахъ по три пальца, изображали остальными пальцами «сімъ копіёкъ»... И откуда только они взяли въ Смирнѣ счетъ на копейки!...

— На вотъ, любезный, бери!

— Сімъ копіекъ... Отъ народецъ!

— Каймакъ-лиди!—каймакъ-русе! ревѣлъ, точно недорѣзанный жеребецъ, здоровенный грекосъ съ четырехвершковыми усищами,

изображая изъ себя то, что у насъ извѣстно подъ словомъ «сахарно мороженое», «морожено хорошо».

Я насилу выбрался къ гавани изъ этого адскаго мѣста—изъ омута криковъ, толкотни. И при этой толкотнѣ тутъ-же шныряютъ, нагруженные всякимъ добромъ и даже уличнымъ соромъ, ослики, такъ что вы проходите съ опасностью быть смятымъ этими осликами или попасть подъ массивныя пятки верблюдовъ, тутъ-же двигающихся цѣлыми караванами и звенящихъ своими, тоску и безотчетный страхъ наводящими, бубенцами. Вы должны жаться къ стѣнкѣ, чтобъ пропустить эти вьючные караваны, или хвататься за голову, чтобы караванной веревкой не сорвало съ васъ шляпу. Тутъ-же, въ этихъ узкихъ толкучкахъ, укрытыхъ отъ свѣта и удушливыхъ отъ зноя и всякихъ восточныхъ зловоній, прямо на мостовой разложены огоньки—это для очищенія ужаснаго, заразнаго воздуха. Но тутъ-же васъ поражаетъ какое-то врожденное грекосу изящество: собирая уличный соръ въ корзины, привѣшенныя къ бокамъ ослика, онъ ухитряется этого самаго ослика украсить цвѣтами олеандровъ, невиданными розами, гранатами.

Усталый отъ ходьбы и удушья, я выбрался на набережную и присѣлъ къ первому столику въ кафѣ подъ тѣнь какого-то невѣдомаго растенія. Всѣ столики и табуретки были уже заняты грекосами и турками. Ко мнѣ подскочили мальчишки-чистильщики сапогъ, и я предоставилъ одному изъ нихъ въ распоряженіе мои усталыя ноги. Увидавъ, что я хочу закурить папиросу, служитель кафе тотчасъ-же поставилъ передо мной мѣдную, на ножкахъ и съ ручкою жаровенку съ огнемъ, какія мнѣ уже подавали въ Константинополѣ.—Кафа? «Кафа». Передо мной поставили фарфоровый наперсточекъ съ восточнымъ кофе и огромный стаканище воды. Я занялся кофеемъ съ гущей, а мальчишка—моими сапогами. Передо мною было море, по которому летали, точно крылатыя чайки, лодочки съ бѣлыми парусами и шумѣли пароходы. Флаги всевозможныхъ государственныхъ цвѣтовъ и гербовъ вѣяли въ воздухѣ надъ гаванью и за гаванью. Немилосердно кричали «лебедки» грузившихся пароходовъ, кричали матросы, грузильщики, носильщики, лодочники, разнощики; неистово ревѣли верблюды; звучали рожки конно-желѣзной дороги. Толкотня—невообразимая. Тутъ-же

толкались и матросы съ пароходовъ всѣхъ націй. Невозбранно бродили вездѣ и спали на мостовой собаки, нѣсколько уже отличавшіяся отъ константинопольскихъ.

Изящныя Аспазіи въ самыхъ модныхъ платьяхъ, подъ зонтиками, турчанки и арабки подъ покрывалами, негры въ фескахъ и шляпахъ, англичане въ «tropical helmet'ахъ, евреи въ пейсахъ, длинноногіе съ змѣиными шеями и умными глазами верблюды—все это кружилось словно безумное, торопилось, шумѣло, кричало.

Отдохнувъ и освѣжившись въ кафе, я опять пошелъ бродить по городу, только въ другую сторону. За мною увязалась какая-то полосатая въ фескѣ образина и не отставала ни на шагъ. По моей шляпѣ съ бѣлымъ покрываломъ образина узнала во мнѣ путешественника—находка для черномазыхъ.

— Базаръ, мосье?

— Знаю—самъ видѣлъ...

— Я все покажу мосье...

— Убирайся, любезный, и безъ тебя все найду.

Не отстаетъ. Я пойду—и онъ за мной. Я стану—и онъ станетъ, заглядываетъ въ глаза, заговариваетъ, мѣшаетъ смотрѣть, думать... Надоѣлъ хуже собаки, только не константинопольской. Жизнь отравляютъ путешественникамъ эти назойливые чичероне!

Я остановился и сталъ надъ нимъ смѣяться. Скалитъ зубы и онъ. Я заговорилъ по-русски.

— Вотъ видишь-ли, глупый ты человѣкъ:—у меня борода уже бѣлая, да и голова моя совсѣмъ не глупая (я показалъ рукою на бороду и на голову, а потомъ на голову черномазаго чичероне), такъ неужели ты думаешь, милый ты человѣкъ, что моя голова нуждается въ твоей головѣ?

Какъ отрѣзало—осклабился и отсталъ.

Я опять юркнулъ въ одну изъ каменныхъ уличекъ и погрузился въ невѣдомое море толкотни и невообразимаго гама: прошелъ базаръ, заходилъ въ греческую церковь съ прекрасными мраморными колоннами—все это такъ и кричитъ о древности, о классической Элладѣ, о «пропилеяхъ», «пантеонахъ», «парѳенонахъ»... Взглянулъ и на «невольничій рынокъ»—передо мною встали невольничьи рынки Константинополя, Кафы, Козлова съ

чубатыми «бідними невольниками»-казаками, изсѣченными «червоною таволгою» въ «проклятой турецкой неволѣ...» Заходилъ и въ турецкую мечеть съ тонкимъ минаретомъ.

Но надо-же взять что-нибудь на память о Гомерѣ, о его родинѣ.—Ба-бà!—лавка «Гомера»—продажа восковыхъ свѣчей «Гомера»—«свѣтъ Гомера...» Чего-же лучше!—Когда я былъ въ 1879 году въ Бахчисараѣ, я купилъ тамъ на память о «Гиреѣ», который «сидѣлъ потупя взоръ», большую зеленую мусульманскую свѣчу, болѣе аршина длины, съуживающуюся кверху. Она и теперь красуется у меня на каминѣ и напоминаетъ мнѣ Крымъ, Бахчисарай, Гиреевъ, казаковъ-запорожцевъ, «крымскую неволю». И вотъ въ память о Гомерѣ я купилъ такую-же «греческую» восковую свѣчу, желтую какъ янтарь, длиною аршина въ полтора, тоже кверху съуживающуюся. Я заплатилъ за нее $9^1/_2$ піастровъ—нѣсколько болѣе двухъ франковъ. И сколько хлопотъ мнѣ потомъ было съ этимъ «свѣтомъ Гомера!» Я возился съ этою громадною свѣчою Гомера и въ Египтѣ, и въ Палестинѣ: я ее долженъ былъ бережно переносить съ парохода на пароходъ, изъ вагона въ вагонъ, возиться по таможнямъ, оберегать своеручно въ лодкахъ, при переѣздахъ съ моря на берегъ во всѣхъ портахъ, бережно вѣшать ее въ каютахъ, наблюдать, чтобъ лакеи на пароходахъ и въ отеляхъ или усердные черномазые носильщики не помяли ее своими лапами... И къ счастью—я довезъ ее на родину благополучно.

Съ этою драгоцѣнною ношею я долго потомъ бродилъ по Смирнѣ. Я сдѣлалъ при этомъ одну практическую покупку. П. И. Пашино, съ которымъ я видѣлся въ Петербургѣ при отъѣздѣ на Востокъ, говорилъ мнѣ, что онъ прошелъ и всю Турцію, и Египетъ, и Абиссинію, и Нубію, и Аравію съ Меккою, имѣя на головѣ не обыкновенную шляпу восточнаго туриста, не «tropical helmet», а просто турецкую феску. Видя человѣка въ фескѣ, слоняющагося по какому-нибудь городу или рынку Востока, черномазые чичероне принимаютъ его за турка и не пристаютъ къ нему. А угадай они, что вы путешественникъ,—вамъ прохода не дадутъ съ своими приставаньями и услугами:—вамъ отравятъ каждую минуту, помѣшаютъ ходить, смотрѣть, думать...

И вотъ я въ Смирнѣ купилъ себѣ обыкновенную турецкую феску, въ которой и бродилъ бывало вездѣ, когда было не особенно знойно и когда можно было прятаться въ тѣни строеній и навѣсовъ. Моя бѣлая борода въ фескѣ внушала даже восточнымъ человѣкамъ особенное ко мнѣ «уваженіе и робость», и они любезно кланялись мнѣ, принимая меня то за «эффенди», то за «саиба», то даже за пашу.

Бродя по Смирнѣ, я чувствовалъ, что призракъ древней Эллады, какъ назойливый черномазый чичероне, не отходилъ отъ меня. Я видѣлъ шлемъ Паллады вездѣ, гдѣ его даже и силилась прикрыть турецкая феска. Мнѣ казалось, что въ узкихъ уличкахъ лучшей части города, сравнительно очень чистенькихъ, иногда похожихъ на крытыя галлереи, на меня смотрѣли изъ оконъ красавицы Лесбоса, хоть онѣ были и въ европейскихъ, черныхъ, обтягивающихъ торсъ и полныя ноги платьяхъ. Черноглазыя Аспазіи даже переговаривались между собою въ окна, черезъ узкія улички, тогда какъ простыя Ксантиппы, тоже одѣтыя чистенько, поливали цвѣты въ галлереяхъ, двери которыхъ были отворены настежь на улицу. Въ домахъ и цвѣтникахъ виднѣлась чистота замѣчательная. И все это такъ не похоже на наши дома, на наши галлереи, на наши лѣстницы... Неужели было что нибудь подобное и при Гомерѣ?.. Конечно: вѣдь народныя формы жизни почти не вымираютъ, какъ не вымерли до сихъ поръ видимыя на «Трояновой колоннѣ» фигуры скифовъ въ одѣяніяхъ русскаго мужика, какъ не вымерли сфинксы въ Египтѣ, бродящіе по Каиру, какъ не вымерли, наконецъ, евангельскіе образы Марфы и Маріи, изъ коихъ первая поила меня холодною водою въ Виѳаніи, когда я черезъ Елеонскую гору ѣхалъ къ Мертвому морю и Іордану...

— Россикосъ... россикосъ, переговаривались въ окна Аспазіи и Фрины, видя въ моихъ рукахъ конецъ громадной восковой свѣчи.

Да, вы угадали: я—«россикосъ»... Но гдѣ я очутился? куда мнѣ идти? гдѣ море? гдѣ гавань? гдѣ нашъ пароходъ?.. Я чувствовалъ, что заблудился въ лабиринтѣ извилистыхъ уличекъ невѣдомаго города... Куда я попалъ? Вонъ кипарисовая роща на горѣ—ее я принялъ за указующее начало. Но это не та роща—это дру-

гая... А вонъ еще одна... Кругомъ все дома и стѣны, а дальше горы—кругомъ горы... Но гдѣ-же море?

— Гдѣ море, скажите, пожалуйста? спрашиваю по-французски.

— О, море далеко... идите вонъ туда...

Иду... Опять чувствую, что заплутался...

— Гдѣ море? Гдѣ гавань, портъ... la mer? le quai?

Не понимаютъ... Надо сказать по-гречески... «Гдѣ θάλασσα?» Thalassa.

Поняли и указали. Насилу добрался до гавани, и тутъ только понялъ, что меня сбили съ пути три кипарисовыя рощи и торчавшія со всѣхъ сторонъ лукоморья голыя вершины горъ.

Опять потянулись верблюды—верблюдъ за верблюдомъ—цѣлыя своры ихъ на веревкахъ, а впереди на малюсенькомъ осликѣ—ихъ вожатый, словно малютка, что былъ вожакомъ слѣпого Велизарія. У послѣдняго верблюда на шеѣ сбоку длинный, конусообразный колокольчикъ, а въ немъ два другіе поменьше... Какъ тоскливо звякаетъ... Въ пустынѣ Аравіи и Египтѣ, когда вы приближаетесь къ пирамидамъ, далеко слышится этотъ тоскливый металлическій звякъ...

Я вернулся въ гавань и взялъ лодку, чтобы ѣхать къ нашему пароходу. Но море шибко разгулялось, а до парохода далеко. Въ самой гавани, защищенной отъ моря каменными молами, вѣтеръ не могъ разгуляться, и потому тамъ было сравнительно тихо. Но едва мы выбрались въ море, какъ на меня напалъ ужасъ: въ Смирнскомъ Рогѣ море было уже не фіолетовое, а зеленое, и зелено-изумрудные валы съ бѣлыми гребнями, точно съ косматыми гривами, шли на насъ одинъ за другимъ. Бѣдная лодченка—въ сущности очень порядочная морская парусная барка—оказалась яичной скорлупой передъ этими валами: она то выскакивала на побѣлѣвшіе зеленые гребни, то кувыркалась съ горы. Только на лодкѣ и можно видѣть всю массивность морскихъ волнъ; съ большого парохода онѣ менѣе замѣтны, менѣе страшны. Я чувствовалъ всю свою безпомощность и сидѣлъ, сжавъ окоченѣвшими отъ страха руками «свѣчу Гомера» и неподвижно глядя на покачивавшійся впереди пароходъ, который казался такимъ отдаленнымъ, такимъ недосягаемымъ спасеніемъ... Въ каждомъ изъ наплывавшихъ на насъ буруновъ я могъ найти свою могилу—

и какъ много, казалось, впереди этихъ страшныхъ, зеленыхъ, холодныхъ могилъ... Это уже было третій разъ, что я испытывалъ весь ужасъ моря: разъ—въ Черномъ морѣ, когда насъ захватилъ штормъ, а за нимъ бурная ночь; второй разъ—тамъ-же, когда на насъ налетѣлъ непроглядный туманъ, и пароходъ не переставалъ ревѣть, а глупый грекосъ утѣшалъ меня, что ихъ спасъ отъ погибели пѣтухъ съ «балсымъ голосомъ»; третій разъ—это въ виду родины Гомера...

Я себѣ не вѣрилъ потомъ, когда очутился на пароходѣ, что это меня трепали эти, вотъ эти сѣдые валы... У! какіе противные!.. Когда затѣмъ добрѣйшій капитанъ Томасъ, отправляясь въ городъ вмѣстѣ съ женою, звалъ и меня съ собой, я наотрѣзъ отказался...

— Какъ! и со мной боитесь—съ капитаномъ?

— И съ вами боюсь... Съ самимъ Нептуномъ не поѣхалъ-бы...

— Томасъ лучше Нептуна знаетъ море...

Но море—глупое и злое: злое потому именно, что глупое—никого знать не хочетъ...

Послѣ уже, по возвращеніи изъ города на пароходъ, милѣйшій Семенъ Ивановичъ признался мнѣ, что «была трепка», а его хорошенькая женка даже расхворалась по милости любезнаго Нептуна.

«Только въ странѣ поэта поймешь его героевъ»—часто вспоминалось мнѣ это изреченіе, когда я мыкался по далекимъ морямъ и невѣдомымъ землямъ—и на родинѣ Гомера и Сафо, и на священной родинѣ библейскихъ и евангельскихъ поэтовъ... Вотъ какая природа создавала боговъ и героевъ Эллады! Въ этихъ зеленыхъ и фіолетовыхъ волнахъ плескались нереиды, на этихъ горахъ гремѣлъ разгнѣванный Зевсъ, столь-же наивный, какъ и создавшіе его люди... Прощай-же, родина слѣпца всевидящаго: я видѣлъ тебя и переживалъ то, чего не переживалъ прежде, даже въ молодости...

— И трусу праздновалъ, шепнулъ мнѣ старикашка Гомеръ.

VII.

Архипелагомъ. Мимо Патмоса. Разсказъ о гибели парохода «Корниловъ».

Къ вечеру 14-го мая мы покинули родину Гомера и вдоль Смирнскаго рога направились къ открытому морю.

Я былъ въ морѣ уже шестыя сутки. Нервы мои привыкали къ этому непрерывному плеску волнъ, и я спокойно засыпалъ въ своей каютѣ, забывая, что только нѣсколько досокъ отдѣляютъ меня отъ страшной, таинственной бездны.

Мы проходили мимо острова Хіоса, надъ которымъ еще такъ недавно стряслось такое ужасное несчастіе. Работа подземнаго огня была такъ могуча, что въ очень глубокомъ Хіосскомъ заливѣ морское дно поднялось на нѣсколько десятковъ футовъ, и гдѣ до землетрясенія пароходы проходили свободно, тамъ теперь проходъ сдѣлался опаснымъ.

Въ темнотѣ ночи мои глаза долго ловили мрачныя очертанія этого несчастнаго острова, и хіосскій маякъ, который долго мигалъ намъ путеводнымъ огнемъ, казался мнѣ громаднымъ то открывающимся, то закрывающимся глазомъ умирающаго. Мнѣ даже становилось страшно глядѣть на него, на этотъ огненный глазъ—онъ безпокоилъ меня, волновалъ, какъ тотъ страшный «глазъ» въ геніальномъ разсказѣ Эдгара По.

Я долго сидѣлъ во мракѣ, на ютѣ, прислушиваясь къ плеску воды, которая казалась такою черною и страшною... А впереди еще сколько этого моря, этой безконечной синевы!.. Я ушелъ спать.

Рано утромъ, когда я вышелъ на палубу, меня уже ожидали новыя историческія картины, полныя очарованія, такія картины поэтическаго прошлаго, которыя вѣчно остаются свѣжими и дорогими, какъ золотыя грезы молодости.

Мы плыли мимо острова Икаріи, оставляя его въ правой сторонѣ. Только что выкатившееся изъ моря солнце обливало его золотомъ и сгоняло съ его каменистыхъ, словно морщинистыхъ ute-

совъ облачко за облачкомъ, которыя, цѣпляясь то тамъ, то здѣсь за вершины острова, медленно таяли на голубомъ небѣ. Каменистыя, изрытыя бороздами ребра острова все болѣе и болѣе отливали золотомъ, а море, тихое, спокойное, словно живое, колыхалось у его пустынныхъ береговъ. Вправо окаймляли морскую гладь другіе острова, и далекіе и близкіе, изъ коихъ первые казались волнистыми, изсиня-бѣлесоватыми облачками, выходившими изъ моря. Влѣво синѣли и дымились утренними облачками крутыя вершины Самоса, который, какъ великанъ, глядѣлъ черезъ головы другихъ, меньшихъ, ближайшихъ къ намъ островковъ. Почти прямо передъ нами высился каменистый Патмосъ, а недалеко отъ него, какъ-бы что-то оторванное, одинокое, торчали изъ моря двѣ громадныя, съ пустыми вершинами скалы: это—такъ-называемый «корабль апостола Петра», на которомъ этотъ «камень вѣры» плылъ въ Римъ, чтобы тамъ найти мученическую смерть.

Икарія, Самосъ, Патмосъ—въ однихъ этихъ словахъ сказывалось такъ много глубокаго историческаго смысла, что я, какъ очарованный, созерцалъ развертывавшуюся передъ моими глазами эту чудную панораму. Изъ далекаго классическаго міра воображеніе переносилось въ другой міръ, въ другую эпоху, когда вотъ на этомъ каменистомъ островкѣ, отдѣленный моремъ отъ всего свѣта, томился въ заточеніи младшій и любимѣйшій ученикъ Христа и своимъ даровитымъ перомъ—перомъ поэта и пророка—рисовалъ мрачную картину грядущаго.

Такъ вотъ гдѣ писался «Апокалипсисъ»!.. Вотъ эти самыя фіолетовыя волны плескались на пустынный берегъ острова, когда на немъ угасало самое блестящее свѣтило нашего вѣроученія—умиралъ одинъ изъ величайшихъ людей Палестины.

Но передо мной носились и образы классическаго міра. Мнѣ представлялись картины первобытныхъ движеній эллино-азійскаго міра на западъ—вотъ черезъ эти острова, съ острова на островъ, пока эти переселенцы не достигли береговъ Аттики. Сколько нужно было имѣть мужества, чтобы на первобытныхъ лодочкахъ переплывать эти моря, тогда еще никому невѣдомыя, чтобы попасть въ такія же невѣдомыя страны!..

А пароходъ шелъ все далѣе и далѣе къ югу, оставляя за собою широкую, длинную полосу, которая, словно гигантская змѣя, тянулась почти до самой Икаріи. За пароходомъ съ жалобнымъ крикомъ летѣли чайки и садились на эту водяную полосу, которая вѣроятно и имъ казалась чѣмъ-то необыкновеннымъ.

По мѣрѣ дальнѣйшаго движенія парохода просыпались и другіе пассажиры, менѣе меня заинтересованные южною природою и историческими воспоминаніями, и также выходили на ютъ: массивный, рыжій—непремѣнно рыжій—англичанинъ, весь желто-коричневый или скорѣе весь рыжій, въ рыжемъ пиджакѣ, въ рыжихъ невыразимыхъ и даже въ рыжихъ ботинкахъ и съ рыжимъ, веснущатымъ лицомъ; если что оставалось у него еще не рыжимъ, такъ это бѣлая кисея, которою была обвита его соломенная шляпа, кисея, оканчивавшаяся назади вуалью и совсѣмъ не гармонировавшая съ массивною и верблюдоподобною фигурою рыжаго мистера, а быть можетъ и лорда; бакенбарды его были также не совсѣмъ рыжія, ибо въ нихъ уже пробивалась сѣдина. Этотъ мистеръ сѣлъ на нашъ пароходъ только въ Смирнѣ и держалъ путь не въ Египетъ, подобно мнѣ, а мимо Александріи въ Яффу. Съ нимъ былъ какой-то молчаливый спутникъ, постоянно читавшій англійскіе романы таухницкаго изданія. Вышелъ на ютъ и другой пассажиръ 1-го класса, тоже поступившій на пароходъ въ Смирнѣ и представлявшій изъ себя барина сомнительной національности и говорившій на множествѣ языковъ, но съ акцентомъ, напоминавшимъ мнѣ извѣстный историческій анекдотъ о «шибболетъ» и «сибболетъ»: мнѣ почему-то казалось, что предки этого господина не могли выговаривать слова «шибболетъ», да повидимому и самъ онъ его затруднился-бы выговорить. Показался на ютѣ и молодой турецкій флигель-адъютантъ, о которомъ я, помнится, уже говорилъ и который почему-то оказывалъ мнѣ предпочтительное вниманіе, вѣроятно благодаря моей сѣдой бородѣ, и неизвѣстно по какимъ соображеніямъ называлъ меня всегда «monsieur le docteur». Коренастый и добродушный, въ мундирѣ турецкаго солдата и конечно въ фескѣ негръ, находившійся при немъ кажется въ качествѣ деньщика, притащилъ на огромномъ подносѣ кучу вишень, тщательно вымытыхъ, и сталъ держать ихъ передъ своимъ господиномъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ пароходный «кафеджи» принесъ флигель-адъютанту на особомъ подносѣ чашечку кофе и стаканъ воды.

Я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о «кафеджи».

Когда нашъ пароходъ собирался уже выходить изъ Константинополя, съ берега пріѣхала большая лодка, на которой помѣщалось что-то вродѣ подвижной лавочки маркитанта, запертой со всѣхъ сторонъ замками. Это была подвижная или пловучая турецкая кофейня. Ее съ помощью «лебедки» подняли на пароходъ и уставили на палубѣ, у борта, рядомъ съ пароходнымъ птичникомъ. Съ лавочкою явился и «кафеджи»—ея владѣлецъ—толстый субъектъ въ фескѣ, не то турокъ, не то грекосъ-потурнакъ. Онъ отперъ свой подвижной магазинчикъ, уставилъ полки чашечками и кофейничками да жаровенками для закуриванія «наргиле» и папиросъ—и сталъ торговать среди своихъ земляковъ, обыкновенно запруживающихъ палубы всѣхъ пароходовъ, дѣлающихъ рейсы по турецкимъ морямъ. У него были и принадлежности для игры въ шашки-домино. Такія подвижныя кофейни составляютъ неизбѣжное явленіе на пароходѣ, пока онъ находится во владѣніяхъ падишаха. Владѣлецъ этой кофейни называется «кафеджи». И днемъ и вечеромъ около «кафеджи», обыкновенно хорошаго разсказчика, или «умѣющаго хорошо молчать и слушать», собирается кучка правовѣрныхъ, которые, скорчивъ калачикомъ ноги на коврикахъ, или молча курятъ «наргиле», тихо похрапывая, или играютъ въ шашки-домино и пьютъ кофе, или просто дремлютъ, предаваясь сладостному, въ сущности скучнѣйшему кейфу.

Флигель-адъютантъ любезно предложилъ мнѣ вишень и заговорилъ о Россіи, о Петербургѣ, извиняясь, что онъ очень плохо говоритъ по-французски. Я успокоилъ его, объявивъ, что и самъ говорю такъ же плохо. Между прочимъ онъ объявилъ мнѣ, что самъ былъ въ Россіи вмѣстѣ съ Османъ-пашою и удивлялся нашимъ свѣтлымъ лѣтнимъ ночамъ.

Вообще этотъ скромный турокъ мнѣ очень понравился. Онъ держалъ себя въ сторонѣ отъ прочихъ пассажировъ, имѣлъ даже свой собственный столъ, не принимая участія ни въ обѣдахъ нашихъ, ни въ завтракахъ, потому что обѣдалъ не по звонку и не за табль-дотомъ, а совершенно самостоятельно и чрезвычайно ори-

гинально: обыкновенно негръ-деньщикъ приносилъ ему на огромномъ подносѣ, уставленномъ тарелками, такія кушанья, которыхъ я сроду не видывалъ и назвать конечно не умѣю.

Господинъ «сибболетъ», замѣтивъ вѣроятно, что я часто разговариваю съ капитаномъ парохода и его обязательными помощниками, и притомъ иногда заглядываю въ пароходную карту, изображавшую путь слѣдованія нашего парохода, и по всей вѣроятности сообразивъ, подобно турецкому флигель-адъютанту, что я дѣйствительно «monsieur le docteur», спросилъ меня, мимо какихъ острововъ мы проѣзжаемъ. Я указалъ ему на скрывавшуюся вдали Икарію, на чуть синѣвшій—за нами уже—Самосъ, на каменистый Патмосъ, пояснивъ, что на этомъ послѣднемъ островѣ писался знаменитый «Апокалипсисъ».

Слова мои возбудили любопытство въ рыжемъ мистерѣ, и онъ, тотчасъ-же спустившись въ свою каюту, притащилъ оттуда «Бедекера» въ неизмѣнномъ красненькомъ переплетѣ, развернулъ карту, и вмѣстѣ съ своимъ молчаливымъ спутникомъ, не выпускавшимъ изъ рукъ романовъ Таухница, повидимому сталъ провѣрять по «Бедекеру» мое голословное показаніе о Патмосѣ и объ «Апокалипсисѣ». Послышались неоднократныя «yes», а потомъ слова—Патмосъ, Наксосъ, Косъ, Самосъ, Хіосъ, Родосъ—точно въ классѣ древней географіи: всего «Бедекера» перебрали и перетряхнули всѣ косточки старушки Эллады.

«Ну—думаю себѣ—нагадали козѣ смерть».

Потянулся безконечный день. На морѣ день кажется дѣйствительно безконечнымъ, особенно въ открытомъ морѣ. При береговомъ рейсѣ не чувствуется этой томительной безконечности, ибо картины береговъ часто мѣняются, одинъ видъ выплываетъ на мѣсто другого, горы смѣняются плоскими берегами, голыя скалы—зеленью—и время, часы, минуты не кажутся безконечными. А въ открытомъ морѣ минуты превращаются въ часы, часы въ цѣлые дни, дни—въ томительную вѣчность. Острова, на которые я любовался утромъ, уже приглядѣлись, и сколько ни плыветъ пароходъ все дальше и дальше, а острова все не прячутся, все синѣютъ вдали подобно облачкамъ и подобно облачкамъ кажутся такими же

далекими и чужими, какъ и та синяя твердь, на которой они стоятъ неподвижно.

День тихій, жаркій, море спокойно, пароходъ хорошо знаетъ свой курсъ, да и острова его показываютъ. Матросамъ нѣтъ болѣе работы, и они занялись на свободѣ чисткой и уборкой парохода—«чепурятся»: кто чинитъ снасти, кто зашиваетъ паруса, напѣвая въ чужомъ морѣ тихую родную пѣсенку; тотъ проситъ у этого шило, этотъ свайку, тотъ ножикъ, веревку. Вася вездѣ поспѣваетъ съ своею загорѣлой, серьезной, но все-таки дѣтской физіономіей. Капитана не видать — онъ спитъ, потому что не спалъ ночью, проводя пароходъ между узкими проливами и маяками. Милѣйшій Ѳома Николаевичъ словно маятникъ ходитъ на вахтѣ, на капитанской площадкѣ, то поглядывая впередъ въ бинокль, то дѣлая какіе-то знаки рулевымъ.

«Есть!» слышится съ вахты.

Нагорскій, Павелъ Викторовичъ—старшій офицеръ парохода, серьезный, болѣзненный, страстно любящій море и не мало работающій для поднятія жалкаго «русскаго мореплаванія»—съ книгою въ рукахъ, на которой онъ производитъ какія-то астрономическія выкладки, поглядывая въ какой-то металлическій треугольникъ, приказываетъ матросикамъ приготовить ванну. Витвинскій Ал. Вик. играетъ съ маленькимъ «Шмитомъ» и дочкою Спрудина Виктора Николаевича—младшаго машиниста, причемъ повторяется имя нѣкоей знаменитой «Акулины», о которой будетъ сказано ниже. Самъ Спрудинъ только что вышелъ изъ машины и зѣваетъ послѣ безсонно проведенной вахты въ машинномъ пеклѣ: ему уже давно приглядѣлось это море, и всѣ эти острова такъ ему знакомы, какъ мозоли на его богатырскихъ ладоняхъ. Рыжій мистеръ, проштудировавъ весь Архипелагъ и все Средиземное море по «Бедекеру», молча ходитъ по юту походкою ставшаго на заднія ноги верблюда, и не то скучаетъ, не то вспоминаетъ о своемъ скучномъ «туманномъ Альбіонѣ». Господинъ «сибболетъ» видимо старается приволокнуться отъ скуки за молоденькою актрисою, повидимому полечкою, которая сѣла на нашъ пароходъ въ Константинополѣ съ смутною, кажется, надеждою найти свое счастье въ Египтѣ, можетъ быть у хедива... Можетъ быть!.. Она забилась въ тѣнь тенты и

читаетъ какую-то книгу, или только показываетъ видъ, что читаетъ. Въ ея молодомъ, недалекомъ прошломъ я подмѣтилъ драму. Изъ Константинополя ее на пароходъ привезъ какой-то молодой человѣкъ, повидимому, итальянецъ, можетъ быть и всего вѣроятнѣе—музыкантъ. Талантъ его еще не замѣченъ свѣтомъ—и кошелекъ его пустъ... Но сердце его полно: онъ любитъ эту бѣлокуренькую полечку. Но и ея звѣзда еще не взошла—и у нея въ кошелькѣ, какъ и въ сердцѣ, ничего—кромѣ золота грезъ, кромѣ золотыхъ надеждъ и почти ни одного наполеондора. Агентство сжалилось надъ ея молодостью и позволило ей ѣхать до Египта даромъ—на палубѣ. А у нея—голубенькіе глазки и голубенькіе ленты на шляпкѣ и—бѣдненькое платьице. Я нечаянно уловилъ горькій драматическій моментъ: юный музыкантъ, простившись съ голубенькими глазками и сидя уже въ лодкѣ, отвозившей его на берегъ въ Константинополь, украдкой утиралъ свои черные глаза, изъ которыхъ катились слезы и капали ему на колѣни... *Она* уѣзжала далеко, далеко—искать свое счастье, а *онъ* провожалъ свое счастье съ голубенькими глазками, потому что *нечѣмъ* было его удержать,—и плакалъ, горько плакалъ... И вотъ теперь франтъ «сибболетъ» уже подъѣзжаетъ къ *его* счастью, въ то время, когда платокъ, которымъ *онъ* утиралъ слезы разлуки, еще не успѣлъ высохнуть. О, бѣсъ Фармагѣй! ты смущаешь людей даже въ виду острова Патмоса.

«Бѣлые арапчата», которымъ тоже наскучило однообразіе моря, смертно шалятъ на палубѣ:—они подружились съ черными арапчатами, съ маронятами и друзятами (у насъ и друзы были), бѣгаютъ по палубѣ, задираютъ негра-деньщика и старуху-богомолку, поминутно карабкаются то въ люкъ, то изъ люка и дразнятъ маленькаго турченка, въ мундирчикѣ со свѣтлыми пуговицами и въ фесочкѣ, который съ своимъ старымъ родителемъ въ зеленой чалмѣ ѣхалъ изъ Константинополя въ Бейрутъ, а оттуда въ Дамаскъ... Малецъ, конечно, учится въ Стамбулѣ въ какой-нибудь военной гимназіи и теперь ѣдетъ на каникулы домой, вглубь Азіи и Месопотаміи.

Милѣйшій флигель-адъютантъ, подчивавшій меня вишнями, не смотря на украшающую его грудь звѣзду Меджидіе или какую

другую, сложилъ ноги калачикомъ на подостланномъ подъ него негромъ пестромъ коврѣ и серьезно занятъ съ «кафеджи» игрою въ домино-шашки,—костяшки только пощелкиваютъ подъ равномѣрный плескъ моря... Гдѣ-то внизу заводится музыка-табакерка, выпискиваетъ что-то вродѣ «Лучинушки» и умолкаетъ... За пароходомъ продолжаютъ летѣть чайки, жалобно кричатъ и дерутся изъ-за всякихъ корабельныхъ отбросковъ, выкидываемыхъ поварами и пассажирами въ море... Изъ люка въ сотый разъ выползаютъ богомолки, глядятъ въ синюю даль, на небо, на незнакомые острова и набожно качаютъ головами: вонъ куда-де забрались... на край свѣта, гдѣ земля кончается, небо съ моремъ сходится... И сопровождающіе ихъ монахи видимо скучаютъ — скучаютъ до тошноты, но улыбаются тою милою улыбкою, какою улыбались когда-то римскіе жрецы-авгуры, при встрѣчѣ съ другими авгурами...

Вахта смѣняетъ вахту, одинъ помощникъ замѣняетъ другого, рулевые становятся на мѣсто отбывшихъ вахту. Звонятъ къ завтраку, къ обѣду.

— На работу пожалуйте, улыбается своими бѣлыми зубами Спрудинъ, только-что выспавшійся передъ своею вахтою.

— На вахту... за тарелки...

Я схожу въ каютъ-кампанію 2-го класса, пренебрегая обѣдомъ 1-го класса, который принадлежалъ мнѣ по праву. Это случилось такимъ образомъ. Я ѣхалъ по билету 1-го класса и занималъ первоклассную каюту. Хотя ѣзда по морю и во 2-мъ классѣ почти ничѣмъ не отличается отъ ѣзды въ 1-мъ, однако, въ виду слишкомъ далекаго пути въ незнакомыя страны, я предпочелъ ѣхать въ 1-мъ классѣ: покойнѣе, думаю, будетъ, ибо во 2-мъ классѣ часто бываютъ переполнены каюты, хотя этой переполненности въ нашемъ путешествіи не оказалось: вездѣ было свободно, а въ 1-мъ классѣ даже пусто. Когда, по переѣздѣ черезъ Черное море, семейство лорда Дёфферина, а также г. Коростовцевъ и нѣмецкій туристъ покинули въ Константинополѣ нашъ пароходъ, я остался въ 1-мъ классѣ совершенно одинъ:—для меня для одного оффиціанты сервировали столъ и мнѣ одному служили. Хотя я собственно и не скучалъ одиночествомъ, ибо не люблю случайнаго дорожнаго зна-

комства и безсодержательной болтовни совершенно незнакомыхъ субъектовъ, иногда даже надоѣдливыхъ,—однако добрѣйшій капитанъ, зайдя ко мнѣ разъ во время обѣда и замѣтивъ, что я обѣдаю какъ-бы въ одиночномъ заключеніи, объявилъ, что у нихъ во 2-мъ классѣ очень весело, что обѣдаютъ они, всѣ служащіе на пароходѣ, «своей семьей», и что не желаю-ли и я присоединиться къ ихъ дружескому морскому кружку. Я, разумѣется, охотно согласился и съ тѣхъ поръ, до самаго Египта, и завтракалъ, и обѣдалъ во 2-мъ классѣ вмѣстѣ съ капитаномъ и его помощниками, изъ коихъ двое — капитанъ и Спрудинъ — ѣхали вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Общество офицеровъ оказалось очень живое, веселое: все народъ молодой, многое видавшій въ своихъ скитаніяхъ по морямъ и много испытавшій. Такъ какъ и во 2-мъ классѣ пассажировъ сначала совсѣмъ не было, и только въ Смирнѣ сѣлъ на нашъ пароходъ рыжій мистеръ съ своимъ молчаливымъ собесѣдникомъ и съ «Бедекеромъ», не болѣе его разговорчивымъ, да господинъ «сибболетъ»—субъектъ сомнительной національности—это въ 1-мъ классѣ, да во 2-й классъ въ Смирнѣ поступили два грекоса, не особенно сообщительные, — то общество наше дѣйствительно составляло семейный кружокъ. Тутъ были и дамы съ дѣтьми: m-me Томасъ съ маленькою хорошенькою дочкою Дэзи и еще меньшимъ «Шмитомъ», и m-me Спрудина — съ своею дочкою и неразлучными съ нею куклами «Тамарою» и— увы!—«Акулиною»... «Акулина», впрочемъ, никогда не присутствовала за обѣдомъ, ибо она была простая «Акулина», въ бѣдненькомъ платьишкѣ, и съ мочальною косою, тогда какъ барышня «Тамара» была постоянно разряжена какъ настоящая кукла. Но какъ сердце человѣческое и даже сердце ребенка—кладезь глубокій и темный, въ который опускается только ведро за водой, да иногда рѣшается заглянуть туда чистильщикъ кладезя,—то и въ сердцѣ юной Спрудиной, повидимому, была какая-то невѣдомая тайна или трещина: дѣвочка вездѣ таскала съ собой разряженную «Тамару», а «Акулину» стыдилась показывать въ люди, тогда какъ намъ было съ достовѣрностью извѣстно, что она «Акулину» любила несравненно больше, чѣмъ «Тамару», и тихонько отъ всѣхъ, въ каютѣ, постоянно ее ласкала и цѣловала. Вслѣд-

ствіе всего этого «Акулина» пользовалась большой популярностью на пароходѣ, и ее неиначе называли, какъ «героиней нашего времени». Безъ «Акулины», безъ толковъ объ ней и всякихъ героическихъ на ея счетъ разсказовъ не проходилъ ни одинъ завтракъ и ни одинъ обѣдъ. Для «Акулины» молодые офицеры откладывали лучшіе куски; изображенія «Акулины» воспроизводились изъ хлѣба; «Акулину» кормили бананами, абрикосами, фисташками— и все это на зло гордячкѣ—«Тамарѣ». Однимъ словомъ, чумазая «Акулина» была своего рода Сандрильоною и владычицею всѣхъ пароходныхъ сердецъ. Мало того—когда офицерамъ удавалось добыть какимъ-нибудь способомъ «Акулину» изъ ея одиночнаго заключенія, то ее наряжали во всевозможные костюмы: и въ огромные чулки или гетры, и въ форменныя фуражки, и тогда «Акулину» сажали на первое мѣсто—на капитанское—и ей отдавались всевозможныя почести, точно Минервѣ или Афродитѣ.

Такъ моряки сокращали на морѣ скучные, безконечные часы, и время обѣдовъ и завтраковъ было обыкновенно всеобщимъ торжествомъ и, конечно, торжествомъ миѳической «Акулины».

Къ ночи 15-го мая на 16-е мы миновали послѣдніе острова Архипелага, слѣва Родосъ, справа—Карпато или Карпандо и Кандію, въ отдаленіи, и вступили въ настоящее уже Средиземное море, которому, казалось, и конца не будетъ.

Прошла ночь. Снова наступилъ безконечный день. Давно уже ни облачка на небѣ, ни признака жизни на морѣ. Даже чаекъ не видать и неслыхать—видно, что ужь слишкомъ далеко забрались мы вглубь моря. На Черномъ морѣ хоть были на пароходѣ залетныя птички, загнанныя къ намъ неожиданнымъ штурмомъ: здѣсь—ничего, кромѣ неба и воды, да жалкаго пароходика, который никакъ не можетъ осилить ея безконечности, сколько ни пыхтитъ и ни вздрагиваетъ подъ могучими парами и энергическою работою машины и винта. Хоть-бы дымокъ пароходный вдали—и того не видать... Точно брошенные въ море, кинутые на произволъ этой противной воды, всѣми оставленные...

Но вотъ вдали, къ югу, къ Африкѣ, на горизонтѣ замѣчается какая-то маленькая точечка... Неужели судно?.. Должно быть пароходъ: замѣчается что-то вродѣ струйки дыма...

Приглядываются сотни глазъ къ этой далекой точечкѣ. Смотрятъ въ бинокль. Глазастые моряки убѣждаются своими привычными наблюденіями, что это дѣйствительно идетъ отъ Африки пароходъ, прямо встрѣчнымъ намъ курсомъ. Капитанъ приказываетъ выкинуть флагъ: надо прилично встрѣтить незнакомаго путника въ чужомъ морѣ. Выкидываютъ и тамъ флагъ. Все это видѣлъ привычный глазъ моряковъ.

— Да это нашъ пароходъ—русскій.

— И то нашъ—вонъ какъ рябитъ полотнище...

— Да это «Одесса»—тупоносая—сейчасъ видно.

— Ахъ она тупорылая! надо попужать... Ѳомка! вели брать лѣвѣе...

— Да она сама забираетъ влѣво—своимъ ходомъ идетъ...

— Ничего—попужаемъ... Бери лѣвѣе!

— Есть!

— Еще лѣвѣе, еще!

— Есть!

«Одесса», замѣтивъ упорное уклоненіе нашего парохода влѣво—прямо на нее, круто поворачиваетъ вправо, еще лѣвѣе нашего курса.

— А! струсила тупорылая! Держи еще лѣвѣе, бери шибче!

— Есть!

Испуганная «Одесса», не понимая, что это творится на нашемъ «Нахимовѣ», и боясь столкновенія, совсѣмъ забрала въ сторону и стала къ намъ почти бокомъ, носомъ по направленію къ Сиріи...

— Ага! вотъ улепетываетъ дура!

Наши машутъ ей шапками, платками. Съ «Одессы» отвѣчаютъ тѣмъ-же.

— Насилу догадались... А трухнули порядкомъ... Здравствуйте! поклонитесь Россіи!.. Бери прежній курсъ—эй, на рулѣ! Литвиненко!

— Есть!

Испуганная, только теперь опомнившаяся «Одесса» уходила все далѣе и далѣе. Виднѣлись только махающіе въ воздухѣ платки...

Но вдругъ въ воздухѣ что-то замелькало и запищало. Это ле-

тѣли съ того парохода на нашъ какія-то желтенькія птички вродѣ канареекъ.

— А! индійскіе воробьи! Откуда они?

— Да съ «Одессы»—наскучило, вѣрно, тамъ...

Бѣдненькія птички съ пискомъ уцѣпились за наши снасти, попрятались въ нихъ, а потомъ всѣ перебрались въ птичникъ, къ курамъ—къ своему брату-птицѣ.

Оказалось, что мы были свидѣтелями цѣлой птичьей драмы. Несчастныя птички—не знаю, дѣйствительно-ли то были индійскіе воробьи, или нѣтъ—по какому-то неизвѣстному намъ случаю попали на пароходъ (на «Одессу»): можетъ быть и ихъ занесло на этотъ пароходъ бурею, какъ и тѣхъ, что спаслись на «Нахимовѣ» во время штурма на Черномъ морѣ. Но потомъ вѣроятно глупыя индійскія пичуги сообразили своими птичьими головками, что пароходъ, на которомъ они нашли спасенье, идетъ на сѣверъ, а не на югъ, куда, быть можетъ, имъ хотѣлось возвратиться, а потому, увидавъ нашъ пароходъ, который шелъ на югъ, они и поторопились перебраться въ нашъ курятникъ: авось-дескать на этомъ пароходѣ попадемъ на родину... Исполнились-ли ихъ надежды или нѣтъ—я не знаю; но они продолжали пребывать въ нашемъ курятникѣ во все время нашего плаванья до Египта, иногда попискивая себѣ въ своемъ убѣжищѣ, и уже въ виду Александріи покинули нашъ пароходъ.

Послѣ встрѣчи съ «Одессой» и съ индійскими воробьями, которые все-таки доставили намъ нѣкоторое развлеченіе, опять потянулся безконечный однообразный день, да кругомъ разстилалось противное море: вода—вода—и ничего больше! Приходилось или скучать, или прибѣгнуть къ послѣднему спасенію—къ знаменитой «Акулинѣ»... У меня же, какъ на зло, вышли всѣ папиросы, которыя я вывезъ еще изъ Петербурга. Правда, меня выручилъ добрѣйшій капитанъ, да и другіе офицеры снабжали своимъ табакомъ; но все это было не то... Скука смертная! Всѣ скучаютъ и начинаютъ даже злиться...

Вонъ «бѣленькіе арапчата» обидѣли чернаго арапченка съ косой, и старая арабка, его мать, рычитъ звѣремъ, желая отмстить обидчикамъ... Угрожающе выходятъ изъ трюма арабы съ длинными

шестами, кричатъ, рычатъ; но ихъ унимаетъ общій пароходный судья—«кафеджи». Я укоризненно качаю головой на «бѣлыхъ арапчатъ»—«зачѣмъ вы, поросята, обижаете его?» и арапчата приглашаютъ обиженнаго играть съ ними въ вишневыя косточки... Это только имъ однимъ понятная игра: передъ бросаньемъ косточекъ гадаютъ—сжимаютъ сборками кожу на верхушкѣ руки и по морщинкамъ что-то замѣчаютъ... И обиженный гадаетъ на своей татуированной рукѣ... Начетчица-богомолка что-то читаетъ вслухъ, конечно, божественское—и ее внимательно слушаютъ прочія богомолки... И ихъ томитъ тоска однообразія... Другіе спятъ, играютъ въ шашки, въ карты—лица у всѣхъ истомленныя—иныхъ мутитъ морская болѣзнь... Скоро-ли конецъ!..

А пароходъ все стучитъ и вздрагиваетъ...

— Какая тоска!.. Хоть-бы «Акулина» пришла...

— Это что,—теперь благодать... А вы бы попробовали въ декабрѣ...

— А что?—Скверно?

— Да, скверно бываетъ... Разъ мы вышли изъ Одессы въ концѣ декабря—нашъ пароходъ и «Корниловъ», новенькій, только что съ иголочки... Снялись мы съ якоря въ Мессинѣ и пошли къ Сардиніи—вышли почти разомъ съ «Корниловымъ»... И начало насъ трепать—трепало-трепало, носило-носило по морю, а мы только и боимся, чтобъ насъ на землю не нанесло—не разбило-бы... Все держимся въ открытомъ морѣ... Много дней трепало насъ—воды набралось вездѣ по поясъ—въ каютахъ бродили вотъ по сихъ поръ... Пришлось совсѣмъ пропадать... Провизія вышла вся, а что и осталось, такъ негдѣ было готовить: и печи, и все водой залило... Матросы сбились въ трюмѣ, а мы съ голоду помирали по каютамъ... Забрался я это на верхнюю койку—туда вода еще не дошла—забрался, да и думаю уснуть: во снѣ-де легче умереть—ничего не буду чувствовать... Лежу это и дремлю съ голоду, да вдругъ и слышу: кто-то въ каютную дверь стучитъ—ботъ! ботъ! ботъ!.. «Кой тамъ чортъ стучитъ!» кричу.—Не отвѣчаетъ... Я опять дремлю—ботъ! ботъ! ботъ!.. Ахъ ты, дьяволъ,—думаю—умереть не дадутъ спокойно!.. Сползъ кое-какъ съ койки, цѣпляюсь чтобъ не упасть отъ качки; бреду—добрелъ по водѣ до

двери—а онъ все ботъ—ботъ—ботъ!.. Отворяю дверь... Кой чортъ! не отворяется—вода что-ли мѣшаетъ... Я понатужился—а онъ все бьетъ—ботъ-ботъ!.. Отворилъ, и что-же! Буфетчикъ съ отчаянья повѣсился какъ-разъ на лѣстничкѣ въ каютѣ, а какъ пароходъ-то качнетъ, броситъ съ волны на волну—онъ сапогами и ботаетъ въ дверь...

— Мертвецъ-то?

— Да, мертвецъ.

— Боже мой, какой ужасъ!

— А разскажи, какъ ты ѣлъ колбасу? перебилъ капитана Спрудинъ.

— Да, колбасу ѣлъ, улыбнулся добрѣйшій Семенъ Ивановичъ, вскинувъ на Спрудина свои умные смѣющіеся глаза: — эхъ ты, подлецъ, подлецъ!

— Что такое? полюбопытствовалъ я.

— Да все тогда-же, какъ повѣсился нашъ буфетчикъ, а мы умирали... Раздобылъ я послѣ буфетчика колбасу и хлѣба... Мокрое все — въ морской водѣ — а я все-таки радъ: думаю — сейчасъ нажрусь въ послѣдній разъ... Только это я за кусокъ, какъ откуда ни возьмись вотъ этотъ подлецъ (капитанъ дружески указалъ на Спрудина, который весело улыбался, показывая свои бѣлые прелестные зубы) — онъ издыхалъ, подлецъ, на другой койкѣ— цапъ!—и вырвалъ у меня колбасу... Я за нимъ, а онъ жретъ и рычитъ какъ звѣрь... А развѣ можно сладить съ этимъ чортомъ?..

Дѣйствительно, г. Спрудинъ смотритъ богатыремъ, и у него нелегко вырвать изъ рукъ какой-бы то ни было кусокъ.

— Но вѣдь это ужасъ!

— Да... А вотъ все-таки цѣлы до сихъ поръ... А «Корниловъ»...

— А что «Корниловъ?»

— Безъ вѣсти пропалъ—такъ и сгинулъ...

— Какъ!

— Совсѣмъ—съ капитаномъ, съ офицерами, съ матросами— сгинулъ, и никто объ немъ ничего не знаетъ... Думаемъ, что онъ захлебнулся...

— Какъ захлебнулся?

— Да такъ... Вѣроятно рѣзалъ носомъ волну... А это опасно— пароходъ можетъ клюнуться носомъ и въ одинъ моментъ пойти

ко дну... А «Корниловъ» рѣзалъ—ну само собой—одинъ конецъ... А надо при большой волнѣ давать тихій ходъ—пущай она, подлая, волна-то, сама подымаетъ пароходъ... Тогда не захлебнешься... А они рѣзали...

Нечего сказать—утѣшительный разсказъ, особенно въ морѣ-то, когда и самъ не знаешь, доберешься-ли до земли...

Господи! когда-же берегъ?..

А берегъ еще далеко—не знаю, когда и попадемъ въ Египетъ. А тутъ ночь спустилась на море — это уже седьмая или восьмая ночь, что я провожу въ этомъ проклятомъ морѣ... Забрался на ютъ, смотрю на звѣзды—все чужія, незнакомыя звѣзды, невидимыя на нашей петербургской широтѣ—южныя звѣзды... Африканская ночь... Капитанъ сказалъ, что часовъ въ 12, въ полночь, увидимъ александрійскій маякъ... Вотъ и полночь — а маяка не видать... Страшно... Г. Нагорскій дѣлалъ днемъ астрономическія выкладки — говоритъ, что мы почти совсѣмъ не отклонились отъ курса—развѣ на линію взяли правѣе... И число узловъ дѣлали законное... Скоро долженъ быть маякъ...

А маяка все нѣтъ... Минуты тянутся цѣлую вѣчность... А бѣдный «Корниловъ»—захлебнулся... Уфъ!—морозъ подираетъ по кожѣ... Даже крикнуть, поди, не успѣли... Волну рѣзалъ... Проклятая волна, проклятая вода, проклятое море!..

— Маякъ! маякъ!.. Лѣвѣе!

— Есть!

Точно гора свалилась съ сердца—и я легъ спать, стараясь не думать о «Корниловѣ»... Я въ Африкѣ... Вонъ куда затесался изъ Столярнаго переулка... Бѣдный «Корниловъ!»...

VIII.

Въ столицѣ Клеопатры.

Рано утромъ 17-го мая, едва я вышелъ на ютъ, какъ передо мной открылся низменный, песчаный берегъ Египта и бѣлыя зданія Александріи.

Именно такимъ я и воображалъ себѣ африканскій берегъ—

желтый, сыпучій песокъ. Какое-то могучее, возвышенное чувство охватило мою душу—это чувство сознанія того великаго историческаго прошлаго, съ которымъ въ этотъ моментъ какъ бы объединялся вашъ духъ, ваша очарованная, словно испуганная этимъ величіемъ мысль. Всею глубиною духа чувствовалось, что въ этотъ моментъ самъ становишься зрителемъ и даже участникомъ событій, яркихъ, поражающихъ событій, пронесшихся надъ этимъ песчанымъ берегомъ...

Я поднялся на капитанскую площадку, чтобъ ближе узнать подробности того, что открывалось передъ моими глазами.

— Видите—кто у насъ теперь капитаномъ? встрѣчаетъ меня милѣйшій Ѳома Николаевичъ.

— А кто? «Акулина» развѣ?

— Посмотрите—вонъ ходитъ взадъ и впередъ... почти «Акулина»...

— А!—вонъ этотъ фараонъ?

— Да... Онъ теперь нашъ начальникъ.

Вдоль капитанской площадки ходилъ арабъ—высокій, стройный, смуглый франтъ, въ новенькихъ щегольскихъ ботинкахъ и бѣлыхъ чулочкахъ, въ широчайшихъ, темныхъ, мелко-полосатыхъ шаравахъ, съ «матнею», доходившею почти до земли, въ красной фесочкѣ и въ коротенькомъ европейскомъ пальто сверхъ арабской куртки. Шея его была обернута шарфомъ. На бортикѣ площадки, гдѣ обыкновенно помѣщается въ ящикѣ капитанскій бинокль, стояла только-что принесенная пароходнымъ «кафеджи» малюсенькая чашечка кофе. Арабъ иногда посматривалъ въ капитанскій бинокль и движеніемъ руки отдавалъ приказанія рулевымъ.

Это былъ александрійскій лоцманъ, который долженъ былъ провести нашъ пароходъ въ городскую гавань. Такъ какъ берегъ Египта, въ этомъ мѣстѣ, отъ Александріи до самаго Розетскаго и далѣе до Даміэтскаго рукавовъ Нила, весь состоитъ изъ нильскихъ наносовъ, то Средиземное море представляетъ здѣсь множество подводныхъ песчаныхъ огрудковъ и мелей, по которымъ только опытная рука мѣстнаго лоцмана можетъ провести постороннее судно. Вслѣдствіе этого пароходы, приходящіе въ Александрію, дойдя до извѣстныхъ пловучихъ знаковъ въ морѣ, поджидаютъ обыкновенно

опытнаго александрійскаго лоцмана, который и проводитъ ихъ въ гавань. Такъ и нашъ «Нахимовъ» остановился ночью въ виду александрійскаго маяка и выжидалъ утра, пока изъ города не пріѣхалъ на своей легенькой парусной лодкѣ вотъ этотъ франтъ-фараонъ.

«Нахимовъ», руководимый этимъ фараономъ, ловко лавировалъ между пловучими знаками и мелями. Навстрѣчу шло парусное морское судно. Лоцманъ-фараонъ продолжалъ вести нашъ пароходъ тѣмъ же ходомъ, нисколько не измѣняя курса въ виду встрѣчнаго судна и видимо бравируя своею опытностью.

— Вели держать правѣе! кричитъ нашъ капитанъ лоцману.

Фараонъ не обращаетъ вниманія на слова капитана. Встрѣчное судно все ближе и ближе—такъ, кажется, и налетитъ на «Нахимова».

— Эй ты, чортъ евіопъ! сердится г. Томасъ,—правѣе! Развѣ не видишь?.. Прежде пріобрѣти себѣ свой пароходъ, да на немъ ужь и ломайся, чортъ... Право руль!

— Есть!

Встрѣчное судно прошумѣло мимо насъ бортъ-о-бортъ.

Я весь превратился въ зрѣніе и... въ историческія воспоминанія... Вдоль низкаго, песчанаго берега кое-гдѣ торчали высокія деревья съ вершинами, напоминавшими развѣвавшіеся султаны изъ перьевъ. Что-то знакомое глазу... Я видѣлъ это съ дѣтства—на изображеніяхъ африканскихъ видовъ, африканскихъ степей Сахары... Это были пальмы—настоящія пальмы, живыя—не на картинкахъ... Стоящія по берегу каменныя круглыя башни—это вѣтряныя мельницы—машутъ множествомъ крыльевъ. Это нашъ сѣверный вѣтеръ вертитъ ими: онъ вмѣстѣ съ нами прилетѣлъ съ сѣвера, черезъ голубыя, противныя моря, и, помахавъ мельничными крыльями, уносится дальше къ югу, къ Каиру, къ пирамидамъ, въ Нубію, въ Абиссинію, въ Сахару, и плещетъ мутными волнами «желтаго Нила». И онъ, этотъ сѣверный вѣтеръ, летитъ туда же, куда и я...

Виднѣются безкрышія зданія Александріи, точно каменные ящики или поставленныя ребрами бѣлыя кости домино съ черными очками—окнами.

Эти пальмы видѣлъ и Антоній, когда подъѣзжалъ къ Александріи. Тутъ провожала его Клеопатра.

А гдѣ-же «игла Клеопатры»?—послѣдняя игла... Ее недавно увезли англичане... Скоро они, кажется, и весь Египетъ, весь историческій Востокъ закупятъ и перевезутъ къ себѣ подъ свое дымное и туманное небо. Пирамиды скоро перетащутъ къ себѣ—въ противное Уэстминстерское аббатство.

— Это что за зданія, вправо, у берега?

— Это старый загородный дворецъ хедива. Но вонъ посмотрите туда, лѣвѣе, на городъ.

— А что тамъ?

— Вонъ между фабричными трубами—видите?—высокое, не похожее на трубу...

— Кажется, вижу... Пониже этихъ двухъ трубъ?

— Да... Это колонна Помпея.

Колонна Помпея пониже фабричныхъ трубъ... совсѣмъ затерлась между трубами... Такъ теперь всякое историческое величіе затирается фабрикой... Фабричныя трубы выше колоннъ «такъ-называемыхъ» великихъ людей, выше памятниковъ... Что-жь! такъ и должно быть. Жизнь всегда высится надъ смертью, даже надъ «такъ-называемымъ» безсмертіемъ. Только надъ геніемъ, надъ великою идеею не возвыситься никакой фабрикѣ.

Пароходъ обогнулъ длинный каменный молъ циклопической кладки изъ огромныхъ нетесанныхъ и никакимъ цементомъ не связанныхъ гранитныхъ плитъ. На концѣ мола небольшой маякъ. Вправо—другой молъ—песчаная длинная коса, точно брошенная въ воду громадная игла, гладко облицованная гранитомъ. За молами, въ гавани—цѣлый лѣсъ пароходныхъ и судовыхъ мачтъ и трубъ и множество плещущихся въ водѣ лодокъ и лодочекъ—и надъ всѣмъ этимъ въ утреннемъ воздухѣ треплются сотни разноцвѣтныхъ флаговъ всѣхъ національностей міра. Это—знакъ мірового значенія города Александра «Юпитерова сына», безпощаднаго губителя классическаго строя жизни и древне-греческой, и египетской культуры.

Мы входили въ самую гавань.

— Вотъ, прямо передъ нами, новый дворецъ хедива, а вотъ это влѣво стоятъ его яхты... Что за роскошь отдѣлки!

— Да, видно и снаружи...

— А каково внутри!—все такъ и горитъ золотомъ.

Скоро нашъ пароходъ былъ прикрѣпленъ къ пловучему якорю—къ красной желѣзной бочкѣ, въ виду дворца хедива влѣво и колонны Помпея вправо, и снова началось столпотвореніе вавилонское, какъ это бываетъ всегда, когда пароходъ входитъ въ портъ большого города. Городскіе ялики облѣпили пароходъ, словно мухи ложку съ медомъ. Цѣпкіе и ловкіе арабы и феллахи-египтяне, эти современные фараоны, не дожидаясь спуска пароходной лѣстницы, уже карабкались на бортъ, рискуя оборваться въ море или разбиться объ свою же лодку. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики невообразимые; и удивительно только, какъ эти еѳіопы умѣли разобраться въ этомъ адѣ и содомѣ, воюя изъ за несчастныхъ пассажировъ и ихъ багажа. Со стороны можно было подумать, что это пираты напали на беззащитный пароходъ и предали его безпощадному грабежу. А между тѣмъ рыла у этихъ черномазыхъ разбойниковъ веселыя, живыя, смѣющіяся и въ сущности необыкновенно добрыя, честныя и симпатичныя.

На ютъ налетѣла стая отельныхъ драгомановъ, посыльныхъ, лодочниковъ. Каждый отель выслалъ своего представителя—какую-нибудь черномазую физіономію съ бѣлыми зубами, или бѣлую чалму, красную феску—и у всѣхъ этихъ отельныхъ акулъ было вышито на груди цвѣтными буквами: «Hôtel des Messageries», «Hôtel Abbat», «Hôtel de l'Europe» и т. п. Они выкрикивали свои отели, совали пассажирамъ въ руки карточки, рекомендаціи, даже похвальные листы.

И главное—во всемъ этомъ необыкновенное своеобразіе, все это совсѣмъ, совсѣмъ, говоря стилемъ Достоевскаго, совсѣмъ таки не похоже на то, что вы видите въ Европѣ, къ чему вашъ глазъ привыкаетъ съ дѣтства: тутъ—Востокъ во всей своей поразительной цѣльности и оригинальности такъ и бьетъ въ глаза каждымъ штрихомъ, каждымъ звукомъ, колоритомъ, и въ этомъ-то именно и лежитъ та тайна неотразимаго очарованія, та волшебная иллюзія, которая и составляетъ чарующую прелесть путешествія по Востоку.

Тутъ вы какъ-бы отрѣшаетесь отъ всего обыденнаго, общепринятаго, такъ сказать, всѣми захватаннаго и доведеннаго до пошлости:—въ Европѣ вы попадаете, такъ сказать, въ выхоленный, подстриженный паркъ, уставленный столиками и скамеечками, а здѣсь—васъ охватываетъ волшебное очарованіе дѣвственнаго, сказочно прелестнаго лѣса съ пальмами, бананами, гигантскими кактусами и вдобавокъ съ сфинксами... Развѣ это не живые сфинксы—эти еѳіопки и фараонки съ кувшинами на головахъ, словно эти кувшины выкопаны изъ катакомбъ, да и сами люди—это сошедшія съ пьедесталовъ каріатиды.

Началась перегрузка пассажировъ и ихъ багажа съ парохода на лодки. Суетились и «бѣлые арапчата» съ своею полосатою, закутанною съ глазами матерью, таская въ лодку узелки, корзинки; тутъ же хлопотали около своихъ цвѣтныхъ мѣшковъ и черные арапчата съ косичками и черною мерлушкою на головахъ вмѣсто волосъ. Около своего месопотамскаго родителя въ зеленой чалмѣ увивался константинопольскій гимназистикъ въ мундирчикѣ съ луною и звѣздою на свѣтлыхъ пуговицахъ и пунцовою фесочкою на бритой головѣ. Все это скакало въ лодки, падало, смѣялось, болтало на невѣдомыхъ языкахъ.

— Варда! варда!

— Прощайте, бѣлые арапчата!

Улыбаются хорошенькія рожицы, скалятъ на меня бѣлые какъ перламутры зубы, киваютъ головами въ фесочкахъ.

— Кланяйтесь Бейруту, Дамаску, Тигру и Евфрату съ Вавилономъ.

Не понимаютъ ничего и осклабляются.

Гужомъ, словно овцы, поползли внизъ по лѣстницѣ богомолки съ котомками на плечахъ. Вотъ-вотъ попадаютъ въ море! Ахаютъ, крестятся, цѣпляются другъ за дружку. Тутъ же и парень въ большихъ сапогахъ и съ русыми волосами скобой, и старый чиновникъ съ малиновымъ фланелевымъ одѣяломъ, и начетчица съ книжечкой и съ выраженіемъ mater dolorosa на благочестивомъ лицѣ. А впереди — два монаха: русый съ плутовскими, улыбающимися глазами авгура и черный, свирѣпый, съ путаннымъ лошадинымъ хвостомъ вмѣсто косы подъ скуфьею. Полну лодку

нагрузили богомолками и повезли ихъ на другой пароходъ, отходившій въ полдень въ Портъ-Саидъ и Яффу. Въ лодкѣ русый монахъ порывается побить своею массивною палкою молодого феллаха-гребца, но феллахъ не дается... У богомолокъ на лицахъ ужасъ:— такихъ евіоповъ они видѣли только на изображеніи «страшнаго суда»... Вотъ они, настоящіе-то евіопы, что въ аду поджариваютъ грѣшниковъ, а отецъ Никодимъ бьетъ ихъ святымъ жезломъ. А что же дальше-то—за землей евіоповъ?.. Мурины черные?—еще чернѣе евіоповъ?—Срацины свирѣпые?.. Обо всемъ этомъ имъ читала начетчица, сестра Нунеха...

Рыжій мистеръ занялъ собою особую лодку и тоже поѣхалъ на пароходъ, отходившій въ Портъ-Саидъ и Яффу.

Голубенькіе глазки, ищущіе своего счастья въ Египтѣ, нашли уже его, кажется, на Средиземномъ морѣ. Вонъ какъ они мило болтаютъ съ молодымъ турецкимъ флигель-адъютантомъ—а на какомъ языкѣ? Богъ ихъ вѣдаетъ. Голубенькіе глазки повидимому не умѣютъ болтать ни по-французски, ни по-турецки, а только по-польски и немножко по-итальянски. Молодой флигель-адъютантъ— ни по-польски, ни по-итальянски. Но они понимаютъ другъ друга: черные турецкіе глаза понимаютъ, что говорятъ голубенькіе польскіе глазки—языкъ у нихъ одинъ, родной, материнскій. За флигель-адъютантомъ пріѣзжаетъ съ пристани богатый, золотомъ расшитый балдахинъ на разрисованномъ катерѣ съ краснымъ флагомъ и съ бѣлыми на немъ полумѣсяцемъ и звѣздою—и голубенькіе глазки весело прыгаютъ въ катеръ, улыбаясь стыдливо черными глазамъ. Черные глаза глядятъ на меня и прикладываютъ руку къ сердцу и ко лбу.

— Adieu, monsieur le docteur!

— Bonjour, mon cher général!.. Adieu!

Изъ пассажировъ всѣхъ трехъ классовъ я одинъ остался на пароходѣ. Вообще я не люблю торопиться и терять голову въ суматохѣ, какъ это дѣлаетъ большинство при выходѣ изъ вагоновъ или при сходѣ съ пароходовъ, когда женщины ахаютъ, дѣти кричатъ, а съ слабонервными дѣлается дурно, точно позади нихъ пожаръ или свѣтопреставленіе, а впереди—единственное спасеніе въ носильщикѣ и извощикѣ. Я люблю все это дѣлать спокойно, хладно-

кровно, и если какой-нибудь усердный еѳіопъ подлетитъ ко мнѣ, словно на пожарѣ, я всегда озадачиваю его: «Что ты, фараонъ эдакій, угорѣлъ что-ли?—Рѣжутъ тебя, еѳіопъ, или меня грабятъ?»—и озадаченный еѳіопъ усмиряется. Или обзовешь старика «молодымъ человѣкомъ», «гарсономъ», «юношей»—и озадаченная старина только самодовольно ухмыляется. Притомъ-же здѣсь, въ Александріи, любезный капитанъ «Нахимова» прямо предложилъ мнѣ остаться на пароходѣ и не переѣзжать въ городъ, пока «Нахимовъ» будетъ стоять въ гавани. Я, конечно, принялъ его деликатное предложеніе съ большою охотою и весь этотъ день провелъ въ дружескомъ кружкѣ столь обязательныхъ людей. Поэтому, когда изъ Александріи явился на пароходъ египетскій чиновникъ для обычнаго осмотра прибывшаго иностраннаго судна и его экипажа и обратился ко мнѣ съ вопросомъ о моей личности, я, по совѣту г. Томаса, не показалъ ему даже своего паспорта, а вручилъ только свою визитную карточку, сказавъ, что я пока остаюсь на «Нахимовѣ».

Затѣмъ началась чистка парохода и выгрузка привезенныхъ товаровъ—вишень изъ Смирны, орѣховъ и досокъ изъ Константинополя и проч. Выгрузкой занимались арабы, феллахи и негры. Мытье и чистку парохода производили уже не матросы, а тоже мѣстные фараоны. Арабы и тутъ оказались необыкновенно сметливымъ и способнымъ народомъ: изъ веревокъ устроили самодѣльные блоки и мигомъ перетаскали въ лодки цѣлыя сотни корзинъ съ смирнскими вишнями. Здѣсь они успѣли даже усвоить себѣ техническій пароходный языкъ.

— Вира помало! оретъ какой-нибудь еѳіопъ, покрикивая на «лебедку».

— Майна помало!.. Бандо!—стопъ! покрикиваетъ босоногій феллахъ.

— Вира кранъ! (это—подымай кранъ).

— Майна чучъ! (т. е.: опусти чуть, чуточку).

Такъ какъ день былъ знойный, африканскій, то капитанъ распорядился накрыть для завтрака столъ на ютѣ, подъ тѣнью тенты. И мы завтракали на воздухѣ, въ виду фіолетоваго моря, на которое я люблю смотрѣть съ безопаснаго мѣста, и въ виду роскошнаго дворца хедива и торчавшей изъ-за фабричныхъ трубъ колонны Помпея.

Во время завтрака на ютѣ появился арабъ-фокусникъ и за два, за три франка успѣлъ продѣлать столько чудесъ съ кроликомъ, съ живыми сѣрыми змѣями и скорпіономъ, что всего и передать невозможно. Особенно поражали меня фокусы съ противнымъ скорпіономъ, который не разъ кусалъ въ руку отчаяннаго араба, постоянно призывавшаго по-англійски чорта: «кэмъ, дэвиль, кэмъ!» —Онъ-же—фокусникъ—на нашихъ глазахъ сшивалъ чертовскою иглою разрѣзанную нами надвое и обожженную на мѣстахъ разрѣза чадру отъ его чалмы—и чадра опять становилась цѣлою и совсѣмъ новенькою, безъ всякаго шва.

Когда жаръ нѣсколько спалъ, мы всѣмъ обществомъ собрались ѣхать въ городъ—покататься по улицамъ резиденціи «погибшаго, но милаго созданья»—Клеопатры, осмотрѣть городъ, его роскошные сады, окрестности, Нилъ и колонну Помпея съ близлежащею пальмовою рощею. Взяты были и дѣти съ куклами—и только несчастная «Акулина» осталась одна на пароходѣ.

Переѣхавъ на берегъ въ двухъ лодкахъ, мы тотчасъ-же взяли двѣ очень помѣстительныя и изящныя коляски, запряженныя парою, по-европейски, и отправились въ городъ. Въ характерѣ и расположеніи его улицъ, въ постройкахъ, въ характерѣ движенія, въ ѣздѣ, въ ходьбѣ, въ типахъ, въ мѣстныхъ костюмахъ, однимъ словомъ во всемъ было опять что-то особенное, не напоминавшее ни Константинополя, ни Смирны. Глаза и нервы утомлялись отъ этой кричащей пестроты, отъ всего невиданнаго, поражающаго воображеніе, заставляющаго мысль уноситься въ далекое прошлое, ко временамъ римлянъ, къ первымъ вѣкамъ христіанства, къ владычеству здѣсь халифовъ и мамелюковъ. Дома — не похожи на константинопольскіе, мечети—тоже особенныя. Иногда забываешься и буквально живешь въ древности—и вдругъ на стѣнѣ поражаютъ зрѣніе и мысль аршинныя буквы: «Patti...» И здѣсь Патти!.. Что-жь удивительнаго, когда я здѣсь?

Проѣхавъ вдоль нѣсколькихъ узкихъ улицъ, переполненныхъ движущеюся разнохарактерною толпою и стонавшихъ отъ криковъ и возгласовъ на невѣдомыхъ языкахъ, мы остановились на блестящей городской площади—на «площади консуловъ». Бульваръ, обсаженный африканскими растеніями, которыхъ названія мнѣ не всѣ

извѣстны, фонтаны по концамъ бульвара, кіоски, величественная конная статуя, кажется, Омара или Магомета II-го—не помню, роскошные магазины, кафе со стульями и столиками, занимающими часть площади, безчисленное множество красиво и богато убранныхъ и съ разрисованными ногами и шеями осликовъ съ ихъ «саисами» (мальчики проводники), множество колясокъ съ черными въ бѣлыхъ костюмахъ египтянами и опять тѣми-же «саисами» на козлахъ,—все это кажется европейцу волшебнымъ, сказочнымъ, не отъ міра сего... Отъ всего этого можетъ голова закружиться—такъ разомъ и такъ много невиданнаго поражаетъ васъ, что и зрѣніе, и нервы, и мысль утомляются... Вы разомъ смотрите на сотни невиданныхъ предметовъ, а тутъ новые, еще болѣе невиданные—и вы чувствуете себя разбитымъ, подавленнымъ до усталости, до апатіи.

Конечно, много помогало этому очарованію просто воображеніе: я чувствовалъ, что ноги мои въ первый разъ «попираютъ» Африку, Египетъ, землю фараоновъ, страну пальмъ и пирамидъ. Это, можетъ быть, очень наивно, но—къ счастью или къ несчастью—вѣрно.

Мы остановились около кафе, помнится «Саидъ» или «Саисъ-паша». Посѣтители кафе занимали своими столиками всю эту половину площади. Наше общество потребовало себѣ мороженаго и разнаго прохладительнаго, а мы съ Нагорскимъ отправились въ ближайшій магазинъ за папиросами. «Саисы», большею частью мальчики изъ феллаховъ или изъ Нубіи, а иногда и взрослые, даже старые нубійцы и абиссинцы, непремѣнно босоногіе, въ длинныхъ бѣлыхъ или свѣтло-синихъ рубахахъ съ голою грудью, въ бѣлыхъ или коричневыхъ войлочныхъ колпачкахъ, въ чалмахъ или фескахъ, на каждомъ шагу предлагали намъ, какъ и всѣмъ прохожимъ, своихъ осликовъ, и дѣлали это гораздо назойливѣе, хотя добродушнѣе, чѣмъ наши петербургскіе извощики или мальчишки-спичечники. «Саисы»—это одно изъ характернѣйшихъ явленій на Востокѣ и въ особенности въ Египтѣ. Тамъ ѣзда въ городахъ, вслѣдствіе особаго устройства улицъ, большею частью необыкновенно узкихъ и неровныхъ, производится не на лошадяхъ и не въ экипажахъ, а почти постоянно на ослахъ; равно и перевозка всѣхъ тяжестей происходитъ на спинахъ выносливыхъ осликовъ; ломовыхъ извощи-

ковъ тамъ нѣтъ, а ихъ замѣняютъ все тѣ же долготерпѣливые ослики, а для очень ужь громоздкихъ предметовъ—для брусьевъ, бочекъ, массивныхъ тюковъ—прибѣгаютъ къ спинамъ верблюдовъ. Поэтому «саисами» и осликами запружены всѣ улицы и площади Александріи и Каира. «Саисы» же состоятъ скороходами и при экипажахъ съ европейской запряжкой. Когда вы берете для ѣзды ослика и дѣлаете на немъ экскурсію по всему городу, на протяженіи многихъ верстъ, и даже за-городомъ, подъ палящимъ солнцемъ,—«саисъ» бѣжитъ сзади своего ослика и иногда подгоняетъ его палкою. Палка—неизбѣжная принадлежность какъ «саиса», такъ и скорохода. Скороходъ-же бѣжитъ впереди экипажа, размахиваетъ палкою какъ тамбурмажоръ и кричитъ на прохожихъ и на проѣзжающихъ: «оа!»—тоже что у насъ «гисъ»—берегись; «іеминекъ!»—право!—«шималекъ!»—лѣво!—Меня просто поражала необыкновенная легкость и выносливость, съ какою эти «саисы», точно легкокрылыя птицы, производятъ свои полеты изъ конца въ конецъ такихъ обширныхъ и разбросанныхъ на десятки верстъ городовъ, какъ Каиръ и Александрія. Вы видите ихъ и за городомъ, на пыльныхъ дорогахъ, подъ ужасающимъ зноемъ—и «саисъ» бѣжитъ легко, даже граціозно, едва повидимому касаясь земли, и притомъ раскаленной, своими тонкими, длинными босыми ногами. «Саисы»—это жертвы Востока, мученики необыкновенно странно и едва-ли удобно сложившихся формъ восточной жизни. Я всегда смотрѣлъ на нихъ съ величайшимъ сочувствіемъ и сожалѣніемъ. Притомъ они сами по себѣ необыкновенно симпатичны при всей ихъ наивной, даже трогательной назойливости. Чѣмъ они питаются—одному Богу, питающему птицъ небесныхъ и одѣвающему въ пурпуръ «крины сельные»—одному Богу это извѣстно. Листья и кочерыжки салата—вотъ ихъ пища.

Но какъ ни выносливы эти бѣдные «саисы»—и они не выдерживаютъ многолѣтней пытки этого вѣчнаго бѣганья по раскаленной землѣ, подъ неустанно палящимъ солнцемъ: и ихъ легкія подъ конецъ не выносятъ. Тогда этихъ несчастныхъ бѣгуновъ отправляютъ на родину, большею частью въ далекую Нубію, и тамъ они, говорятъ, лечатся страусовымъ жиромъ, намазывая имъ грудь и подставляя ее подъ то же жгучее родное солнце.

Когда ѣдетъ по Каиру или по Александріи важная особа, какой-нибудь дуракъ паша или глупый богачъ, то передъ нимъ и за нимъ бѣгутъ не одинъ и не два «саиса» и скорохода, а иногда и по нѣсколько человѣкъ. Все это какъ-то возмущаетъ душу, коробитъ непривычнаго путешественника.

— Оа! дахрекъ! кричатъ бѣдные «саисы», пролагая палками дорогу вонъ тому откормленному борову въ темномалиновой фескѣ, развалившемуся въ богатой коляскѣ, съ кучеромъ въ позументахъ и разныхъ висюлькахъ.

— Оа-зекъ! кричитъ другой несчастный:—береги голову.

— Оа-риглакъ!—береги ноги.

Когда мы потомъ съ г. Нагорскимъ сѣли въ коляску, чтобы продолжать странствованіе по Александріи, мы не велѣли нашему саисику бѣжать впереди нашего экипажа, и онъ, скаля отъ радости и изумленія свои бѣлые собачьи зубы, съ видимымъ удовольствіемъ помѣстился на козлахъ рядомъ съ кучеромъ и постоянно оборачивалъ къ намъ свою хорошенькую, черномазую и во весь ротъ улыбающуюся рожицу съ превеселыми, живыми буркалами.

— Что, лупоглазый фараоникъ, радъ?

— О саибъ!

— Какой я саибъ, еѳіопъ ты эдакій! Я просто — сѣдая борода.

— О саибъ!

— Presto! presto! понуждалъ Нагорскій кучера, чтобъ онъ не отставалъ отъ коляски, въ которой ѣхали г. Томасъ и г. Спрудинъ со своими семействами,—и саисика это необыкновенно радовало.

Надо замѣтить, что въ городахъ Египта итальянскій языкъ въ большомъ употребленіи:—итальянская рѣчь тамъ почти такая-же ходячая монета, какъ французскій франкъ на всѣхъ рынкахъ Востока.

Проѣхавъ по лучшимъ кварталамъ европейской части Александріи и полюбовавшись изяществомъ построекъ, чистотою улицъ, прекрасно вымощенныхъ, и всею бросающеюся въ глаза невиданностью и оригинальностью жизни и движенія этого волшебнаго для непривычнаго глаза города, мы, миновавъ потомъ пальмовыя и олеандровыя

рощи съ кактусовыми и другими невиданными заборами, остановились среди развалинъ древней площади или римскаго форума. Посреди площади, среди обломковъ другихъ памятниковъ и множества полуразрушенныхъ сфинксовъ, стоитъ знаменитая колонна Помпея. Колонна эта нѣсколько напоминаетъ нашу Александровскую колонну въ Петербургѣ, хотя на ней и видны слѣды необычайной древности. Гранитъ этой колонны нѣсколько сѣрѣе и свѣтлѣе нашего сѣвернаго гранита.

Когда мы подошли къ колоннѣ и стали осматривать ее, насъ окружили юныя египтянки—нѣсколько дѣвочекъ, которыя предлагали намъ камушки, небольшіе осколки этого знаменитаго историческаго памятника. Откуда дѣвочки эти добыли гранитные осколки, выдаваемые ими за осколки отъ колонны,—я не знаю; всего скорѣе—это осколки самаго пьедестала, который уже нѣсколько попорченъ временемъ, столь-же всесокрушающимъ, какъ и варварская рука человѣка. Хотя мнѣ жаль было видѣть осколки великаго прошлаго, если только дѣйствительно это были обломки отъ колонны Помпея, но я пріобрѣлъ одну изъ этихъ историческихъ реликвій себѣ на память... Вѣдь все равно, рано или поздно, но англичане и эту святыню Египта такъ-же хищнически переволокутъ на свой разбойничій островъ—въ міровой притонъ всего награбленнаго ими на земномъ шарѣ, какъ недавно переволокли они въ этотъ притонъ послѣднюю «иглу Клеопатры».

Отъ колонны мы направились вдоль рукава Нила, превращеннаго въ каналъ. Въ мутной водѣ исторической рѣки купались «египетскія коровы»—не тѣ-ли, которыхъ видѣлъ Фараонъ въ своемъ пророческомъ снѣ?.. Это просто буйволы, которые, подобно свиньямъ, готовы цѣлый день плескаться нетолько въ рѣкѣ, но и во всякой грязной лужѣ. Въ водѣ полоскались также необыкновенныя, сѣрыя, съ красными полосами вокругъ глазъ утки, не то гагары. Ужь не тѣ-ли это утки, о которыхъ говоритъ въ своемъ путешествіи князь Радзивилъ-Сиротка, извѣстный польскій магнатъ, посѣщавшій Египетъ и Іерусалимъ въ 1582 году? Онъ разсказываетъ, что, во время переѣзда его изъ Іерусалима въ Египетъ, въ Яффѣ онъ встрѣтился съ однимъ епископомъ, возвращавшимся изъ Египта, который и подарилъ ему «утку египетскую живу

съ зелеными и лазоревыми періи, такъ самымъ естествомъ зѣло украшенную, на высокихъ ногахъ,—которую есмь съ собою до Триполу града привезъ».

Путешествіе Радзивила издано недавно нашимъ географическимъ обществомъ въ старинномъ русскомъ переводѣ, и я, отправляясь на Востокъ, взялъ съ собою, кромѣ старинныхъ русскихъ описаній святыхъ мѣстъ, какъ напр. «Странникъ» игумена Даніила (1115 года), и другихъ,—также и книгу Радзивила, ибо личное сравненіе того, что̀ я самъ видѣлъ, съ тѣмъ, что̀ видѣли другіе 300 и даже 700 лѣтъ назадъ, представляетъ громаднѣйшій интересъ.

Такъ и о колоннѣ Помпея Радзивилъ говоритъ: «Недалече отъ вратъ и града стоитъ столпъ Помпеіа, зѣло изряденъ и подивленія достоинъ. Столпъ основательный (фундаментъ, пьедесталъ), который его подъемлетъ, имѣетъ въ вышину шестьнадесять локоть, четвероугольный есть, а всякая его страна содержитъ въ себѣ въ ширину девять локоть. Самъ-же столпъ круглъ, изъ каменя высѣченъ, вышиною 60 локоть, а шириною четыре сажени. А сверхуже яблоко со таблицею четвероугольною въ десять локоть. Весь столпъ отъ земли даже до самаго верху осмьдесять-шесть локоть высокъ. Мраморъ-же пепелистъ есть, но самаго столпа камень аки-бы сѣрочервленъ былъ, тако что кажется быти изъ иного камени основаніе, изъ инаго-же самъ столпъ высѣченъ есть. Подивленія воистинну сіе достойно, яко возможно было каменіе, толь сильно тяжкіе, на гору толь высокую встягнуть и посемъ поставить! Образъ написали лѣтописцы, которымъ Юлій Кесарь сіе дѣйствовалъ, чего-же ради и нареченъ бысть столпъ Помпеіа» («Похожденіе въ землю святую князя Радзивила-Сиротки, 1582-1584». Спб. 1879, стр. 156).

Вдоль рукава Нила выстроены прелестные загородные дома и дворцы. Но что за зелень, что за цвѣты, что за роскошь природы, въ которой они утопаютъ! Забываешь, глядя на эту роскошь зелени, что все это отвоевано у сыпучихъ песковъ Африки, у знойнаго, все поѣдающаго солнца, почти у страшной Сахары—и отвоевано благодаря лишь живительнымъ водамъ Нила...

Слѣдуя далѣе вдоль каналированнаго нильскаго рукава, миновавъ множество богатыхъ дачъ и простыхъ, бѣдныхъ египетскихъ

лачужекъ, по ту стороны рукава, бѣдныхъ и жалкихъ, но кажущихся живописными среди гигантскихъ пальмъ и такихъ-же гигантскихъ олеандровъ, мы остановились у роскошныхъ воротъ сада, принадлежавшаго бывшему хедиву. Въ саду играла музыка и гуляла избраннѣйшая александрійская публика. Но что это была за музыка, что за гуляющіе! Все это опять-таки казалось чѣмъ-то волшебнымъ, сказочнымъ:—египетская музыка, исполняемая оркестромъ египетскихъ полковыхъ музыкантовъ, музыка, въ мелодіи и темпѣ которой не было ничего такого, къ чему привыкъ вашъ слухъ въ Европѣ—странная, волнующая музыка эта усиливала иллюзію, придавала что-то фантастическое всему, что совершалось вокругъ. Это, казалось, было не простое гулянье, не публичный садъ, не гуляющая публика, не живая африканская флора кругомъ, а что-то такое, что заставляло васъ забывать, гдѣ вы, что съ вами... Это «Аида», «Африканка»—но не на сценѣ, не уродство подражанія, а сама «Аида» въ жизни, на мѣстѣ дѣйствія:—передъ вами превращалась въ жизнь и дѣйствіе самая смѣлая фантазія поэта, композитора, и вы готовы думать, что все это творится во снѣ, что это—созданіе вашего разстроеннаго воображенія, но созданіе такое чудное, гармоническое даже въ своей дикости, какъ неуловимые, но прелестные образы, которые витаютъ вокругъ отуманенной головы хашишата... Я готовъ былъ приписать это невѣдомымъ чарамъ Востока, еслибъ не помнилъ твердо, что наши возбужденные нервы и наше собственное воображеніе—величайшіе чародѣи въ мірѣ...

Потомъ мы бродили по этому очарованному саду, между невиданными, чисто райскими растеніями и цвѣтами, кормили въ пруду цѣлую стаю золотыхъ рыбъ, которыя буквально выглядывали на насъ изъ воды и какъ собаки ловили бросаемую имъ пищу, жадно ѣли ее, какъ-то странно чавкая и чмокая ртами... Искали мы и хамелеоновъ, которые прятались отъ насъ, собирали какіе-то невѣдомые плоды, рвали невѣдомые цвѣты... Были и въ другомъ роскошномъ саду, гдѣ узнали мраморную статую нашего великаго царя-работника, Петра Алексѣевича, рядомъ съ статуей Васко-де-Гамы и другихъ свѣтилъ исторіи... Пили потомъ пиво въ заго-

родномъ кафе, и намъ къ этому пиву дали—чего-бы вы думали? Льду. Льду-то въ Африкѣ!.. Но это—ледъ искусственный!..

Уже поздно вечеромъ воротились мы на нашъ скромный пароходъ.

IX.

Дельта Нила до Каира.

Очарованіе, подъ вліяніемъ котораго я находился во все время моихъ скитаній по Востоку, охватывало меня все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того какъ новыя впечатлѣнія ложились на душу и въ свою очередь требовали новыхъ, еще неиспытанныхъ и еще болѣе сильныхъ впечатлѣній. Это была уже какая-то ненасытность духа, жадность—жадность богача при видѣ собранныхъ имъ сокровищъ, жадность скряги на сундукѣ съ золотомъ или милліонера, которому снятся новые милліоны. Мнѣ уже было мало того, что я видѣлъ, чѣмъ я такъ-сказать уже обладалъ. Мнѣ хотѣлось бо́льшаго, новаго, невиданнаго—того, чѣмъ я еще не обладалъ.

У меня явилась неодолимая жажда видѣть конечную цѣль моихъ странствій—пирамиды, и видѣть скорѣе, чтобъ получить полное удовлетвореніе, обладать тѣмъ, къ чему собственно я и стремился съ далекаго сѣвера. Я точно боялся, что не успѣю увидѣть одно—и единственное—изъ всѣхъ давно погибшихъ «семи чудесъ свѣта».

Я рѣшился ѣхать въ Каиръ на другой-же день. Я откладывалъ дальнѣйшее ознакомленіе мое съ Александріею до возвращенія съ пирамидъ.

На другой день я дѣйствительно собрался ѣхать. Добрѣйшій капитанъ Томасъ, умѣвшій, съ помощью своей энергіи и необыкновеннаго знанія моря и всѣхъ его капризовъ, сдѣлать наше путешествіе пріятнѣйшею прогулкою и не смыкавшій по цѣлымъ ночамъ глазъ, когда требовалось его личное управленіе пароходомъ, его хорошенькая супруга и милые помощники—Нагорскій, Васильевъ, Витвинскій, Спрудинъ съ супругою, которая великодушно спасла

глицериномъ мое лицо и мой носъ отъ конечнаго ихъ разрушенія лучами свирѣпаго южнаго солнца—всѣ, даже дѣти, неисключая и незабвенной «Акулины»—всѣ дружески простились со мной и пожелали мнѣ всего хорошаго въ моихъ дальнѣйшихъ скитаніяхъ по бѣлу свѣту.

Лодка, на которой я отъѣхалъ съ парохода, привезла меня прямо къ таможенной пристани, гдѣ я долженъ былъ предъявить и свой паспортъ, и находившійся со мною багажъ. Арабы-лодочники пронесли мое имущество въ находящуюся тутъ-же на пристани таможню, а самъ я лично подошелъ, по указанію араба-же, къ сидѣвшимъ въ дверяхъ сосѣдняго сарая на плетеныхъ табуреткахъ турецкимъ или египетскимъ чиновникамъ въ военныхъ сюртукахъ и фескахъ и показалъ имъ свой паспортъ. Старшій изъ нихъ любезно мнѣ улыбнулся, узнавъ, что я русскій, и по этой улыбкѣ мнѣ казалось, что онъ думаетъ: «Да они вовсе не страшные, эти урусы, а ловко наклали въ шапку нашимъ господамъ туркамъ—да и еще бы не мѣшало накласть... Жаль только, что англичане имъ подгадили...» Онъ перелистовалъ совершенно машинально мой паспортъ и узнавъ, что я собираюсь ѣхать къ пирамидамъ, пожелалъ мнѣ добраго пути и сказалъ, что паспортъ мой они тотчасъ отошлютъ въ русское генеральное консульство, гдѣ я и могу его получить.

Затѣмъ я прошелъ въ таможню къ багажу. Чиновникъ, досматривавшій багажъ, просилъ меня отпереть мой сундукъ, а арабъ-лодочникъ шепнулъ мнѣ магическое слово: «бакшишъ—одного франка довольно...» Я отперъ сундукъ и сунулъ досмотрщику, кажется, двухфранковую монету. Тотъ только глянулъ на верхнее отдѣленіе сундука, и когда я поднялъ это отдѣленіе, чтобъ, ради добросовѣстности и точнаго исполненія закона, предъявить мои троянскіе сувениры—глиняныхъ верблюдовъ и кувшинъ, онъ сказалъ, что ничего этого не нужно. Равнымъ образомъ не хотѣлъ смотрѣть и на «свѣчу Гомера», которую я какъ сокровище никому не довѣрялъ и не выпускалъ изъ рукъ, какъ ни домогались черномазые носильщики облегчить меня и отъ этой, самой ничтожной и не обременительной ноши.

Носильщики привели потомъ мнѣ коляску и вмѣстѣ со мной

отправились въ наше консульство. Мы проѣхали черезъ «площадь консуловъ» и повернули въ одну изъ улицъ влѣво. Надъ подъѣздомъ одного дома красовалась вывѣска съ двуглавымъ орломъ. Я тотчасъ-же узналъ нашего сѣвернаго орла, хотя изображеніе его было очень старое, уже вышедшее изъ употребленія на современныхъ нашихъ гербовыхъ регаліяхъ: орелъ былъ нарисованъ такимъ, какимъ мы его видимъ,—т. е. теперь уже не видимъ, а видѣли когда-то—на монетахъ стараго, еще Николаевскаго чекана.

Въ консульствѣ я засталъ самого г. Свиларича, нашего консула въ Александріи. Вмѣсто паспорта я далъ ему свою визитную карточку, и онъ, узнавъ, что я желаю поскорѣе добраться до Каира, чтобъ взобраться на пирамиды, сказалъ, что мнѣ нечего ждать присылки паспорта изъ таможни, что въ Египтѣ я могу ѣхать безъ всякаго вида куда угодно, что никто у меня никакого вида не потребуетъ и ничѣмъ меня съ этой стороны нигдѣ не обезпокоятъ.

«Вотъ—думаю—гдѣ настоящій-то паспортный рай, гдѣ нѣтъ ни безпаспортныхъ, ни «нелегальныхъ» людей, и никто-то отъ этого не страдаетъ, и нѣтъ-то у нихъ ни нигилистовъ, ни соціалистовъ, и полиція-то тутъ (образцовая, какъ я узналъ впослѣдствіи) не тратитъ большей части своего времени на прописку фальшивыхъ и нефальшивыхъ паспортовъ, не имѣя никакой возможности отличить первыхъ отъ послѣднихъ, а занимается своимъ дѣломъ и не мѣшаетъ добрымъ людямъ заниматься своимъ, не старается залѣзать имъ въ душу. Вотъ—думаю—гдѣ рай-то!—въ землѣ фараоновъ и еѳіоповъ...»

Г. Свиларичъ прервалъ мои гражданскія размышленія, сказавъ, что если ужь я такъ желаю имѣть съ собою паспортъ, то они могутъ выслать его въ Каиръ, въ тамошнее консульство, и тамъ я могу его получить, когда пожелаю.

— Да... Лучше съ паспортомъ... А то какъ-то боязно...

— Очень хорошо—мы его вамъ вышлемъ.

Такъ какъ я рѣшился непремѣнно въ этотъ-же день ѣхать въ Каиръ, то, не заѣзжая ни въ какой отель, велѣлъ везти себя прямо на станцію желѣзной дороги, чтобъ узнать, въ которомъ часу отходитъ поѣздъ въ Каиръ.

Главная станція египетскихъ желѣзныхъ дорогъ—очень оригинальное, приспособленное къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ зданіе: оно имѣетъ широкіе навѣсы вродѣ открытой галлереи, выходящей на дворъ, гдѣ въ тѣни и располагаются пассажиры 3-го класса, которые, какъ и вездѣ, народъ нетребовательный вообще и непремѣнно обремененный всякимъ ручнымъ багажемъ—котомками, узелками, корзинками и даже звѣрями и птицами. Тутъ-же, въ тѣни каменной галлереи, сидѣли египетскіе солдаты въ бѣлыхъ кителяхъ, приставивъ ружья къ стѣнѣ, и звенѣли огромной желѣзной цѣпью, которую они повидимому приводили въ порядокъ, но назначенія которой я не зналъ. Послѣ уже я узналъ, что это праправнучка тѣхъ цѣпей, которыя мы когда-то всѣ видѣли на древнихъ изображеніяхъ сценъ изъ ассиро-вавилонской жизни съ гвоздеобразными и клинообразными надписями, въ сочиненіяхъ Лейярда и Раулинсона.

Оказалось, что поѣздъ въ Каиръ отходилъ въ 3-мъ часу. Такъ какъ вслѣдствіе этого въ моемъ распоряженіи оставалось нѣсколько свободныхъ часовъ, то я, сдавъ весь свой багажъ въ багажную залу, гдѣ суетились очень милые и услужливые босоногіе ѳіопы въ длинныхъ по обыкновенію рубахахъ, отправился бродить по городу. Слоняться по совершенно незнакомому городу, особенно гдѣ все—совершенно невиданное, заходить во всѣ закоулки базаровъ и переплетающихся какъ паутина улицъ, заблудиться наконецъ въ этомъ дремучемъ лѣсу совершенно невѣдомой жизни—это для меня огромное наслажденіе. Тутъ я все высмотрю и замѣчу, даже хотя-бы съ единственною мыслью—не заблудиться въ этой людной пустынѣ и снова выбраться на тотъ путь, съ котораго я началъ свое блужданье въ невѣдомомъ городѣ.

Такъ я поступилъ и на этотъ разъ. Часа четыре я бродилъ пѣшкомъ и ѣздилъ то на осликахъ съ «саисами», то въ экипажахъ, гдѣ это было возможно, то на верблюдѣ, то заходилъ въ магазины и лавчонки, присматривался ко всѣмъ этимъ невиданнымъ и неслыханнымъ формамъ и проявленіямъ восточной жизни, нѣсколько разъ отдыхалъ и прохлаждался, отвѣдывая питья и закуски невѣдомыхъ названій и составовъ, нѣсколько разъ подставлялъ свои запылившіеся сапоги подъ ловкія щетки бродячихъ мальчишекъ-чистильщиковъ,

которыхъ въ Александріи и въ Каирѣ насчитываются тысячи и которые часто спятъ тутъ-же на улицѣ, на раскаленныхъ плитахъ и ступеняхъ, подложивъ подъ головы свои деревянные ящики и щетки и предоставивъ свое полуголое черное тѣло жгучимъ лучамъ невыносимаго солнца. Пальмы и бананы, олеандры и кактусы, сикоморы и сотни совершенно невѣдомыхъ растеній, площади и мечети, живые, бродячіе сфинксы съ кувшинами и корзинами на головахъ, черныя и всѣ въ черномъ или въ темно-синемъ египтянки съ такими-же черными дѣтьми на плечахъ, точно Агарь въ пустынѣ или Рахиль, «плачущая о чадахъ своихъ»,—все это опять вводило меня въ очарованный міръ иллюзій, въ сказочное царство. Я видѣлъ тутъ своими глазами и «Уардъ», и «парасхитовъ», и живыхъ жрецовъ Некрополиса, и Аписа, купающагося въ Нилѣ, и бродящихъ по берегамъ его ибисовъ...

Долго сидѣлъ я въ задумчивости и на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла «игла Клеопатры» и гдѣ, по преданію, находился ея дворецъ, въ которомъ ей жилось такъ счастливо до послѣдняго трагическаго момента ея жизни. Радзивиллъ-Сиротка видѣлъ еще остатки жилища Клеопатры—это триста лѣтъ назадъ: «подъ самою градскою стѣною и подъ ея круглою башнею суть изрядныя мраморныя жилища, подъ ними-же и иные пространные и зѣло украшенные чертоги видяти, гдѣ, нѣкоторые сказываютъ, жила Клеопатра, которая себѣ причиною смерти была...» Видно оттуда безбрежную даль фіолетоваго моря, которое не переставая набѣгаетъ на мелкій песчаный берегъ, весь усыпанный истертыми камушками и мраморными гальками—можетъ быть остатками дворцовъ Клеопатры... Какъ хорошо, думаю, отсюда видно было, когда къ берегу подплывали римскія триремы, а впереди ихъ—крутоносый корабль Антонія!.. Какъ-будто само море стонетъ о томъ, что все это миновало — все стерло съ земли и разметало по вѣтру всемогущее время, какъ сотретъ оно и размечетъ все, что создалъ нашъ гордый девятнадцатый вѣкъ... Не размечетъ оно только великихъ завоеваній духа человѣческаго...

Нѣтъ, скорѣе къ пирамидамъ, къ живымъ свидѣтелямъ всего, что разметало по вѣтру безжалостное время!..

Я вернулся на станцію желѣзной дороги.

Здѣсь сдача багажа производится раньше полученія билета, ибо здѣсь не дѣлаютъ никакой скидки съ багажнаго вѣса. Все это мнѣ быстро устроилъ долговязый, въ синей длинной рубахѣ, съ больными глазами еѳіопъ. Билетъ 1-го класса до Каира стоитъ ровно фунтъ стерлинговъ. Босоногій еѳіопъ тотчасъ же перетащилъ мой ручной багажъ въ пассажирское зало, на дверяхъ котораго была итальянская надпись. Тоже и на дверяхъ другихъ классовъ. И здѣсь, какъ видно, итальянскій языкъ господствуетъ. Не историческіе-ли это слѣды владычества древнихъ римлянъ?.. Какъ видно, и до сихъ поръ бѣдная Клеопатра не забываетъ своего злополучнаго Антонія...

Въ залѣ, у выходной на платформу двери, тоже красуется итальянская надпись—предупрежденіе. «Non si permette l'ingresso senza biglietto sulla piattaforma». И подъ всѣми такими надписями—восточные ихъ переводы. Такъ и на всѣхъ объявленіяхъ, на росписаніяхъ поѣздовъ, на билетахъ.

Пассажировъ, ѣдущихъ въ Каиръ, оказалось не особенно много; но африканскіе люди, фараоны и еѳіопы, какъ и восточные человѣки, очень любятъ шумъ — и потому на станціи и около нея, по галлереямъ и по двору, шумъ стоялъ раздирательный. Особенно разрушительно для слуха кричали разнощики и убійственно звенѣли мѣдными тарелочками и стаканами продавцы разныхъ прохладительныхъ питей: вмѣсто горла и легкихъ они пускали въ ходъ эти раздирательные металлическіе и стеклянные звуки, которые, смѣшиваясь съ неособенно мелодичными криками милыхъ осликовъ и флегматическихъ верблюдовъ, задавали намъ адскій, оглушительный концертъ.

И все это опять-таки не похоже на Европу, хотя среди этихъ неслыханныхъ звуковъ, голосовъ и криковъ прорѣзывалъ иногда воздухъ знакомый звукъ—свистъ локомотива.—И египетскіе инженеры, и кондуктора, и носильщики, и багажные—и это все своеобразно, оригинально, такъ и бьетъ въ глаза, не давая вамъ ни на секунду забыться—забыть, что вы не въ Европѣ, а въ царствѣ сфинксовъ, катакомбъ и «царственныхъ могилъ».

Послѣ перваго звонка мой милѣйшій долговязый фараонъ провелъ меня въ мой вагонъ. Египетскіе вагоны не могутъ похва-

литься ни изяществомъ, ни чистотой. Вагоны перваго класса снабжены кожаными, совершенно протертыми диванами, которые по качеству, чистотѣ и удобствамъ уступаютъ даже сидѣньямъ нашихъ вагоновъ 2-го класса. Вагоны—не проходные, а такіе, какіе были въ Европѣ, и то не вездѣ, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, со входными дверями снаружи, для каждаго отдѣленія вагона особая дверь, что превращаетъ пассажировъ въ арестантовъ отъ одной станціи до другой. Окна въ вагонахъ—двойныя, т. е. собственно обыкновенныя со стеклами окна и опускныя рѣшетчатыя жалюзи—отъ солнца.

Въ моемъ вагонѣ или отдѣленіи было всего четыре пассажира: одна феска съ лицомъ не египетскимъ и въ европейскомъ платьѣ, одна тропическая шляпа и двѣ массивныя чалмы съ черными рожами, какъ кожа бегемота, въ черныхъ очкахъ—противъ египетскаго солнца и пыли, и въ темныхъ длинныхъ восточныхъ халатахъ сверхъ обыкновеннаго египетскаго костюма. Эти бегемоты въ очкахъ ухитрялись все-таки сидѣть на двумѣстныхъ диванчикахъ, поджавши ноги калачикомъ. Это ученые копты.

Поѣздъ двинулся сначала вдоль глубокихъ песчаныхъ выемокъ. По самымъ откосамъ видно было, что выемки дѣлались въ занесенныхъ песками развалинахъ, можетъ быть по пластамъ тысячелѣтнихъ кладбищъ и по истлѣвшимъ костямъ царей и ихъ подданныхъ, обитавшихъ здѣсь вѣроятно десятки тысячъ лѣтъ назадъ. Изъ-за вершинъ откосовъ виднѣлись верхушки пальмъ и другихъ деревьевъ. Потомъ дорога пошла по песчаной равнинѣ, справа составлявшей берегъ моря, которое тутъ похоже было на безбрежную лужу. Слѣва тянулась безконечная береговая насыпь, изъ-за которой виднѣлись верхушки тонкихъ египетскихъ мачтъ:—это за насыпью былъ одинъ изъ рукавовъ Нила, и по немъ двигались многочисленныя египетскія суда. Чѣмъ дальше, тѣмъ рельефнѣе обрисовывался характеръ египетской равнины или знаменитой плодоносной «дельты Нила». Вся необозримая равнина перекопана была канавками, съ помощью которыхъ многоводный Нилъ орошалъ многочисленныя египетскія нивы. Эти нивы, засѣянныя знаменитою «египетскою пшеницею», уже почти всѣ были сняты—это было

18-го мая — и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я видѣлъ, что еще

.....волнуется желтѣющая нива...

Тутъ-же, вдоль дороги, шагали длинноногіе верблюды, вытягивая свои змѣиныя шеи и волоча на своихъ выносливыхъ спинахъ цѣлыя скирды золотистыхъ сноповъ пшеницы.

Особенно поражало меня то, что въ иныхъ мѣстахъ цѣлыя нивы, большею частью квадратныя, стояли подъ водой, и изъ-подъ воды торчали всходы: это значитъ, что нивы, засѣянныя, кажется, маисомъ, были только недавно политы. И вездѣ—по всѣмъ нивамъ, и въ водѣ, и по свѣжимъ пашнямъ, и по несжатымъ еще полосамъ—словно муравьи копошились феллахи. Это необыкновенно трудолюбивый народъ, къ чему, безъ сомнѣнія, пріучила египтянъ тысячелѣтняя, многотрудная исторія этой страны, одной изъ самыхъ первыхъ въ мірѣ по своей чрезвычайно древней культурѣ. Вѣдь отъ египтянъ и греки заимствовали свое первоначальное культурное воспитаніе.

Но особенно бросалось въ глаза необыкновенное движеніе вдоль дороги, по узкому, чистому, гладко утоптанному, естественному шоссе: это двигались по шоссе преимущественно египтянки—онѣ-то и напоминали собой живыхъ сфинксовъ. Я не видѣлъ почти ни одной египтянки, которая шла-бы безъ какой-либо ноши на головѣ или на плечѣ: на головѣ—большею частью массивные глиняные, съ длинными горлáми, традиціонные кувшины, которые доселѣ сохранили свою катакомбную, тысячелѣтнюю первобытную форму, или-же плетеныя корзины изъ нильскаго тростника и камыша, который здѣсь доходитъ до гигантскихъ размѣровъ и необычайной высоты; на плечахъ—большею частью черномазыя, полуголыя дѣти, при видѣ которыхъ мнѣ всегда вспоминается маленькій Моисей-чикъ въ корзинѣ, плавающей среди нильскихъ камышей, и смуглянка—дочь Фараона, протягивающая къ нему руки...

Египтянки обыкновенно ходятъ въ длинной темносиней, почти черной рубахѣ съ широкими рукавами и безъ всякаго перехвата въ талiѣ: это буквально—широкая рубаха, почти не запахивающаяся на смуглой, тоже почти черной груди, и настолько длин-

ная, что изъ-подъ нея совсѣмъ не видать широкихъ, темныхъ шальваръ, оканчивающихся внизу голыхъ икоръ. Поэтому непривычный глазъ европейца въ Африкѣ, да и вообще на Востокѣ, постоянно ошибается: мужчинъ-феллаховъ и арабовъ, въ свѣтлыхъ, большею частью, хитонахъ или халатахъ, а то и просто въ длинныхъ, тоже большею частью бѣлыхъ рубахахъ и съ бѣлыми чалмами, повязками и просто бѣлыми или коричневыми ермолками— глазъ европейца издали почти постоянно принимаетъ за женщинъ въ бѣломъ и даже за разряженныхъ барынь въ бурнусахъ,—и только послѣ, при видѣ черныхъ физіономій, убѣждается въ своей ошибкѣ; а темныхъ египтянокъ онъ издали нерѣдко принимаетъ за мужчинъ. И вотъ эта-то странная пестрота, эти, такъ сказать, цвѣта не на мѣстѣ, и помогаютъ иллюзіи, въ которой вы постоянно находитесь, странствуя по Востоку.

Вообще вдоль дороги кипитъ необыкновенная дѣятельность. Кромѣ копошащихся на нивахъ феллаховъ и снующихъ вдоль дороги египтянокъ—то пѣшкомъ, то, хотя изрѣдка, верхомъ на осликахъ и на верблюдахъ, вы часто видите самый процессъ орошенія полей изъ безчисленныхъ канавъ съ нильской водой:— то буйволы съ завязанными глазами вертятся вокругъ колеса и тянутъ изъ резервуаровъ воду для поливки полей, то сами феллахи, посредствомъ привязаннаго къ двумъ веревкамъ плоскаго сосуда, чрезвычайно ловко захватываютъ изъ резервуара воду, быстро вытаскиваютъ сосудъ наверхъ, сосудъ налету наклоняется и самъ выплескиваетъ воду въ оросительную канаву,—и все это дѣлается необыкновенно быстро, ибо сосудъ-водолей качается съ правильностью маятника.

По обѣимъ сторонамъ дороги, въ особенности по лѣвой, постоянно мелькаютъ темныя, землистыя кучи. Это феллахскія деревни. Я видѣлъ разныя восточныя и южныя селенія: и аулы черкесовъ, словно гнѣзда ласточекъ на утесахъ, и аулы крымскихъ татаръ, и турецкія деревни; все это очень своеобразно, особенно черкесскіе аулы, поражающіе васъ снаружи какою-то грозною и мрачною безжизненностью, точно они составляютъ собою естественные наросты на сѣрыхъ, дикихъ скалахъ Кавказа. Но феллахская деревня — это что-то выходящее изъ ряда вонъ, что-то

опять-таки фантастическое. Сначала ихъ можно принять за огромныя муравьиныя кучи съ конусообразными верхами:—все это черно, какъ самъ черноземъ, выжженный солнцемъ. Потомъ вы замѣчаете нѣчто вродѣ каменныхъ лачужекъ пеласгійской кладки съ черными продушинами для входа и для свѣта, но такими продушинами, въ которыя не проникло-бы знойное, надоѣдливое солнце Африки. Затѣмъ вы видите надъ этими пеласгійскими лачугами правильные конусы съ отверстіями. Надъ этими черными конусами постоянно вьются бѣлые голуби, не похожіе нисколько на европейскихъ: феллахи очень любятъ эту птицу, употребляемую египтянами въ пищу. Рѣдко около этихъ черныхъ кучъ торчитъ пальма или другое дерево, словно около нашихъ сѣверныхъ—псковскихъ и новгородскихъ черныхъ деревень; но зато часто желтѣется солома или скорѣе «полова» отъ перемолоченной пшеницы. Тутъ-же виднѣются и кладбища феллаховъ—нѣчто вродѣ продолговатыхъ четвероугольныхъ каменныхъ пирамидокъ, усѣченныхъ наверху.

Я невольно задумался надъ этими кладбищными пирамидками феллаховъ... Не они-ли были первообразомъ знаменитыхъ историческихъ пирамидъ—царскихъ усыпальницъ — пирамиды Хеопса, Хеврена?.. Только тѣ, царскія пирамиды, не продолговатыя и поразительной величины, а эти—пирамидки простыхъ феллаховъ—маленькія и длинныя, вродѣ надгробныхъ камней... И нельзя не задуматься надъ этими крохотными пирамидками:—значитъ, эта форма памятника пережила въ Египтѣ, почти не измѣняясь, пять и можетъ быть шесть тысячъ лѣтъ... Неудивительно, что и египетскіе типы не измѣнились, и вы съ изумленіемъ видите на каждомъ шагу живыхъ сфинксовъ и живыя фигуры, кажется прямо сошедшія съ «иглы Клеопатры», со стѣнъ съ гіероглифическими изображеніями, вышедшія изъ катакомбъ и взявшія къ себѣ на плечи вашъ багажъ... Все это опять почва для иллюзій!..

Зато города египетскіе, встрѣчающіеся по пути къ Каиру, пріятно поражаютъ васъ своей оригинальной красотой—башнеподобными зданіями и осѣняющими ихъ грандіозными пальмами. Хоть и пошло и нелѣпо сравненіе, которое я намѣренъ привести, но при видѣ этихъ вѣнчанныхъ пальмами стѣнъ и своеобразныхъ зданій съ минаретами и куполами такъ и кажется, что въ рамки

этого изжелта-голубого неба врѣзана чудная картина, мастерски нарисованная талантливою кистью Верещагина (В. В.) и волшебно освѣщенная по секрету Куинджи. Въ Египтѣ только я понялъ и невиданный свѣтъ на индійскихъ картинахъ Верещагина, и индійское небо, и весь зной картины «Людоѣдъ».

Самое движеніе по желѣзной дорогѣ, ея устройство, порядки, промежуточныя станціи, даже полотно дороги представляютъ такія особенности, какихъ вы нигдѣ не видите. Нѣтъ по бокамъ дороги ни сторожевыхъ домиковъ, ни будокъ, ни шлахбаумовъ на переѣздахъ, ни торчащихъ вездѣ сторожей и сторожихъ съ флагами всѣхъ цвѣтовъ. Вы не видите даже на полотнѣ дороги ни щебня, ни шпалъ. Здѣсь черезъ желѣзную дорогу никто не ѣздитъ ни въ телѣгахъ, ни въ коляскахъ, ибо здѣсь нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ. Ходятъ тутъ лишь ослики съ грузами на спинахъ, да вьючные верблюды, и переѣзды черезъ дорогу ничѣмъ не ограждаются: поѣздъ летитъ свободно, словно по необитаемой пустынѣ, между тѣмъ какъ кругомъ кипитъ жизнь, движеніе. Шпалъ вы не видите потому, что здѣсь онѣ желѣзныя, лежатъ въ землѣ, а самые рельсы кладутся на проушины чугунныхъ полусферъ, тоже врытыхъ въ землю. Нѣтъ по сторонамъ и этихъ горъ лѣса, приготовленнаго для топки паровозовъ и вагоновъ. Встрѣчные поѣзды, попадающіеся вамъ на пути, менѣе всего напоминаютъ Европу: открытые вагоны 3-го класса наполнены здѣсь всевозможными чалмами, чадрами, бѣлыми бурнусами и милѣйшими лицами ѳѳіоповъ и ѳѳіопокъ, черныхъ, какъ каменный уголь.

На станціяхъ нѣтъ буфетовъ въ нашемъ смыслѣ слова, ибо на этихъ станціяхъ никто изъ пассажировъ ничего не ѣстъ. Да и нѣтъ тутъ ни столовъ для этого, ни сервировки, ни лакеевъ. Если здѣсь на станціи и бываетъ иногда написано «buffet», то это значитъ, что тамъ есть мраморный прилавокъ, а за нимъ— кое-какое прохладительное питье, вина да сласти.

Зато на каждой станціи вагоны осаждаются маленькимн феллахами, часто почти совсѣмъ голенькими, съ глиняными кувшинами въ рукахъ.

— Майя! майя! эль-майя!

Это пищатъ черномазые, съ руноподобными головами, ребятиш-

ки, предлагая свои кувшины съ водой. Вода—это все подъ знойнымъ небомъ Африки. Тутъ въ дорогѣ только пьютъ и почти ничего не ѣдятъ.

— Мишь-мишь!—эль-мишмишь!—мишмишь!—саибъ!

Это пищатъ тѣ-же фараончики, протягивая къ окнамъ вагоновъ руки съ абрикосами.

Во время моего переѣзда въ Каиръ день былъ знойный и нѣсколько вѣтреный—съ юга дулъ вѣтерокъ. Всѣ боялись, какъ бы не подулъ съ Сахары ужасный «самумъ» или «хамсинъ», и я, признаюсь, побаивался этого тѣмъ болѣе, что мнѣ весь день нездоровилось. Но «хамсина» не было, а дулъ простой пыльный вѣтеръ, который и врывался въ окна вагона, мѣшая свободно дышать и смотрѣть. Однако пыль эта показалась мнѣ не настолько ужасною, какъ о ней писали разные путешественники. Князь Радзивилъ-Сиротка вотъ что даже говоритъ объ этой египетской пыли: издали кажется, что это не пыль, а вода кипитъ, и такъ свѣтится, какъ стекло, когда плавится и блеститъ въ плавильномъ горнѣ; мы думали—говоритъ онъ—«яко озеро нѣкое чюдное горитъ», а послѣ убѣдились, что «вѣтръ песокъ тотъ, отъ солнца сожженный и сіяющій, превѣвалъ и подносилъ», и онъ, «издалеча свѣтящійся въ густвинѣ своей, показался намъ быти огнь».—Подобнаго песку я не видѣлъ, а напротивъ, мнѣ кажется, что у насъ на московско-брестской и саратовской желѣзныхъ дорогахъ, да и въ самомъ Саратовѣ, пыль гораздо убійственнѣе всякой египетской пыли даже во время «самума».

Какъ-бы то ни было, но дневной зной, пока солнце не склонилось къ западу, былъ очень тяжелъ, и я находилъ для себя единственное облегченіе въ томъ, что на каждой станціи утолялъ жажду, требуя себѣ воды съ краснымъ виномъ, а иногда пилъ и просто «майя» изъ глиняныхъ кувшиновъ маленькихъ фараончиковъ.

Что особенно поражаетъ при видѣ этихъ несчастныхъ фараоновъ—это повальныя между ними глазныя болѣзни. У рѣдкаго египтянина не болятъ глаза. Причины этого явленія, кажется, уже достаточно объяснены наукою, а между тѣмъ наука не приходитъ на помощь этимъ несчастнымъ. А болѣзнь эта, насколько я могъ замѣтить, отравляетъ каждый мигъ жизни египтянина.

Главное мученье тутъ является оттого, что больные глаза постоянно гноятся, а мухи—эти убійственныя библейскія «песьи мухи», маленькія, гораздо мельче нашихъ, но страшно назойливыя—постоянно вьются около головы египтянина, садятся ему на лицо и буквально кучами лѣзутъ въ глаза. У дѣтей съ больными глазами, не умѣющихъ защищаться, эти противныя мухи просто присасываются къ глазамъ, къ вѣкамъ, и несчастныя жертвы этого бича никакъ не могутъ отъ нихъ отмахаться. Но удивительно—ко мнѣ не приставала ни одна почти египетская муха, можетъ быть отчасти потому, что глаза мои были защищены всегда очками и мѣшали назойливымъ насѣкомымъ. Можетъ быть потому и мои бегемотоподобные спутники носили черные очки, что знали, какъ хорошо стекло вообще защищаетъ глаза отъ мухъ, а черное—въ особенности отъ слишкомъ яркаго свѣта африканскаго солнца.

По дорогѣ я видѣлъ излюбленную птицу Египта—длинноногаго аиста. Онъ усердно таскалъ изъ болота змѣй, шагая вдоль оросительныхъ канавокъ. Даже на коробкахъ египетскихъ спичекъ вы найдете непремѣнно или аиста съ змѣею въ длинномъ клювѣ, или верблюда съ арабомъ на спинѣ. Но особенно порадовали меня въ Египтѣ вороны и потатуйки, которыхъ я давно не видалъ. Меня даже удивило то, что ворону я видѣлъ на гнѣздѣ, на деревѣ: это въ Египтѣ-то и притомъ во второй половинѣ мая, когда пшеница уже давно была сжата! Можетъ быть, это былъ второй вороній выводокъ, подобно второй жатвѣ въ лѣто.

Главныя станціи, встрѣчавшіяся на пути, были: Birkit-el-Sab, Benha—на одномъ изъ рукавовъ Нила, и Kafr-el-Zayad—бывшій Саисъ, городъ Птолемеевъ, родина Кекропса. Послѣдній городъ невольно привлекаетъ вниманіе остатками зданій глубочайшей древности.

Нѣсколько разъ мы переѣзжали рукава Нила и на половинѣ пути—самый Нилъ или главнѣйшій изъ его рукавовъ—розетскій. Я видѣлъ, какъ чернотѣлые ребятишки плескались въ мутныхъ водахъ священной рѣки, и мнѣ, воспитанному на старинныхъ описаніяхъ Египта, такъ и казалось, что вотъ-вотъ изъ воды покажется чешуйчатая спина крокодила или массивная голова гиппопотама. Но ни крокодиловъ, ни гиппопотамовъ я не видѣлъ: ихъ

люди далеко загнали въ Верхній Египетъ, и потому мнѣ не пришлось ни слышать крокодиловаго плача, ни видѣть крокодиловыхъ слезъ...

Чѣмъ далѣе двигался нашъ поѣздъ, тѣмъ болѣе и болѣе спадалъ дневной жаръ, и только когда солнце опустилось за зонтиковыя вершины пальмъ, я понялъ всю волшебную прелесть тихаго африканскаго вечера. Но едва послѣдніе золотые штрихи солнечныхъ лучей сбѣжали съ вершинъ гигантскихъ пальмъ, какъ по голубому небу зарѣяли массы летучихъ мышей. Онѣ казались стаями ласточекъ—такъ ихъ было много. И эти летучіе звѣрьки невольно напоминали мнѣ о глубокой исторической древности страны, по которой я проѣзжалъ. Вѣдь летучія мыши всего охотнѣе водятся въ старыхъ зданіяхъ и въ особенности среди камней древнихъ развалинъ; а страна Нила—вся историческая развалина, великое кладбище одного изъ самыхъ даровитыхъ народовъ міра, который отсюда и вынесъ первыя сѣмена цивилизаціи и первыя безсмертныя завоеванія науки.

За закатомъ солнца ночь почти мгновенно окутала мракомъ все—и черныя массы хижинъ феллаховъ съ бѣлыми голубями на конусообразныхъ крышахъ, и ихъ пирамидоподобныя каменныя могилки, и стройныя пальмы. Египетъ какъ-бы исчезъ изъ моихъ глазъ, и я невольно перенесся на югъ Россіи, точно-бы нашъ поѣздъ мчался куда-нибудь къ Тамбову, къ Саратову или къ Прилукамъ: зазвенѣли милліоны голосовъ полевыхъ сверчковъ, какъ звенятъ они всю ночь въ средней Россіи въ концѣ лѣта; затрещали кузнечики, и многіе изъ нихъ влетали даже въ раскрытыя окна вагона...

А между тѣмъ Россія была такъ далеко отъ меня, такъ далеко, что даже мыслью перенестись въ нее было страшно черезъ эти страшныя моря съ ихъ фіолетовою и бирюзово-голубою волною... Что-то вродѣ тоски—тоски глубокаго одиночества и сожалѣнія о безвозвратномъ прошломъ—сдавило мнѣ сердце... И дѣйствительно, я первый разъ въ жизни былъ такъ глубоко одинокъ—и гдѣ-же?..

Локомотивъ рѣзко и продолжительно просвисталъ, все болѣе и болѣе убавляя ходъ поѣзда. Въ окна вагона замигали далекіе огоньки... Мнѣ почему-то казалось, что это блуждающіе огоньки

на «царственныхъ могилахъ», надъ прахомъ «дочери египетскаго царя»—Эберса...

Поѣздъ тихо остановился. Въ вагонъ влетѣли фараоны. Я былъ въ Каирѣ.

X.

Въ Каирѣ.

— «Hôtel central»! — «Hôtel Royal»! — «Hôtel des Ambassadeurs»!

Это выкрикивали на платформѣ разные драгоманы и комиссіонеры каирскихъ отелей, когда я вмѣстѣ съ прочими пассажирами вышелъ изъ вагона.

Я потребовалъ, чтобъ меня везли въ «Hôtel Royal», о которомъ мнѣ говорилъ еще въ Петербургѣ г. Пашино, сообщившій, что отель этотъ содержитъ «бывшая русская»—одесская еврейка, лѣтъ двадцать тому назадъ вышедшая замужъ за каирскаго француза, m-r Romand, и что «бывшая русская» можетъ накормить меня даже русскими щами и пельменями... Русскія щи и пельмени подъ пирамидами—это, согласитесь, очень соблазнительно.

Взявъ покойную парную коляску съ красиво драпированнымъ на козлахъ египтяниномъ и легконогимъ «саисомъ» впереди, мы съ отельнымъ драгоманомъ быстро помчались по ярко освѣщеннымъ улицамъ Каира.

— Это что мы переѣзжаемъ?—какой мостъ?

— Это Нилъ—рукавъ Нила.

Скоро коляска остановилась у подъѣзда отеля, гдѣ у лѣстницы уже ждала насъ бѣлая, точно привидѣніе, фигура. Другая фигура въ черномъ и въ фескѣ сбѣжала съ лѣстницы, и обѣ—и феска, и чалма—быстро повлекли наверхъ мой багажъ.

— Тише, тише... Этого не трогать... это я самъ...

Это я оберегалъ отъ усердія потомковъ Уарды драгоцѣнную для меня «свѣчу Гомера», которую я не выпускалъ изъ рукъ.

На первой платформѣ лѣстницы, изображавшей пріемную комнату отеля, съ газетами и письмами на большомъ столѣ, я среди

бѣлыхъ фигуръ въ фескахъ увидѣлъ пожилую женщину въ бѣломъ и съ черной, ничѣмъ не драпированной по-египетски головой. Это и была m-me Romand—«бывшая русская».

Драгоманъ отрекомендовалъ меня: «Monsieur le russe... recommandé!..»

— Я сама русская, былъ любезный отвѣтъ почти правильно по-русски.

— Мнѣ говорилъ объ васъ г. Пашино, въ Петербургѣ.

— А—прóшу... Я очень радая...

M-me Romand дѣйствительно была «очень радая» и очень любезная женщина. Она велѣла отвести мнѣ лучшій номеръ, небольшой, но удобный и окнами на улицу. Такъ какъ я весь день не могъ ничего ѣсть и только напрасно старался утолить жажду, то и полагалъ, что единственнымъ спасеніемъ въ этомъ случаѣ былъ-бы чай. Я очень обрадовался, когда m-me Romand сказала, что у нея въ отелѣ можно имѣть этотъ русскій напитокъ. Кромѣ чая, я ничего не хотѣлъ, и потому въ нетерпѣливомъ ожиданіи этого нектара отправился въ отведенный мнѣ номеръ. Бѣлая фигура, принятая мною у подъѣзда за привидѣніе, оказалась моею горничной. Но да не подумаетъ читатель, что это была одна изъ тѣхъ хорошенькихъ горничныхъ, которыхъ онъ привыкъ видѣть въ европейскихъ отеляхъ въ лицѣ разныхъ Марі, Амальхенъ, Лисхенъ и Гретхенъ. Нѣтъ—это былъ милѣйшій еѳіопъ-негръ Ахметъ, весь въ бѣломъ, босой и съ прелестными бѣлыми зубами. Но онъ оказался восхитительной горничной. Тихо скользя по ковру своими босыми ногами, какъ пантера, очаровательный Ахметъ тотчасъ-же принесъ мнѣ знаменитый глиняный кувшинъ-холодильникъ съ водою, тотъ сѣрый, съ длиннымъ горлышкомъ кувшинъ, о которомъ я уже говорилъ раньше и который своею формою всегда напоминалъ мнѣ или катакомбы, или гіероглифическія надписи. Вода—это первое, что васъ встрѣчаетъ въ Египтѣ, какъ привѣтствіе, какъ первая любезность. Затѣмъ черномазая горничная принесла мнѣ въ умывальникъ воды для умыванья и убрала тутъ-же мою роскошную постель съ балдахиномъ и кисейными занавѣсками отъ москитовъ:—принесла чистѣйшее постельное бѣлье, наволочки, простыни, все это устроила для спанья самымъ тщательнымъ

образомъ, приготовила и поставила на постельномъ столикѣ свѣчу, спички, пепельницу — и удалилась, скаля бѣлые зубы и на всѣ мои вопросы отвѣчая нѣмымъ качаньемъ своей курчавой головы. Ахметъ не зналъ никакого другого языка, кромѣ языка Уарды.

За Ахметомъ въ номеръ влетѣлъ черноглазый блѣдный юноша съ подносомъ въ рукахъ... «Bon soir, monsieur!»—Bon soir.

— Тшай, мосье.

— Чай! чай! чай! обрадовался я какъ ребенокъ, видя на подносѣ и два серебряныхъ дымящихся чайника, и масло, и хлѣбъ:—мерси боку и т. д.

Юноша оказался любезнымъ французикомъ изъ Парижа. Его завезла сюда m-me Romand, которая каждое лѣто ѣздитъ въ Парижъ, чтобъ спасаться тамъ отъ египетскаго зноя, и если нынѣшнее лѣто осталась въ Каирѣ, такъ это потому, что занята была постройкой новаго роскошнаго отеля на одной изъ лучшихъ улицъ египетской столицы.

Я жадно принялся за чай. Я залпомъ выпилъ три огромныхъ чашки и только на четвертой почувствовалъ, что это—не совсѣмъ чай: что-то похожее на чай, но—кажется, не чай. Я попробовалъ посмотрѣть на самые листки поданнаго мнѣ питья и нашелъ, что хотя разварившаяся въ чайникѣ какая-то травка и напоминала разварившіеся чайные листки, но кромѣ этого въ чайникѣ плавали еще какія-то кругленькія сѣмячки вродѣ головокъ липоваго или иного какого цвѣта, да и запахъ египетскаго или собственно каирскаго чая не совсѣмъ похожъ былъ на чайный. Я думаю, что чай этотъ былъ аптечнаго приготовленія, и все-таки я, истомленный зноемъ и жаждою, пилъ его съ величайшимъ наслажденіемъ.

Утоливъ жажду, я отворилъ окна, выходившія на улицу и имѣвшія, кромѣ рамъ со стеклами, двойное огражденіе отъ солнца, какъ это дѣлается вездѣ на югѣ: занавѣски, открывающіяся вмѣстѣ съ рамами, и рѣшетчатыя зеленыя жалюзи. Подъ самыми окнами зеленѣли, скорѣе темнѣли, освѣщаемыя ближайшими уличными фонарями, высокія, незнакомыя мнѣ деревья вродѣ нашихъ южныхъ бѣлыхъ акацій. По улицѣ двигались большею частью бѣлыя фигуры, раздавались голоса и возгласы на невѣдомыхъ мнѣ языкахъ, слышался веселый смѣхъ, хлопанье бичей,

топотъ снующихъ по мостовой взадъ и впередъ осликовъ съ сѣдоками и кладью: чувствовалась во всемъ жизнь большого города, движеніе шумной столицы, говоръ, замиравшее вдали эхо и шумъ чего-то очень многолюднаго. Но какъ все это не похоже на шумъ Петербурга! Какъ все тутъ не похоже на то, къ чему давно привыкъ и слухъ, и глазъ!.. Надъ домами темнѣется небо, усѣянное звѣздами... Всматриваюсь въ нихъ—и не узнаю. Не знаю даже, гдѣ сѣверъ...

Откуда-то доносятся звуки рояля. Вслушиваюсь—что-то знакомое, родное, точно льется по нервамъ и по душѣ... Кажется—это «Вапапіег» Готшалька... Какъ давно я слышалъ эту простенькую, но задушевную мелодію, слышалъ когда-то въ Саратовѣ—и вотъ слышу опять здѣсь, въ Каирѣ, почти подъ пирамидами... Міровой языкъ—эти звуки... Но кто играетъ?..

Смолкъ рояль, послышалась скрипка. Но это уже незнакомые звуки, незнакомая мелодія: можетъ быть, что-нибудь египетское.

Я долго сидѣлъ у окна, слушая скрипку, которая потомъ играла вмѣстѣ съ другими инструментами—цѣлый оркестръ—и знакомое что-то, и незнакомое, чужое... Слышалось и пѣніе... Это жизнь—неустанная, вѣчная, вѣчно обновляющаяся жизнь предъявляла свои права—и гдѣ-же?—на развалинахъ Мемфиса, на остаткахъ пепла отъ Геліополиса и Некрополиса, надъ обломками «царственныхъ могилъ», о которыхъ когда-то мечталъ симпатичный, рано погибшій поэтъ... А развѣ эта жизнь не предъявляетъ теперь-же, въ эту самую ночь, своихъ вѣчныхъ правъ тамъ, гдѣ-нибудь въ Павловскѣ, въ Висбаденѣ, въ Саратовѣ, въ Дѣдовцахъ?..

И мнѣ захотѣлось разомъ быть во всѣхъ этихъ мѣстахъ... Странное, но естественное желаніе—порывъ духа, который хотѣлъ-бы все обнять, все извѣдать, все знать... Вѣдь этотъ-же порывъ привелъ меня и сюда, на развалины Мемфиса...

Я поздно уснулъ подъ звуки незнакомой мнѣ музыки. Постель, которую мнѣ приготовила черномазая горничная съ курчавой головой, оказалась роскошнымъ ложемъ, на которомъ я самъ себѣ казался чѣмъ-то вродѣ Клеопатры.

Ахъ, подлый комаръ!.. Вотъ поетъ надъ самымъ ухомъ!.. Да это не египетская музыка, а наша россійская, давно знакомая.

Такъ вотъ противъ кого устраиваются эти роскошные балдахины... Вотъ кого называютъ здѣсь москитами... Да это просто нашъ «комаръ-комарище, дубоваго войска козачище...» Такъ вотъ кто мѣшалъ Клеопатрѣ спать, когда она ждала къ себѣ Антонія... Этотъ-же злодѣй вѣроятно пѣлъ и надъ ухомъ жены Пентефрія, которой тоже не спалось въ душную ночь, а тутъ подвернулся подъ руку этотъ Ахметка—виноватъ—Іосифъ прекрасный, исполнявшій должно быть обязанности горничной у господина Пентефрія—ну, и вышелъ скандалъ, да еще историческій,—а все отъ комара... А такъ какъ я не ждалъ къ себѣ ни Антонія, ни Іосифа, ни даже Ахмета, то я зажегъ свѣчу и съ трудомъ изловилъ египетскаго пѣвчаго. Онъ оказался простымъ маленькимъ комарикомъ, котораго я и казнилъ, по восточнымъ правамъ, безъ суда и слѣдствія. Но какъ кусаются эти маленькіе москитики—я испыталъ это послѣ, уже въ Яффѣ, по возвращеніи изъ Іерусалима. Передъ этимъ я не спалъ почти три ночи, а если и спалъ, то очень мало, особенно въ Іерихонѣ, передъ поѣздкой къ Мертвому морю. Изъ Іерусалима, усталый и разбитый всею тамошнею суетнею и пятнадцатичасовою ѣздою верхомъ на конѣ въ той пустынѣ, гдѣ постился Іоаннъ Креститель, а потомъ Христосъ,—я возвращался въ Яффу ночью и конечно дорогой не могъ уснуть въ тряскомъ фургонѣ. Зато какъ пріѣхалъ на зарѣ въ Яффу, въ знакомый уже мнѣ «Ierusalems-Hôtel», такъ тотчасъ-же и повалился спать на такую-же восточную постель съ занавѣсками, но въ торопливости я неплотно задернулъ занавѣски и только уже днемъ почувствовалъ нестерпимый зудъ на тыльной сторонѣ правой руки и на части лба, которыя оставались незакрытыми одѣяломъ: сказалось, что это покусали меня комарики-москиты, забравшіеся за занавѣску. Нѣсколько недѣль потомъ на покусанныхъ мѣстахъ были бѣлые волдыри, превратившіеся въ темные, и до сихъ поръ на мѣстѣ бывшихъ укусовъ остаются знаки.

Только послѣ казни злодѣя-комара я пересталъ грезить историческими грезами о Мемфисѣ, о Пентефріевой женѣ и о Клеопатрѣ, кусаемыхъ москитами, и уснулъ какъ убитый.

Утромъ, напившись пораньше аптечнаго чаю, я отправился

бродить по Каиру. Какъ въ Константинополѣ, Смирнѣ и Александріи, я и здѣсь сначала не взялъ съ собою ни проводника, ни ослика съ «саисомъ», которые здѣсь попадались на улицахъ еще въ большемъ числѣ, чѣмъ въ Александріи, и пошелъ осматривать городъ самъ, надѣвъ на голову вмѣсто tropical-helmet'а феску. Подъ видомъ стараго, бородатаго турка я пробирался вездѣ, куда только завлекало меня жадное любопытство. Я конечно старался проникнуть въ старыя части города, гдѣ было много слѣдовъ древнихъ построекъ, стѣнъ, башень и развалинъ, и гдѣ въ тѣсныхъ, искривленныхъ, почти непроходимыхъ уличкахъ кипѣла пестрая жизнь въ тѣхъ почти неизмѣненныхъ вѣками формахъ, въ какихъ она проявлялась можетъ быть еще въ древнемъ Мемфисѣ. Я бродилъ нѣсколько часовъ въ какомъ-то очарованіи. Какъ ни поражало меня своей невиданностью все то, что я доселѣ видѣлъ на Востокѣ, но здѣсь я встрѣтилъ цѣлый міръ нетолько невиданнаго, но и такого, чего я вообразить не могъ, чего не могла нарисовать мнѣ самая смѣлая фантазія. Я видѣлъ какой-то загробный городъ, съ загробными повидимому формами жизни—и между тѣмъ все это жило на моихъ глазахъ, словно-бы воскресла жизнь, погребенная въ катакомбахъ, а гранитные сфинксы, покинувъ «раскаленныя ступени царственныхъ могилъ» и горельефы саркофаговъ, ходили по улицамъ мертваго города, давно засыпаннаго песками и теперь открытаго археологами. Повременамъ чувствовалось что-то вродѣ священнаго ужаса—это чувствовалось вѣяніе тысячелѣтій, пронесшихся надъ этимъ городомъ и оказавшихся безсильными, чтобы стереть его съ лица земли, стереть тѣ формы жизни, которыя, словно окаменѣлыя, остались нетронутыми отъ временъ гиксовъ и фараоновъ.

— Сагибъ! сагибъ!

На какомъ-то перекресткѣ, гдѣ около потрескавшихся отъ времени воротъ лежали обломки гранитныхъ колоннъ съ завитками, меня окружили тонконогіе «саисы» съ своими осликами и, величая «сагибомъ», предлагали мнѣ, какъ я догадывался, проѣхаться по городу. Усталость и жаръ заставили меня принять предложеніе, и я, взмостившись на одного длинноухаго скакуна, велѣлъ шагомъ везти себя къ Нилу. По слову «Нилъ» мальчуганъ дога-

дался, чего я хочу, и разными невообразимыми закоулками и дефилеями погналъ своего ослика по направленію къ западу.

Скоро изъ-за причудливыхъ зданій, съ какими-то прорѣзями вмѣсто оконъ, сверкнула полоса мутно-зеленоватой воды. Это былъ Нилъ. У того и другого берега копошились на лодкахъ люди, въ мѣстномъ характерномъ одѣяніи. По рѣкѣ двигались суда, слышались крики, иногда напоминавшіе возгласы нашихъ поволжскихъ бурлаковъ. Немножко правѣе движеніе было необычайное, такое, какого вы никогда не встрѣтите въ Петербургѣ ни на одной изъ невскихъ пристаней. Грузились и разгружались суда, сновали взадъ и впередъ лодки, бѣлѣлись косые паруса, и надъ всею рѣкою стоялъ невообразимый гулъ и стонъ. Тамъ и сямъ раздавались дикіе крики купаемыхъ въ Нилѣ осликовъ, которымъ повидимому не особенно нравилась чистоплотность.

Я сошелъ съ своего длинноухаго Буцефала и вручилъ его «саису» вмѣстѣ съ нѣсколькими піастрами.

Присѣвъ на обломокъ какого-то сѣраго карниза, можетъ быть отъ бывшаго дворца фараоновъ, я долго смотрѣлъ на священную рѣку Египта, невольно отдаваясь историческимъ грезамъ и воспоминаніямъ. Это дѣлается какъ-то само собой: глядя на спокойно катящуюся передъ вами Волгу, или на «тихій» Донъ, или на омывающій кіевскіе берега Днѣпръ, вы невольно задумываетесь объ историческомъ прошломъ этихъ рѣкъ, о томъ, что они видѣли, чему были нѣмыми свидѣтелями. Даже надъ Невой, у которой, кажется, совсѣмъ нѣтъ историческаго прошлаго, нѣтъ этой поэзіи минувшихъ вѣковъ—даже надъ Невой иногда какъ-будто носятся какія-то историческія тѣни. Но при созерцаніи Нила, эти тѣни, эти историческіе образы, цѣлыя картины, полныя глубокой поэзіи, всецѣло господствуютъ надъ вашей мыслью, надъ воображеніемъ, и вы не можете отмахаться отъ нихъ, не въ силахъ не отдаться иллюзіямъ.

Въ виду мѣстъ, богатыхъ историческимъ прошлымъ, переживается слишкомъ многое... И я переживалъ многое, сидя на берегу Нила...

Мнѣ пришла вдругъ въ голову блажь—окунуться въ священныя, хотя довольно таки мутныя волны исторической рѣки. Вѣдь

я купался-же въ Черномъ морѣ, въ Θеодосіи—бывшей Кафѣ, и купался больше, такъ сказать, по историческому капризу: въ этомъ морѣ, въ Кафѣ, купались когда-то «бідні невольники», запорожскіе казаки, томившіеся въ крымской неволѣ. Отчасти такой-же историческій капризъ заставилъ меня купаться и въ Нилѣ, особенно когда я самъ убѣдился, какъ тепла нильская вода... Что будешь дѣлать?—историческая блажь напала на человѣка...

Выкупавшись въ Нилѣ, я велѣлъ везти себя въ городской садъ, который находится недалеко отъ «Hôtel Royal». Садъ этотъ поражаетъ богатствомъ и грандіозностью тропическихъ растеній. То, что въ другихъ мѣстностяхъ вы видите въ ботаническихъ садахъ, что культивируется тамъ и поддерживается искусственно, то растетъ здѣсь свободно, благодаря лишь чудодѣйственному тропическому солнцу и обильной поливкѣ, которая производится черномазыми ботаниками необыкновенно тщательно и оригинально. По всему саду, промежду растеній, проведены оросительныя канавки. Чтобы струя воды силою своего теченія не подрывала корней и не портила лунокъ, еѳіопы-садоводы придумали всевозможныя приспособленія, при помощи которыхъ струя воды разбивается на дождевыя канли и орошаетъ нетолько корни и стволы растеній, но и самую зелень. А газоны орошаются безчисленнымъ множествомъ растянутыхъ по травѣ гуттаперчевыхъ рукавовъ, съ множествомъ продѣланныхъ въ нихъ отверстій, изъ которыхъ вода тончайшими струйками брызжетъ на траву какъ изъ десятковъ тысячъ фонтановъ, не уступающихъ естественному проливному дождю. Только благодаря такой поливкѣ, тропическое солнце безсильно въ этомъ роскошномъ саду, и вѣчная зелень его невольно приводитъ въ изумленіе.

Садъ этотъ имѣетъ форму восьми или десятигранника, съ числомъ воротъ, соотвѣтствующимъ числу граней. И ворота, и рѣшетка сада—верхъ изящества, такъ что въ сравненіи съ ними рѣшетки вокругъ всѣхъ петербургскихъ садовъ и скверовъ кажутся мизерными. Меня удивляло также самое устройство воротъ и оригинальная организація приворотной стражи. Опять-таки, чтобы понять все это и оцѣнить всю оригинальность этого устройства—надо видѣть все на мѣстѣ, ибо описать это невозможно.

Въ то время, когда я осматривалъ садъ, гуляющихъ въ немъ никого не было. На Востокѣ нѣтъ этого обычая—утреннихъ прогулокъ никто не дѣлаетъ, да и некому: восточныя женщины сидятъ по своимъ домамъ и гаремамъ, а съ ними, конечно, остаются дома и дѣти; мужчины-же—или заняты своими дѣлами, или-же проводятъ свободные часы по кофейнямъ, которыхъ здѣсь безчисленное множество, пьютъ кофе, флегматически потягивая дымъ изъ наргиле, или играютъ въ домино-шашки. Въ саду виднѣлись только поливающіе его и подчищающіе садовники-египтяне, да изрѣдка проходила какая-нибудь одинокая восточная фигура. Только въ одномъ мѣстѣ я услыхалъ оживленные дѣтскіе голоса и смѣхъ и направился въ ту сторону. Оказалось, что это играли въ тѣнистой части сада европейскія дѣти съ своими боннами и гувернантками. Это были, конечно, дѣти консуловъ и другихъ лицъ изъ дипломатическихъ и коммерческихъ сферъ. Видъ этого маленькаго, живого, пестраго цвѣтника чрезвычайно меня порадовалъ: я такъ соскучился, давно не видя этихъ милыхъ дѣтскихъ личекъ и постоянно созерцая лишь черномазыхъ «саисовъ» и египетскихъ уличныхъ дѣтей, которыя хотя очень милы и симпатичны сами по себѣ, но все-таки не могли заставить меня забыть то, къ чему глаза и нервы привыкали и мысль сживалась втеченіе десятковъ лѣтъ. Дѣти играли и бѣгали какъ козлята, видимо ломая свою природную рѣчь, то стараясь говорить по-итальянски и по-англійски, то коверкая нѣмецкій выговоръ на французскіе звуки. Мальчики, болѣе взрослые, катались по садовому пруду на винтовыхъ лодочкахъ или дразнили лебедей—то-же, что и у насъ въ Павловскѣ.

Утро было чудное, тихое, но страшно знойное. Хоть-бы листокъ затрепеталъ на деревѣ, хоть-бы шелохнулись широколистые бананы и роскошныя зонтиковыя пальмы. Въ зелени, на недавно орошенной травѣ, каркали молодые воронята, приставая къ матери, которая кормила чѣмъ-то то одного, то другого, неистово каркающаго и уже большого крылатаго дурака. Высоко-высоко, въ голубой синевѣ, широкими кругами носились въ воздухѣ орлы и точно сверлили этотъ знойный воздухъ звонкими, какъ-будто жалобными криками... И откуда здѣсь такая масса орловъ?—Вѣроятно они налетали сюда изъ пустыни... Такого множества орловъ я нигдѣ

не видѣлъ, и пронзительные голоса ихъ, какой-то жалобный клекотъ, а иногда тихое круженье въ воздухѣ производили на меня какое-то странное, словно-бы тягостное впечатлѣніе... И объ чемъ они кричатъ такъ повидимому жалобно?.. И эти крики раздаются весь день—раздавались надъ городомъ до самой ночи...

Я глянулъ на солнце—оно стояло уже прямо надъ головою. Былъ полдень. По дорожкѣ, по самому зною, идетъ бѣлая чалма, вся драпированная въ бѣлое—и отъ нея нѣтъ тѣни совсѣмъ... Человѣкъ потерялъ свою тѣнь... Странно!.. Но откуда человѣку взять эту тѣнь, когда солнце стоитъ у него прямо надъ теменемъ?.. Тѣнь у него только подъ подошвами... Я замѣчалъ это потомъ и въ Портъ-Саидѣ—на песчаной равнинѣ Суэзскаго перешейка, и въ Іерусалимѣ—на Елеонской горѣ...

Я вышелъ изъ сада, взялъ коляску и велѣлъ везти себя въ музей египетскихъ древностей. Хотя былъ такой часъ—между 12 и 2 пополудни—когда въ Египтѣ, по случаю зноя, прекращается на время почти всякая оффиціальная дѣятельность, однако любезные фараоны, служащіе при музеѣ, узнавъ, что я путешественникъ и притомъ русскій, съ самой предупредительной любезностью позволили мнѣ осмотрѣть ихъ музей—ихъ національную и историческую гордость... Есть чѣмъ гордиться!.. Можно плакать, можно глубоко скорбѣть о прошломъ, о той могучей жизни, которая била ключемъ на мѣстѣ вотъ этого великаго, историческаго кладбища, и отъ которой всеразрушающее время, какъ-бы ошибкой, сохранило столько осколковъ, столько безсмертныхъ свидѣтелей и очевидцевъ того, что когда-то жило и радовалось, а теперь все развѣяно безжалостными крыльями проклятаго Хроноса... Въ душу, дѣйствительно, закрадывалось скорбное чувство, чувство сожалѣнія о невозвратно минувшемъ... У меня всегда остатки историческихъ памятниковъ и историческія воспоминанія возбуждаютъ въ душѣ горькое чувство, досадное... Зачѣмъ погибаетъ все?.. Зачѣмъ все такъ жалко и смертно?—Зачѣмъ все, все проходитъ!..

Я не археологъ и никогда спеціально не изучалъ ни исторіи Египта, ни его древностей; но все, что я въ жизнь мою прочелъ о древнемъ Египтѣ, начиная отъ Моисея (библія), Геродота, Плинія, Іосифа Флавія и кончая Шампольономъ и Эберсомъ, все, что

въ моемъ воображеніи рисовалось о странѣ гиксовъ и фараоновъ, о жизни древняго Мемфиса съ его «мертвымъ городомъ», жрецами, Аписомъ, Тотомъ, все, что сохранили намъ нетлѣнныя муміи, свитки папирусовъ, остатки саркофаговъ, сфинксы, гіероглифы, обломки храмовъ, внутренности пирамидъ,—все это въ египетскомъ музеѣ предстало предо мною въ видѣ нетлѣнныхъ мощей этой, если можно такъ выразиться, единственно нетлѣнной въ исторіи страны, какою является Египетъ по необыкновенному богатству оставшихся доселѣ въ немъ живыхъ свидѣтелей глубочайшей старины—такой старины, до которой едва досягаетъ память исторіи. Дѣйствительно, весь Египетъ—это историческія мощи. Когда я бывалъ въ кіевскихъ пещерахъ, я чувствовалъ, что передо мною вставала какъ живая вся древняя Русь, съ ея мрачнымъ, аскетическо-суровымъ колоритомъ, и нигдѣ я не ощущалъ такъ глубоко вѣянія надъ собою этой убогой, лишенной всякой возвышающей душу поэзіи древне-русской жизни, какъ въ темныхъ пещерахъ Кіева. Точно также въ египетскомъ музеѣ я глубоко чувствовалъ могучее вѣяніе той, давно погибшей исторической жизни страны фараоновъ, въ которой сказалось такое богатство и такое могущество творчества человѣческаго духа. И никогда я такъ глубоко не понималъ, казалось, этой, отошедшей отъ насъ на цѣлыя тысячелѣтія, жизни, какъ вотъ тутъ, передъ этими живыми мертвецами... Мнѣ казалось, будто я самъ перенесся за пять тысячъ лѣтъ назадъ, и передо мною проходитъ вся исторія великаго народа—великаго именно творчествомъ своего духа и своимъ историческимъ нетлѣніемъ.

Изъ музея я отправился посмотрѣть на другой замѣчательный памятникъ нетлѣнія Египта—на колодезь Іосифа, сына Іакова патріарха, построенный имъ въ то время, когда этотъ необыкновенный еврей, бывшій невольникъ, а потомъ любимецъ царя, полновластно господствовалъ надъ всѣмъ Египтомъ. Колодезь этотъ—такой-же какъ и многіе въ Египтѣ—живой свидѣтель титаническихъ работъ древняго Египта: это своего рода пирамиды—такъ много къ этой работѣ, почти вѣчной, несокрушимой какъ пирамиды,—такъ много къ этой удивительной работѣ приложено было труда человѣческаго!

Тамъ-же показываютъ и остатки дворца цѣломудреннаго еврея, оставившаго по себѣ такой безсмертный памятникъ, столь-же повидимому вѣчный, какъ вѣчно самое имя Іосифа, какъ вѣчны пирамиды и какъ вѣченъ въ человѣческой памяти тотъ хвастунишка римскій поэтъ, который сказалъ о себѣ—

Exegi monumentum aere perennius и т. д.

и сказалъ правду, ибо стихъ Горація такъ-же непоколебимъ въ памяти народовъ, какъ непоколебимы пирамиды, съ которыми поэтъ сравниваетъ свой безсмертный стихъ, давшій поводъ похвастаться своимъ безсмертіемъ и Державину въ извѣстномъ стихотвореніи—

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
Металла тверже онъ и выше пирамидъ и т. д...

и Пушкину нарисоваться своимъ безсмертіемъ и своимъ безспорно прелестнымъ стихомъ, хотя въ одномъ мѣстѣ и пересолившимъ—

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной;
Къ нему не заростетъ народная тропа:
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.

Да... Но «Наполеонова столпа» уже нѣтъ—его снесла народная волна; а памятники Пушкина, Державина и Горація стоятъ непоколебимо какъ пирамиды, какъ колодезь Іосифа, какъ его безсмертное имя въ безсмертной поэзіи безсмертнаго еврейскаго народа.

Въ томъ-же мѣстѣ, у старой стѣны, показываютъ широкую каменную плиту или лавку, на которой Селимъ I-й, въ 1517-мъ году, овладѣвъ Каиромъ и въѣхавъ въ крѣпость, нѣсколько минутъ отдыхалъ, сойдя съ коня и отдавая своимъ полководцамъ приказанія.

Вѣроятно это его памятникъ красуется на одной изъ площадей Каира. Памятникъ, на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ, изображаетъ всадника на конѣ. Фигура всадника въ фескѣ необыкновенно величественна. Но кто этотъ всадникъ—я издали не могъ прочесть надписи, потому что на площади производились какія-то

каменныя работы и за плитами нельзя было подойти къ памятнику, а юный «саисъ», котораго я спрашивалъ о названіи монумента, не могъ ничего мнѣ объяснить. «Бедекера» же со мной не было подъ руками, да и теперь, когда я записываю это, сидя на пароходѣ, въ открытомъ морѣ, мнѣ справиться негдѣ. Думаю, что это памятникъ Селима.

Усталость и жаръ заставили меня вернуться въ отель, чтобы отдохнуть и подкрѣпиться пищей. Хотя я и опоздалъ къ завтраку, но табль-д'отъ все еще былъ сервированъ, и любезная m-me Romand, познакомивъ меня съ своимъ супругомъ, чистокровнымъ парижаниномъ, угостила «своего русскаго гостя» на славу. Столъ былъ дѣйствительно богатый и вкусный, съ попытками даже на какія-то русскія кушанья; но—horribile dictu!—я, по своему кулинарному невѣжеству, не угадалъ, что они—«русскія», какъ не угадалъ и русскаго чая, которымъ меня любезно угощали въ столицѣ фараоновъ. Какія это были кушанья и даже изъ чего они приготовлены—я положительно не знаю, но были очень вкусны. Вмѣсто графиновъ съ водою на столѣ стояли все тѣ же глиняные кувшины съ «майя»,—ну точь-вточь такіе, какъ въ музеѣ, что попали туда изъ тысячелѣтнихъ катакомбъ. Да тутъ и типы на улицахъ—все это точно катакомбные обитатели, да живые сфинксы съ прямыми лбами и съ длинными, сфинксоваго разрѣза глазами.

Едва зной началъ нѣсколько спадать, даже не спадать еще, а едва солнце немного стало клониться къ западу, какъ я опять пошелъ бродить по вѣчному городу сфинксовъ. Мнѣ не сидѣлось въ отелѣ—меня тянуло къ этимъ ходячимъ древностямъ, къ этимъ живымъ гіероглифамъ, которые соскочили со стѣнъ, колоннъ и горельефовъ и орали по улицамъ.

Я видѣлъ, какъ эти сфинксы поливали теперь улицы рѣшетчатыми ящиками, а другіе изъ нихъ, подъ покрывалами, сидѣли на тротуарахъ, прямо на солнцѣ, и что-то гадали проходящимъ, предлагая имъ красивыя раковины... Эти странныя египтянки-гадальщицы очень напоминаютъ типомъ нашихъ цыганокъ; недаромъ ихъ у насъ зовутъ «фараонами»... Третьи изъ этихъ сфинксовъ, въ видѣ «саисовъ», бѣгали по улицамъ словно на крыльяхъ, подгоняя осликовъ или размахивая жезлами впереди конныхъ экипа-

жей: эти «саисы»—дѣйствительно имѣютъ въ себѣ что-то сфинксовое, но только легкое, стройное, въ халатикѣ или рубашкѣ, точно крылатое, часто съ мѣшечкомъ на плечѣ или съ зонтикомъ пассажира.

Движеніе въ Каирѣ—необыкновенное. Оно болѣе многолюдно и болѣе шумно, чѣмъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ даже на самыхъ бойкихъ мѣстахъ. Здѣсь все на улицѣ, въ тѣни стѣнъ, навѣсовъ, тентъ, на безчисленныхъ табуретахъ, просто на землѣ, на плитахъ; другое—бѣжитъ, ѣдетъ, кричитъ, толкается; всеобщая чистка сапогъ на улицѣ—это цѣлая ярмарка. А тутъ «сагибъ! сагибъ!» это предлагаютъ своихъ осликовъ, но тихо, скромно, умоляюще, не какъ петербургскіе извощики, часто до смерти надоѣдающіе. И точно ихъ не допекаетъ солнце—этихъ крылатыхъ нубійцевъ... Невообразимое движеніе, необыкновенный водоворотъ жизни—куда Петербургу до Каира!

А это что такое? Это прямо съ барельефовъ ассирійскихъ древностей... Ведутъ по улицѣ партію черныхъ арестантовъ. Руки ихъ связаны, какъ вы видите это на изображеніяхъ съ клинообразными надписями. Всѣ арестанты навязаны на длинную цѣпь... Такъ вотъ на что назначалась та ассуро-вавилонская цѣпь, которую я видѣлъ въ Александріи на станціи желѣзной дороги!.. Передъ вами живою проходитъ неумирающая тысячелѣтняя древность—точно живые саркофаги передъ вами: это ведутъ на цѣпи неподвижный Востокъ, какъ-бы застывшій въ своихъ доисторическихъ формахъ... И тутъ-же, рядомъ,—роскошь, послѣднее, самое модное измышленіе западной цивилизаціи. Контрасты вездѣ поражающіе: и страшное богатство, и душу возмущающая бѣдность этого самаго народа, который создалъ всю эту роскошь, всю богатую исторію этой чудной страны, эти сфинксы, эти пирамиды...

Передъ закатомъ солнца—а оно садится тутъ въ это время (19-го мая) въ 7-мъ часу, тогда какъ у насъ въ Петербургѣ оно въ этотъ часъ еще свободно гуляетъ по чухонскому небу, не думая прятаться за Лахту,—я вернулся къ городскому саду и вошелъ въ него. Теперь за входъ платилось по полупіастру (около 5 коп.), такъ какъ въ саду играла музыка. Оркестры расположены были въ

разныхъ мѣстахъ, на эстрадахъ, и играли поочередно. И здѣсь, какъ въ бывшемъ саду хедива, въ Александріи, меня поразила необычайность, неслыханность египетской мелодіи... Я вспомнилъ нашего Лазарева, «абиссинскаго маэстро»... Что-то дикое, тоскливое, мертвое слышалось въ музыкѣ этого мертваго, какъ-бы вышедшаго изъ катакомбъ города; но меня глубоко очаровывала эта странная мелодія... Я опять находился конечно подъ вліяніемъ историческихъ иллюзій—и все мнѣ казалось страннымъ, но таинственно-заманчивымъ.

Я прямо прошелъ къ высокой бесѣдкѣ, которая устроена на искусственныхъ гротахъ съ шумящими фонтанами и, по высотѣ своей, господствовала почти надъ всѣмъ городомъ. Начинало темнѣть. На разстилавшійся передо мною на десятки верстъ какой-то фантастическій по своимъ зданіямъ городъ уже ложились странныя, еще болѣе фантастическія тѣни. Въ темнѣвшемъ воздухѣ рѣяли, точно ласточки, летучія мыши... Какое множество ихъ въ Египтѣ! Орлы продолжали кружиться высоко надъ городомъ и сверлить воздухъ жалобными криками... На что они жалуются?.. Развѣ, подобно мнѣ, жалѣютъ о прошедшемъ этой страны?..

А эта странная, неслыханная мелодія—какъ она бередитъ нервы! Сквозь звуки пилящихъ душу инструментовъ слышится пѣніе, но опять-таки не наше, незнакомое, дикое и въ то же время чарующее своею неслыханною мелодіею... Хоть-бы что-нибудь напоминало нашу жизнь, наши звуки!—все чужое...

А городъ все темнѣетъ. Музыка звучитъ все шумнѣе и шумнѣе своею дикою мелодіею. Еще заунывнѣе раздается такое-же дикое, но чарующее пѣніе. Орлы не перестаютъ сверлить все болѣе и болѣе темнѣющее небо. Внизу, точно тѣни, бродятъ по полуосвѣщеннымъ аллеямъ, въ темной зелени пальмъ и банановъ, гуляющіе, и между ними—какія-то фигуры въ черныхъ саванахъ, закутанныя съ головы до пятокъ... Я послѣ узналъ, что это за черные саваны среди бѣлыхъ фигуръ въ бѣлыхъ чалмахъ...

Я глянулъ дальше. Надъ городомъ высились песчаные, сѣрые холмы—послѣдніе стражи пустыни, защищающія Нилъ отъ Сахары... Мнѣ видѣлись въ нихъ мертвецы, обступившія мертвый, воскресшій городъ и слушавшіе эту дикую музыку... Мнѣ стало

страшно въ полумракѣ южной ночи на вершинѣ высокаго грота—я не знаю самъ, чего страшно—не людей какъ-будто, а этихъ сѣрыхъ, мрачныхъ холмовъ...

Я сошелъ внизъ. И тутъ, среди тысячъ гуляющихъ тѣней, видѣлось что-то неживое, мертвящее: тутъ нѣтъ, какъ у насъ на музыкѣ, этихъ чарующихъ взоръ живыхъ букетовъ—дѣтей и женщинъ, все оживляющихъ и скрашивающихъ. Кругомъ—только чалмы, фески, халаты, бурнусы и эти странныя фигуры въ черныхъ саванахъ, шныряющія то тамъ, то тутъ... Лица ихъ закрыты—блестятъ одни глаза изъ-подъ чернаго покрывала и изъ-за металлической переносицы... Это не мертвецы въ черныхъ саванахъ, а египетскія гетеры, ибо египетскія женщины публично не показываются даже въ покрывалахъ.

Лишь кое-гдѣ свѣтится яркое платьице. Это дѣти европейцевъ съ своими черными нянъками и кормилицами, и опять-таки эти послѣднія—съ закрытыми лицами. И какъ только ихъ не боятся бѣдныя дѣти! Напротивъ: часто вы видите бѣленькія, пухленькія дѣтскія ручки, которыя обнимаютъ черную какъ каменный уголь шею еѳіопа-няньки и ласкаютъ его стальное лицо, а это стальное лицо такъ нѣжно улыбается, такъ умилительно бережетъ европейское дитя...

Съ какимъ-то тяжелымъ чувствомъ—не то чувствомъ отчужденности отъ этого незнакомаго мнѣ міра, не то съ горечью историческихъ воспоминаній—я оставилъ садъ и возвратился уже знакомыми мнѣ улицами въ отель.

Я не знаю, какъ это объяснить, но безъ сомнѣнія всѣ испытываютъ это щемящее чувство при видѣ страны съ богатымъ историческимъ прошлымъ, при видѣ развалинъ, при видѣ смерти тамъ, гдѣ кипѣла когда-то жизнь, полная поэзіи и могучихъ проявленій народнаго творчества, труда, энергіи, таланта;—и чѣмъ богаче воспоминаніями это прошлое, тѣмъ болѣе щемитъ сердце и какъ-бы тоскуетъ мысль отъ этого сложнаго чувства, имѣющаго въ себѣ болѣе горечи, чѣмъ примиренія съ невозвратнымъ. Такъ это чувство, къ которому всегда примѣшивалось и какое-то тихое, созерцательное умиленіе, постоянно глодало меня и среди живыхъ напоминаній о минувшей жизни поэтической Эллады, и среди раз-

валинъ Египта, и на обожженныхъ солнцемъ камняхъ Палестины. Я иначе и не могу назвать этого чувства, какъ горечью, ядомъ историческихъ воспоминаній, въ которыхъ въ то же время такъ много поэзіи—и горькой, и чарующей.

Съ вечера-же я условился въ отелѣ насчетъ завтрашней поѣздки къ пирамидамъ—къ послѣдней цѣли моихъ далекихъ скитаній, хотя мнѣ еще предстояла поѣздка въ Палестину.

Съ мыслью о пирамидахъ я и засыпалъ на моемъ «Клеопатриномъ ложѣ», а въ разбереженныхъ нервахъ отдавались то уличные, дикіе, чаще жалкіе и симпатичные крики, то странная музыка живыхъ фараоновъ, словно исходившая изъ катакомбъ, то клекотъ орловъ въ высотѣ...

Сухія муміи, полногрудые сфинксы, величественная фигура Селима на бронзовомъ конѣ, темное отверстіе глубокаго колодца, свитки папирусовъ, длинная ассирійская цѣпь съ навязанными на нее плѣнными гиксами, евреи, убѣгающіе не то изъ Египта, не то изъ Одессы, графъ Лорисъ-Меликовъ съ жезломъ Моисея въ пустынѣ, мѣдный змій...

Это былъ уже сонъ усталаго путешественника...

XI.

Предварительное — заочное знакомство съ пирамидами.

Въ ночь наканунѣ восхожденія на пирамиды я вызвалъ и освѣжилъ въ своей памяти все, что раньше, еще съ дѣтства, читалъ объ этихъ «чудесахъ свѣта» и что такъ глубоко поражало мое воображеніе. Въ этотъ моментъ я—признаюсь—испытывалъ тотъ-же радостный и боязливый трепетъ, какой—я это такъ хорошо помню—испытывалъ ребенкомъ наканунѣ моего «перваго причащенія» въ качествѣ «большого»: я вѣдь и здѣсь готовился какъ-бы «пріобщиться» историческому величію. Это-же я хотѣлъ-бы вызвать и въ памяти читателя, чтобъ онъ хоть отчасти душою своею угадалъ то, что я потомъ перечувствовалъ.

Прежде всего я прочелъ то мѣсто у Геродота, гдѣ онъ говоритъ, какъ *очевидецъ*, о внѣшности и подавляющей громадности этихъ памятниковъ и о способѣ ихъ сооруженія.

Хеопсъ—говоритъ онъ—чтобы воздвигнуть себѣ пирамиду, повелѣлъ запереть всѣ храмы египетскіе и всѣхъ безъ различія египтянъ осудилъ на этотъ всенародный трудъ. Одни должны были высѣкать скалы въ каменоломняхъ Аравійской горной цѣпи и перетаскивать ихъ до Нила, другіе—влачить къ судамъ и на нихъ перевозить эти скалы къ Ливійской горѣ. Сто тысячъ рабочихъ, смѣняемые каждые три мѣсяца, безпрестанно занимались этимъ дѣломъ и цѣлыя десять лѣтъ употребили единственно на то, чтобы проложить дорогу для перевозки этихъ каменныхъ глыбъ—трудъ, не уступающій сооруженію самой пирамиды. Въ другія десять лѣтъ высѣчено было множество галлерей въ той скалѣ, на которой стоятъ пирамиды, для погребенія царя, и Хеопсъ избралъ для своей могилы мѣсто на островѣ, образованномъ во внутренности горы посредствомъ подземнаго канала изъ Нила. Построеніе пирамиды, носящей его имя, стоило другихъ двадцати лѣтъ. Она—четыреугольная. Каждая сторона ея имѣетъ 8 плетровъ (болѣе 770 футовъ) длины и столько-же высоты. Вся она облицована громадными плитами, уложенными весьма искусно, и ни одна изъ нихъ не имѣетъ менѣе 30 футовъ.

Братъ Хеопса, Хефренъ, слѣдовалъ по стопамъ своего предмѣстника и по его примѣру воздвигъ для себя другую пирамиду, которая однакожь не можетъ сравниться высотою съ первой. Она не заключаетъ въ себѣ подземныхъ сводовъ и подъ ней нѣтъ канала, проведеннаго изъ Нила. Эта вторая пирамида, воздвигнутая въ сосѣдствѣ большой, ниже ея на 40 футовъ. Ея основаніе—изъ разноцвѣтныхъ камней Еѳіопіи. И та, и другая стоятъ на каменномъ возвышеніи—на горѣ—не менѣе 100 футовъ высотою. Но ненависть египтянъ такъ велика къ этимъ двумъ царямъ, что они даже не хотятъ произносить ихъ имени и называютъ воздвигнутыя ими пирамиды—пирамидами пастуха Филитона, который во время ихъ построенія пасъ стада въ окрестности. Микеринъ, сынъ Хеопса, царствовалъ послѣ Хефрена. И онъ создалъ пирамиду, но гораздо менѣе отцовской. Она тоже четыреугольная и до половины выстроена

изъ еѳіопскаго камня. Въ каждой сторонѣ ея 3 плетра безъ 30 футовъ (у Хеопса—по 8 плетровъ). Это та самая пирамида, которую греки называютъ именемъ славной красотою Родопы: но это мнѣніе неосновательно (Lib. II, § 124).

Геродотъ посѣтилъ пирамиды за 484 года до Рождества Христова.

Кромѣ Геродота, писали о пирамидахъ Діодоръ и Плиній.

Арабскій-же путешественникъ Абдаллахъ-ибнъ-Абдъ-эль-Хокма, посѣтившій пирамиды во времена владычества въ Египтѣ халифовъ, говоритъ: «Пирамиды суть твореніе Саурида, царя египетскаго, жившаго за три вѣка до всемірнаго потопа. Жрецы истолковали ему страшный сонъ, коимъ предсказывался всемірный потопъ, долженствовавшій погубить вселенную. Тогда царь велѣлъ воздвигнуть пирамиды, съ водоемомъ, проведеннымъ изъ Нила, и заключить въ нихъ талисманы и сокровища, а внутри ихъ велѣлъ начертать правила искусствъ и наукъ. Изсѣкли огромные столбы и положили основаніе пирамидъ красными еѳіопскими камнями, которые скрѣпили оловомъ и желѣзомъ. Въ цвѣтной пирамидѣ были собраны архивы жрецовъ, начертанные на доскахъ чернаго мрамора. Въ западной пирамидѣ поставлена была на-стражѣ мраморная статуя, вооруженная копьемъ и съ обвивающимся вокругъ ея головы змѣемъ. Въ восточной—сидѣла на тронѣ статуя изъ чернаго агата, съ блестящими глазами и съ копьемъ въ рукахъ (позднѣйшими открытіями до нѣкоторой степени это и подтверждено). Въ расписной-же пирамидѣ была сидящая статуя изъ камня альбуты... Копты въ своихъ книгахъ пишутъ, что на пирамидахъ есть слѣдующая надпись: «Я, Саурид, царь Египта, воздвигъ пирамиды и окончилъ ихъ въ 6 лѣтъ. Пусть мой преемникъ, если хочетъ со мною сравняться, разрушитъ ихъ въ шесть вѣковъ. А извѣстно, что легче разорять, чѣмъ строить». Когда халифъ Аль-Мамунъ увидѣлъ пирамиды, то пожелалъ открыть ихъ середину, что и сдѣлалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣшнее отверстіе, съ помощью огня, уксуса и другихъ средствъ, но съ большими издержками. Толщина стѣны была въ 20 локтей. За нею нашли изумрудный рукомойникъ въ 1,000 динаріевъ. Внутри увидѣли четыреугольный колодезь съ дверьми, ведущими въ палату мумій,

а подъ вершиною пирамиды открыли покой съ выдолбленнымъ камнемъ, въ которомъ сокрыта была статуя, заключавшая въ себѣ человѣка съ золотымъ нагрудникомъ и дорогимъ мечомъ; на головѣ у него карбункулъ, величиною въ яйцо, горѣлъ какъ солнце, а на немъ вырѣзаны слова, которыхъ никто прочитать не можетъ».

Князь Радзивилъ-Сиротка, посѣтившій пирамиды въ 1582 году, вотъ что говоритъ о нихъ: Упомянувъ о томъ, что на этомъ мѣстѣ былъ знаменитый библейскій Мемфисъ, нынѣ засыпанный «безплодными и сухими песками», онъ добавляетъ, что «зостались однако же пирамидесъ (pyramides) и пребываютъ до сего времени въ цѣлости—седмьнадесять ихъ, съ которыхъ двѣ суть большія; третія же, которую Родоппа блудница поставила и которой подобіе и поставленіе описуетъ Плиніусъ лѣтописецъ, истинно зѣло есть хороша, но вышиною едва есть шестьдесятъ или седмьдесятъ лакоть. Тѣ три пирамидесъ суть во всемъ съ всѣхъ мѣръ въ цѣлости и почитаютъ ихъ между тѣми, которыя имѣетъ свѣтъ за нѣкакія чудеса. Двѣ большія чудно и къ вѣрѣ неудобно суть великія. Едина однакоже большая есть, которая и въ ширину, и въ длину, и въ вышину триста содержитъ лакоть... И сіе подивленію воистину годно, что пирамидесъ на высокой горѣ, которая сама есть чистъ камень, поставлены суть; однакоже, колико зрѣти мощно и разсудити, отъ иного каменія выдѣланы были, но невѣдомо и угадати неудобно, откуду и какимъ способомъ толико чудно великую великость каменей свезено къ сему мѣсту, занеже хотя и взбираетъ (wzbiera) Нилъ рѣка, но къ нему мало не пять верстъ отъ тѣхъ пирамидъ» (изъ Геродота мы знаемъ, какъ это дѣлалось).

Радзивилъ самъ взбирался на большую пирамиду—на Хеопса, и поясняетъ, что «азъ хотя есмь довольно скоро ступалъ, однакоже едва за полтора часа наверхъ столпа того дойти могъ, гдѣ равнина есть на десять лакоть, четвероугольна, при всякомъ углу. Отъ того-же вящшаго столпа идучи къ другому, по правой рукѣ есть изрядныя житія и украшенныя, изъ камене высѣчены, подволоки имѣютъ аки изъ досокъ изображены, но брусіе полукруглое вытесано, а не грановито; на стѣнахъ такожде узоры вытесаны (узоры—это гіероглифы). Твердятъ нѣкоторые, что тѣ чертоги были нѣкогда королевскіе или князей египетскихъ».

О второй пирамидѣ Радзивилъ говоритъ, что отъ первой она отстоитъ «на сугубое стрѣленіе изъ лука», что въ нее нѣтъ входа явнаго, а что есть будто-бы тайный ходъ, о которомъ знаютъ немногіе.

О знаменитомъ сфинксѣ Радзивилъ говоритъ, что отъ послѣдней пирамиды онъ отстоитъ «на три стрѣльбища лучныя», и описываетъ его такъ: «Изъ каменя единаго чистаго вверхъ на седмь лакоть столпъ стоитъ, а изъ него вверху глава, шея и плещи вытяты тоя же Родоппы, изображеніемъ зѣло чуднымъ—вящши къ граду смотритъ. Сказываютъ нѣкоторые, что отъ онаго большого столпа (пирамиды), въ котораго нутри были есмы, чрезъ диру подземную, въ камени высѣченную (видѣли есмы ю каменьми заваленную), тѣсное и тайное было къ той главѣ прошествіе, и оттуду отвѣты язычныхъ боговъ давано, гдѣ языци поганые чаяли, что глава оная сама говорила».

Не надо забывать, что перваго изъ всѣхъ этихъ очевидцевъ пирамидъ—Геродота, праотца исторіи, и послѣдняго—князя Радзивила-Сиротку, раздѣляютъ 2,000 лѣтъ! Геродотъ видѣлъ эти величайшіе въ мірѣ памятники 2,365 лѣтъ назадъ, а Радзивилъ—ровно 300 лѣтъ. Сопоставленіе очевидцевъ изъ двухъ столь отдаленныхъ одна отъ другой эпохъ—само по себѣ поразительно. Но оно получаетъ еще большую поразительность, когда съ этими двумя очевидцами мы сопоставимъ еще третьяго—своего роду Хеопсову пирамиду въ человѣчествѣ:—это Наполеона I, который обратился къ своимъ войскамъ съ извѣстными словами: «Soldats! quarante siecles vous contemplent du haut de ces pyramides!» Кто не помнитъ эти слова и тотъ моментъ, въ который они высказаны были этою мрачною личностью!..

Но я не забылъ и нашихъ, русскихъ, очевидцевъ этихъ безсмертныхъ памятниковъ. Въ 1830 году посѣтилъ ихъ пылкій юноша, тотчасъ по окончаніи турецкой войны испросившій у Дибича позволеніе посѣтить таинственный Востокъ и первымъ дѣломъ направившійся къ пирамидамъ. Это былъ извѣстный впослѣдствіи путешественникъ Муравьевъ.

«Едва успѣлъ я отдохнуть отъ шестидневнаго плаванія по

Нилу—пишетъ онъ—и меня влекло уже къ пирамидамъ, мимо всѣхъ замѣчательныхъ древностей столицы (Каира), какъ будто однѣ только пирамиды возвышались на равнинѣ Египта. Но я уже такъ давно былъ мысленно знакомъ съ ними и такъ величественно являлись онѣ на горизонтѣ картины, представлявшейся изъ Каира, что я не могъ долѣе удержать своего нетерпѣнія и на третій день по пріѣздѣ пустился въ путь въ обществѣ нѣсколькихъ франковъ и съ однимъ изъ стражей паши, необходимымъ въ пустынѣ противъ наглости бедуиновъ».

Всѣ выѣхали на ослахъ—одинъ Муравьевъ на конѣ. За ними бѣжали по обыкновенію саисы—«неутомимые на пескахъ и никогда не отстающіе отъ всадника». На баркахъ ихъ переправили черезъ Нилъ, и они поѣхали по равнинѣ, орошаемой Ниломъ во время полноводія, начиная отъ арабскаго поселенія Джизе почти вплоть до пирамидъ.

«Громады сіи—говоритъ Муравьевъ—издали, какъ двѣ синія горы возстающія на горизонтѣ и еще въ Джизе, на разстояніи двухъ часовъ, уже казавшіяся только въ нѣсколькихъ шагахъ, по странной игрѣ оптики уменьшались по мѣрѣ приближенія. Когда, достигнувъ до рубежа степей, мы поднялись на высоты, нѣкогда каменистыя, на которыхъ онѣ стоятъ, занесенныя метелью песковъ,—очарованіе на время исчезло, и онѣ представились совершенно обыкновенными зданіями въ неизмѣримости пустынной. Но сія самая безпредѣльность, посреди которой все кажется ничтожнымъ, и однообразный цвѣтъ пустыни и пирамидъ, и волны песковъ, изъ коихъ онѣ возстаютъ какъ-бы изъ бурнаго моря, заливающаго правильныя черты ихъ основанія,—все сіе препятствуетъ имъ отдѣлиться рѣзко отъ поверхности степи: даже самая ихъ обширность скрываетъ ихъ высоту, ибо множество тесаныхъ камней сей массы обманываетъ взоры стоящаго у ихъ подошвы... Тогда только, когда достигнешь вершины пирамиды и чрезмѣрная усталость тѣла отмщаетъ за обманъ взоровъ, тогда только кажутся огромными сіи дивныя могилы».

Далѣе онъ говоритъ, какъ, по мѣрѣ приближенія къ пирамидамъ, ихъ со всѣхъ сторонъ обступали бедуины, сбѣгавшіеся со степи и искавшіе случая поживиться, и какъ «ихъ нѣсколько усми-

рялъ жезломъ своимъ стражъ Магомета-Али и одинъ изъ ихъ старѣйшинъ».

По вычисленію Муравьева, пирамида Хеопса, т. е. вся масса ея тѣла, заключаетъ 263,362 кубическія сажени. «Громада невѣроятная»! восклицаетъ онъ и поясняетъ, что только съ самой пирамиды и немного издали «можно вполнѣ постигнуть сію гору человѣческихъ трудовъ и египетскаго терпѣнія».

Затѣмъ онъ описываетъ величественную, дивную картину, открывающуюся изумленному взору съ вершины Хеопса. «Но—прибавляетъ онъ—если на правой сторонѣ Нила такъ гордо стоитъ Халифатъ во всемъ его блескѣ и славѣ,—лѣвая гласитъ только о фараонахъ, и сонмомъ пирамидъ, разсѣянныхъ по пустынѣ, напоминаетъ вѣка древнѣйшіе, которыхъ начало въ волнахъ потопа, которыхъ толпа, отдыхавшая на сихъ священныхъ вершинахъ, невольно кружитъ голову смертному, смѣло измѣряющему подъ собою высоту пирамиды, но не бездну временъ протекшихъ. Одинъ только Нилъ, ихъ давній свидѣтель, безпечно течетъ по сей землѣ чудесъ—рубежомъ двухъ временъ, двухъ царствъ, столь разительно противоположныхъ, привыкшій самъ быть предметомъ вниманія народовъ, а не дивиться ихъ преходящимъ поколѣніямъ».

Описаніе внутреннихъ ходовъ и сводовъ въ пирамидѣ—тоже, что и у другихъ путешественниковъ. Подобныя описанія всегда не ясны для неочевидца. Но Муравьевъ останавливается долѣе надъ самою гробницею Хеопса, находящеюся внутри пирамиды. «Она вся искусно обдѣлана гладкимъ гранитомъ, и въ правой ея сторонѣ, безъ крыши, стоитъ пустой, гранитный саркофагъ—ничтожное ядро столь обширной оболочки, мрачными переходами завлекающей любопытное воображеніе къ сей горькой разгадкѣ всего житейскаго, ко гробу, столь хитро поставленному въ сердцѣ одного изъ семи чудесъ свѣта, какъ-бы въ урокъ и ядовитую насмѣшку для очарованныхъ ими!.. Не сей-ли гробъ тайна и мудрость пирамидъ? Египетъ не щадилъ годовъ и людей для исполинскаго выраженія одной мысли, одного чувства, которыя рождались въ душѣ Фараона и олицетворялись навѣки руками его народа».

Эти прекрасныя, глубоко прочувствованныя размышленія вызываютъ въ путешественникѣ другія мысли, съ которыми также

нельзя не согласиться. Иные думаютъ, что пирамиды—не надгробные памятники, а что-то иное, болѣе таинственное. Правильное расположеніе ихъ угловъ по четыремъ странамъ свѣта; возможность видѣть *даже днемъ*, изъ глубины внутренняго входа пирамиды, полярную звѣзду и другія звѣзды сѣвернаго полушарія, въ моментъ прохожденія ихъ черезъ меридіанъ и т. п.,—все это представлялось чѣмъ-то неразгаданнымъ. Но нашъ путешественникъ едва-ли не правъ, говоря: «толпа пирамидъ, малыхъ и большихъ, разсѣянныхъ вмѣстѣ съ погребальными колодцами мумій и птицъ на пустынѣ общаго кладбища Мемфиса, не ясно-ли доказываетъ ихъ цѣль? Чему-же дивиться, если изъ столькихъ царей, ожидавшихъ смерти болѣе въ страхѣ за бренное тѣло, нежели за странствующую душу, нѣкоторымъ сильнымъ взошла исполинская мысль увѣковѣчить свои могилы? И если народъ, опытный въ астрономіи и геометріи, выстроилъ могилы сіи по извѣстнымъ мѣрамъ, со всѣми тонкостями сихъ двухъ наукъ, когда даже самый ихъ образъ не позволялъ имъ другой красоты, кромѣ геометрической,—зачѣмъ-же теряться въ неразрѣшимыхъ загадкахъ и искать другого, чѣмъ могилы, въ той землѣ, гдѣ народъ такъ сильно боролся съ тлѣніемъ и, сохранивъ мало живыхъ въ своихъ лѣтописяхъ, замѣнилъ ихъ столькими безсмертными трупами!»

Многіе считали также чѣмъ-то чудеснымъ въ пирамидахъ то, что они *не бросаютъ отъ себя тѣни на землю*. Но откуда-же въ тропическихъ странахъ можетъ взяться тѣнь, когда тамъ въ полдень солнце стоитъ въ зенитѣ, прямо надъ вашимъ теменемъ! Въ полдень въ Египтѣ и я, пишущій это, не видѣлъ своей тѣни, развѣ только часть полей шляпы бросала ее на раскаленную землю.

Еще нѣсколько словъ о знаменитомъ сфинксѣ, величайшемъ изъ всѣхъ сфинксовъ. Это гранитное чудовище, съ туловищемъ льва, съ головою человѣка, какъ извѣстно, имѣетъ болѣе ста футовъ длины отъ переднихъ лапъ до начала хвоста. Вышину-же его трудно опредѣлить, потому-что чудовище почти все засыпано сыпучими песками Сахары. Но вообще о громадности его можно судить хотя-бы по тому, что одно лицо его отъ подбородка до верха лба имѣетъ около $4^1/_2$ саженъ. Между передними лапами чудовища помѣщается цѣлый храмъ, нынѣ засыпанный, а у входа въ него—

гранитные львы. Теперь видна только голова этого чудовищнаго исполина, шея и часть плечъ. «Огромное лицо его—говоритъ Муравьевъ—обезображено людьми, отбившими носъ его, и временемъ, отъ котораго камень растрескался и весь въ глубокихъ морщинахъ, какъ будто-бы и сіе чудовище почувствовало свои годы и состарѣлось въ кругу пирамидъ».

Покойный Сенковскій, даровитый оріенталистъ и остроумный критикъ, бывшій у пирамидъ, слышалъ отъ мѣстныхъ арабовъ, что сфинксъ этотъ бережетъ большой кладъ. Другіе увѣряли, что это чудище—«дядя франковъ», которые будто-бы отъ него происходятъ и потому съѣзжаются со всѣхъ мѣстъ, чтобы поклониться каменному дядюшкѣ, которому и я намѣревался сдѣлать визитъ. Но вообще арабы говорятъ, что въ головномъ отверстіи сфинкса сидятъ «гоули»—чертополохи, и многіе якобы видѣли ихъ.

«Нельзя выразить,—говоритъ Муравьевъ,—какое странное впечатлѣніе производитъ на сердце зрѣлище сей исполинской природы человѣка; но оно болѣе похоже на отвращеніе (нѣтъ—я этого не скажу: на меня исполинскіе, какъ-бы задумчивые глаза колосса произвели глубокое впечатлѣніе—не странное, а скорѣе похожее на грусть, на тоску о погибшихъ силахъ этой земли чудесъ). Мы можемъ—говоритъ онъ далѣе—постигнуть пирамиды, подобіе горъ, не выходящія изъ круга созданія, но людей привыкли только видѣть исполинами нравственными, необъятныхъ душою, а не тѣломъ. Что-же было-бы, еслибъ цѣлый сфинксъ исторгнулся изъ груды песковъ, какъ въ древніе вѣка египтянъ? Но здѣсь онъ у мѣста, на рубежѣ пустынь, какъ-бы прикованный къ подошвѣ пирамидъ. Грозное лицо его нужно, чтобы довершить въ душѣ изумленіе. И какому другому стражу могла-бы настолько вѣковъ повѣрить древность свои пустынныя громады, отъ величія коихъ нынѣ отрекаются люди своею ничтожностью!»

А. С. Норовъ, одинъ изъ извѣстныхъ знатоковъ Востока, впослѣдствіи бывшій министромъ народнаго просвѣщенія, посѣтилъ пирамиды въ 1835 году.

Какія ощущенія волновали его передъ тѣмъ, какъ онъ рѣшился наконецъ приблизиться къ этимъ великимъ памятникамъ, можно видѣть изъ слѣдующаго: «Всякій разъ—говоритъ онъ—когда я выходилъ

изъ Каира дышать бальзамическимъ воздухомъ въ тѣни пальмовыхъ рощъ или бродить въ гробовомъ городѣ калифовъ и по нагимъ скаламъ Мокатама,—отвсюду взоры мои были привлечены, какъ магнитомъ, пирамидами. Сколько вѣковъ легло на ихъ раменахъ! Сколько поколѣній угасло передъ ними! И, наконецъ, они сдѣлались нагробнымъ символомъ всего Египта! Мысль, что это есть древнѣйшее созданіе рукъ человѣческихъ, что самое время, всепоглощающее, забыло о нихъ, что ихъ видѣли Іосифъ, Моисей, и что теперь вижу ихъ я,—эта мысль приводила меня въ какое-то изступленіе!»

Признаюсь, я въ «изступленіе» не приходилъ, но чувствовалъ глубокое волненіе.

«Имѣя пирамиды постоянно въ виду—продолжаетъ Норовъ—на пути къ нимъ отъ Джизе, достаточно этого времени, чтобы возвести воображеніе до высшей степени восторга. Приближаясь къ нимъ, я чувствовалъ то волненіе, которое всегда овладѣвало мною при зрѣлищѣ необыкновенной природы,—такъ приближался я къ грозной вершинѣ Этны; но еслибъ кто мнѣ возразилъ, что дѣло рукъ человѣческихъ не есть природа,—я скажу ему, что эти громады выходятъ уже изъ области людей; вѣка слили ихъ уже съ самою природою... Солнце только-что вставало, когда мы выѣхали изъ пальмовой рощи Джизе. По странному случаю, въ первый день новаго года, я въ первый разъ предпринялъ путь къ пирамидамъ. Синія груды ихъ только-что позлатились на макушкахъ розовымъ свѣтомъ дня; вотъ почти милліонъ-пятисотъ-тысячный разъ, какъ они видятъ восходящее солнце! подумалъ я. То-же безоблачное небо, тѣ-же пустыни, тотъ-же Нилъ, съ того времени, какъ они поставлены на вѣчную стражу Египта: но сколько царствъ и народовъ смѣнились передъ ними!»

Норовъ, не подъѣзжая къ пирамидамъ, прежде всего приблизился къ сфинксу. Сначала было онъ принялъ его за груду развалинъ: «какъ вдругъ онъ предстаетъ лицомъ къ лицу, вперивъ огромныя очи на изумленнаго пришельца»... «Ни одинъ изъ нашихъ европейскихъ рисунковъ не можетъ дать настоящаго понятія ни о пирамидахъ, ни о сфинксѣ; напримѣръ, во всѣхъ картинахъ черты сфинкса уродливы, межъ тѣмъ какъ въ натурѣ они

исполнены высокой задумчивости; эта задумчивость, чѣмъ болѣе вы на него глядите, переходитъ къ вамъ въ душу, приготовляетъ васъ къ чему-то сверхъестественному и дѣлаетъ приближеніе къ пирамидамъ истинно торжественнымъ. Здѣсь все говоритъ вамъ о мірѣ *быломъ*, о мірѣ чудесъ!.. Этотъ давній придверникъ, глубоко засыпанный прахомъ столькихъ поколѣній, подъемлетъ изъ него колоссальную главу свою и давно, давно глядитъ на святой Востокъ. Тайна, крѣпко смежающая уста его, не престанетъ-ли быть тайною, если знаменіе креста заблеститъ нѣкогда съ высотъ пирамидъ для черныхъ обитателей береговъ Нила?.. Мысль эта утѣшительна!»

Едва-ли!—Не постигла-ли бы тогда пирамиды, чуть-ли не единственный въ мірѣ памятникъ, сохранившій свою типическую оригинальность, та же участь, какая постигла дивныя мѣста, гдѣ совершилось величайшее въ исторіи жертвоприношеніе, — тѣ мѣста, гдѣ Спаситель выстрадалъ предсмертную агонію наканунѣ смерти, — тѣ масличныя деревца, «тѣни которыхъ—по выраженію одного французскаго путешественника, бывшаго въ Іерусалимѣ почти въ одно время со мною,— укрывала дивныя, божественныя слабости Богочеловѣка»,—ту пещеру, въ которой онъ молился до кроваваго пота (*этотъ* якобы потъ францискане богохульственно *нарисовали* теперь на камняхъ чудной пещеры!), — наконецъ Голгоѳу, на которой онъ былъ распятъ?.. Изъ этихъ священныхъ реликвій усердіе шарлатановъ ничего не оставило не оскверненнымъ, не изуродованнымъ. То же могло бы быть и съ пирамидами.

Плиній пишетъ, что, по народному преданію, подъ сфинксомъ былъ погребенъ царь Амазисъ. Между тѣмъ на груди сфинкса, на мраморной доскѣ, среди гіероглифовъ читаютъ имя фараона— Тутмозиса III.

Норовъ утверждаетъ, что для того, чтобы видѣть всю громадность пирамидъ, «надобно стать не на углахъ пирамиды, а посрединѣ одной изъ ея сторонъ, противъ перпендикуляра, спущеннаго отъ макушки на основаніе. Тутъ огромность ея подавляетъ самое воображеніе; хотя эти отесанные камни показываютъ трудъ чьихъ-то рукъ, но вы едва вѣрите, чтобъ это было сдѣлано ру-

ками человѣческими: все это кажется вамъ сверхъестественнымъ для человѣка. Для сооруженія такой массы, воображеніе ваше подымаетъ изъ праха уже цѣлыя поколѣнія и невольно переноситъ васъ въ міръ идеальный. Одинъ древній писатель (Philo Byzant.— De septemoribis spectac.), говоря о пирамидахъ, воскликнулъ: «Конечно, посредствомъ ихъ люди восходили къ богамъ, или боги нисходили къ людямъ!»

Норовъ, при восхожденіи на пирамиду, совѣтуетъ—«меньше оглядываться назадъ и продолжать путь, хотя съ отдыхомъ, но не смотрѣть внизъ, потому что высота кружитъ голову». Спускъ съ пирамиды онъ считаетъ труднѣе и совѣтуетъ сходить оттуда задомъ, и опять таки затѣмъ, «чтобъ высота не вскружила головы и чтобы не споткнуться: уже нѣсколько человѣкъ заплатили за этотъ сходъ своею жизнію». Я, напротивъ, нашелъ, вопреки увѣренію Норова, что спускаться гораздо легче, чѣмъ всходить, и я спускался, глядя внизъ.

Извѣстно, что высота пирамиды Хеопса такова, что весь храмъ св. Петра въ Римѣ, считая тутъ и крестъ, свободно помѣстится въ эту пирамиду. Нашъ Исакіевскій соборъ своимъ крестомъ досталъ бы немного болѣе половины Хеопса.

Наконецъ — какова панорама должна представляться глазамъ съ вершины этого гиганта?—«Видъ съ высоты пирамиды торжественъ (говоритъ Норовъ). Вся, священная въ древности, Дельта, образованная расходящимися рукавами Нила, лежитъ передъ вами на сѣверѣ; она испещрена селеніями, пальмовыми рощами и яркою зеленью полей, рѣзко обрисованныхъ на тучномъ черноземѣ Нила. Этотъ Нилъ теряется какъ-бы въ вѣчности, протягиваясь блестящею полосою на сѣверъ и на югъ. Съ востока—весь Каиръ, съ купами мечетей, прислоненъ къ скаламъ Мокатама; далѣе—цѣпь горъ Аравійскихъ заслоняетъ библейское море—Чермное, которое безъ того могло-бы быть видно, находясь менѣе ста верстъ отъ пирамидъ. Югъ и западъ обречены смерти; безконечные пески ливійскіе уходятъ за горизонтъ, на западъ отъ пирамидъ; макушка второй пирамиды, еще увѣнчанная мраморомъ, кажется въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ. На югѣ цѣлыя группы другихъ пирамидъ идутъ по направленію къ исчезнувшему въ пескѣ и

подъ лѣсомъ пальмъ—Мемфису. Гробы пережили столицу фараоновъ! Усталость физическая и умственная отъ воспоминаній, подавляющихъ воображеніе, заставила меня провести около двухъ часовъ на вершинѣ пирамиды. Тутъ я прочелъ множество именъ путешественниковъ всѣхъ вѣковъ, начертанныхъ на камняхъ; имя Наполеона, какъ по своей громкости, такъ и по крѣпкой рѣзьбѣ, бросается въ глаза...» Норовъ «имѣлъ слабость присоединить и свое имя къ несчетному числу другихъ, не съ тѣмъ, чтобъ кто-нибудь его прочелъ, а какъ-бы для того, чтобъ оставить свой бренный слѣдъ на такомъ памятникѣ, который въ соперничествѣ съ существованіемъ земли».

И неужели-же завтра я увижу все это?

XII.

На вершинѣ пирамиды Хеопса.

Я проснулся раньше условленнаго часу—часу во 2-мъ ночи—и все пережитое и перечувствованное мною наканунѣ, да и во всѣ предшествовавшіе дни мѣшало мнѣ вновь заснуть. Бурная ночь на Черномъ морѣ, туманъ, ревъ парохода, грекосъ, разсказывающій, какъ ихъ спасъ ночью пѣтухъ съ «балсимъ голосомъ», троянская земля, слѣпой Гомеръ, гекзаметръ о мѣстѣ его родины...

Smyrna, Rhodos, Kolophon, Salamis, Chios, Argos, Athaenai...

Стукъ въ дверь прервалъ мои историческія грезы.

Я всталъ и отворилъ окно. На меня глянула мрачная южная ночь, и только звѣзды мерцали на темномъ фонѣ неба, надъ безкрышими домами и минаретами, которыхъ тонкія иглы чуть-чуть темнѣли кое-гдѣ надъ спящимъ городомъ.

Черная, непроглядная южная ночь, о какихъ на сѣверѣ не имѣютъ понятія! А мнѣ приходилось одному, съ неизвѣстнымъ египтяниномъ, ѣхать въ этомъ мракѣ куда-то за-городъ, къ Сахарѣ, къ пирамидамъ. Чувство страха невольно смущало взволно-

ванную мысль. Я вспомнилъ о своемъ револьверѣ, купленномъ на дорогу еще въ Одессѣ и до сихъ поръ остававшемся незаряженнымъ. Надо его зарядить и взять съ собой—«на всякій случай». Пробую зарядить—пули не подходятъ, коническія—не по казенкѣ, нѣсколько крупнѣе...

Тутъ только я припоминаю странныя улыбки мошенниковъ грековъ, продававшихъ мнѣ въ Одессѣ этотъ револьверъ и подсунувшихъ мнѣ неподходящія къ нему пули. Они, должно быть, приняли меня за стараго еврея. А какъ тогда совершался въ Одессѣ «еврейскій погромъ», и московскіе добровольцы сидѣли уже на баржахъ, то грекосы и вообразили, что я, старый Сруль какой-нибудь или Ааронъ, струсилъ погрома и покупаю себѣ револьверъ для защиты. Вотъ тутъ-то мошенники грекосы, эти одесскіе Одиссеи, и вздумали подшутить надо мной. «Пусть-де старый чортъ попробуетъ стрѣлять нашими пулями—никого не убьетъ, да и его никто убить не захочетъ...»

Такъ я и не могъ зарядить свой револьверъ, собираясь на пирамиды, и взялъ его незаряженнымъ — опять-таки «на всякій случай».

Я наскоро одѣлся, захватилъ съ собой немного денегъ—только для расплатъ у пирамидъ, взялъ папиросы, спички, палку, пледъ и вышелъ изъ отеля. Шумный городъ спалъ. Петербургъ такъ не умѣетъ спать, какъ спятъ по ночамъ восточные, даже шумные днемъ города. Экипажа, на которомъ я долженъ былъ ѣхать къ пирамидамъ, еще не было у подъѣзда, и когда моя черномазая горничная, милѣйшій Ахметъ, побѣжалъ за коляской на ближайшій извощичій дворъ, я сѣлъ на чугунный рѣшетчатый диванчикъ, у подъѣзда отеля. Тихо въ городѣ—совсѣмъ мертво. Недалеко стоятъ два черныхъ полицейскихъ и тихо о чемъ-то разговариваютъ. Днемъ они были въ бѣлыхъ кителяхъ, какъ всѣ египетскіе солдаты, въ фескахъ и при сабляхъ, а на правомъ рукавѣ у нихъ, выше локтя, вышиты названіе части, квартала и номеръ. Теперь на нихъ накинуты черные плащи. Тихо, едва слышно стуча колесами по шоссейной мостовой, проѣхала коляска; но это была не моя. Саисъ дремалъ, покачиваясь на козлахъ рядомъ съ бѣлой фигурой кучера. Какая-то феска шла по улицѣ, кого-то въ чемъ-

то упрекая или урезонивая, а за нею слѣдовали маленькіе нубійцы съ своими осликами. Феска подошла къ полицейскимъ и что-то сказала имъ, показывая на нубійцевъ. И мальчики подошли, видимо въ чемъ-то оправдываясь. По голосамъ слышно было, что полицейскіе говорили съ ними спокойно, не грубо, а совсѣмъ ласково. Видимо заявлялась какая-то претензія на мальчиковъ. Скоро мальчики сѣли на своихъ осликовъ и скрылись въ темнотѣ.

По улицѣ бродили собаки, тихо, лѣниво, безъ лая. Имъ не на кого лаять: здѣсь, среди этого чудеснаго народа, не бываетъ воровъ—не на кого ни людямъ, ни собакамъ сердиться и некого подозрѣвать. Кое-гдѣ сонными голосами перекликались пѣтухи и напоминали мнѣ далекую русскую деревню.

Простучалъ и мой экипажъ и остановился у подъѣзда. На козлахъ что-то бѣлое, длинное, какъ мраморная статуя; но лица не видать—черно какъ ночь. Я молча сѣлъ въ коляску и прикрылся пледомъ: было свѣжо; подувалъ съ милаго сѣвера—о! теперь милый, а прежде, издали, былъ милъ только югъ—съ милаго сѣвера вѣтерокъ подувалъ—летѣлъ въ Нубію, въ Абиссинію. Боязно какъ-то—нѣтъ, почему-то скорѣе грустно было. Я плотнѣе кутался въ свой пледъ. Сначала улицы были знакомыя, хорошо освѣщенныя газомъ. Ѣхали мимо сада, мимо того грота, наверху котораго мнѣ вчера страшно стало, мимо роскошнаго «New Hôtel», на фронтонѣ котораго, на шпицѣ, сидѣла днемъ ворона, усѣвшись на самомъ полумѣсяцѣ, и каркала на сѣверъ. Я и теперь хотѣлъ оріентироваться по звѣздамъ—и не могъ: млечный путь лежалъ поперекъ неба; созвѣздія и звѣзды точно опрокинулись, и я не находилъ знакомыхъ—ни Атаира, ни самого Лебедя, ни Лиры съ Вегою, ни даже Кассіопеи. Я искалъ полярную звѣзду—и тоже не находилъ. Но мнѣ казалось, что ѣдемъ больше къ югу. На улицахъ уже ни души, и даже полицейскихъ не видно совсѣмъ. Да и зачѣмъ они тутъ, гдѣ люди не знаютъ ни паспортовъ, ни воровства? — Тянутся въ причудливыхъ очертаніяхъ дома, башни, стѣны, какая-то темная, зловѣщая зелень, не то мрачныя чудовища изъ катакомбъ, а межь ними выступаютъ къ темному небу гигантскія пальмы съ своими шапками чалмовидными, съ огромными перьями. Улицы гладкія, чистыя—это не узкія расщелины

стараго Мемфиса, а новая, цивилизованная часть столицы фараоновъ. Въ одномъ мѣстѣ, впереди, во мракѣ шумитъ что-то. Не Нилъ-ли?—Нѣтъ. Это нубійцы поливаютъ улицу, сидя на большихъ зеленыхъ ящикахъ съ отверстіями для орошенія мостовой: съ трехъ часовъ ночи поливаютъ улицы—ждутъ знойнаго дня.

Долго ѣдемъ. Кажется, и конца нѣтъ городу. Я молчу и мой негръ молчитъ. Да и какъ-бы уроженецъ береговъ тихаго Дона могъ объясняться съ уроженцемъ береговъ «желтаго Нила», можетъ быть Нубіи, а то и еще южнѣе!—Я закурилъ папиросу, а другую подалъ ему—задабриваю нѣмого спутника. Онъ поднялъ руку къ сердцу, къ головѣ—благодаритъ молча. Мигаетъ только огонекъ отъ папиросокъ, да звѣзды мигаютъ съ южнаго неба.

Въ темнотѣ вырисовывается что-то громадное, длинное. Оказывается—квадратное зданіе со множествомъ оконъ. Не казармы-ли?—Чему-же и быть такому громадному, безъ трубъ и безъ украшеній, какъ не казармамъ? — Какая-то гигантская фигура впереди. Ближе и ближе — вглядываюсь — фонарь освѣщаетъ массивную фигуру статуи льва, съ высокаго пьедестала взирающаго на городъ. Оглядываюсь — слѣва другой такой-же. На что-то въѣхали и глухо застучали колесами. Вижу — перила, фермы, мостовыя. Это мостъ черезъ Нилъ, думаю. Но Нила не видать въ темнотѣ, не блеститъ вода изъ-за частыхъ фермъ—не сверкаетъ мутный Нилъ. Долго ѣдемъ мостомъ. Вотъ опять по бокамъ львы съ освѣщенными свѣтомъ фонарей мордами; но эти величавыя морды глядятъ уже изъ города, въ мрачную даль, въ невѣдомую пустыню.—Кончился мостъ. Я опять оглядываю небо: отыскиваю Большую и Малую Медвѣдицу, полярную звѣзду—какъ низко она здѣсь стоитъ надъ землей!—Нахожу и Вегу, и Лиру, и Атаиръ. Я понялъ, что мы ѣдемъ на югозападъ. Но вотъ свернули на юговостокъ или скорѣе—на югъ, въѣхали въ мрачную аллею какихъ-то гигантскихъ деревьевъ, идущихъ вдоль шоссе и окутывающихъ его своею густою листвою, какъ шатромъ. Хоть-бы клокъ неба!—Но это не пальмы. Становится еще страшнѣе. Вглядываюсь влѣво—смутно, какою-то полоскою блеститъ вдоль дороги бѣловатая лента воды и тянется безъ конца, кажется. Что это за вода?—Должно быть одна изъ безчисленныхъ оросительныхъ кана-

вокъ, идущихъ отъ Нила и отъ всѣхъ его рукавовъ и мелкихъ «отногъ». Вправо отъ дороги виднѣются большія, высокія каменныя стѣны и тоже тянутся безъ конца. Изъ-за нихъ высятся деревья, пальмы, темная невѣдомая зелень. Сѣрѣются зданія: по очертаніямъ видно, что это загородные дворцы вице-королей, пашей и другихъ счастливцевъ, на которыхъ работаютъ милліоны этихъ милыхъ, жалкихъ и симпатичныхъ египтянъ, нубійцевъ, негровъ. На востокѣ ярко горитъ утренняя звѣзда. Долго ѣдемъ. Я все напрасно вглядываюсь въ темную даль. Гдѣ-же пирамиды?—прямо-ли, въ бокъ-ли куда?—Опять закуриваю папироску, кутаюсь въ пледъ, силюсь вспомнить далекій свой край, все родное и милое. Снова поворачиваемъ—вправо. Что-то темнѣется слѣва; вглядываюсь—какія-то зданія, стѣны, а на землѣ распростертыя фигуры,—это спящіе люди: нечего имъ укрываться отъ ночного холода, какъ у насъ на сѣверѣ, хотя ночь довольно свѣжа.

Гдѣ-то вблизи залаяли собаки, услыхавъ стукъ экипажа. Голосъ ихъ точно знакомый. Тихо опять—ѣдемъ дальше и дальше. Мой негръ кого-то окликаетъ въ темнотѣ. Мнѣ виднѣется только его бѣлая фигура, точно въ саванѣ, да чернѣется маленькая курчавая голова въ фескѣ съ полуприкрытымъ чѣмъ-то бѣлымъ затылкомъ. Вырисовывается высокая, темная, словно фантастическая фигура верблюда, другого, третьяго—цѣлый караванъ—а вдали тоскливо позвякиваетъ колокольчикъ—этотъ характерный голосъ пустыни. И насъ окликаютъ бѣлыя фигуры, идущія рядомъ съ верблюдами или взмостившіяся на ихъ горбы. Странно обрисовываются во мракѣ ихъ чалмы и бѣлые бурнусы. Мой негръ что-то отвѣчаетъ имъ.

Другой караванъ, третій, четвертый... Колокольцы замираютъ во мракѣ. А кони все бѣгутъ ровною рысцой, а кругомъ все темно. Плотнѣе завертываясь въ пледъ, я роняю изъ коляски свою палку, трогаю за локоть негра, показываю, что надо остановиться. Останавливаемся. Ощупываю въ темнотѣ дорогу—нѣтъ палки—а жаль ее: это память о моихъ странствіяхъ на Кавказѣ... Эту палку подарили мнѣ на память восхожденія на Машуку...

Палка наконецъ найдена. Опять ѣдемъ дальше. Теперь мнѣ ясно видно, что ѣдемъ на западъ—значитъ, въ степь, къ Сахарѣ.

По сторонамъ все тѣ-же ряды темныхъ деревьевъ, но уже рѣдкіе. Переѣзжаемъ черезъ что-то: узнаю рельсы — это должна быть желѣзная дорога. Но куда?.. Дальше и дальше—ѣдемъ уже болѣе часа хорошею рысцою пары неистомленныхъ арабскихъ коней. Я вспоминаю что-то, но все это проносится обрывками, въ летучихъ образахъ—далеко все это, очень далеко—даже Патмосъ остался далеко гдѣ-то среди фіолетоваго моря... Маленькое личико леди Викторіи—юный лордъ съ метлой — ночь, буря... Петербургъ, Павловскъ, музыка прошлаго лѣта. Пуфгольдтъ — «пуфгольдятина»—«Königin von Saba»—лебеди въ пруду—розовый павильонъ — палевыя сѣверныя ночи... Князь Радзивилъ - Сиротка... Арабы, нападавшіе на него триста лѣтъ назадъ... Какъ давно все это было!.. И онъ ѣхалъ тутъ на осликахъ, и онъ взбирался на пирамиды—и Норовъ тутъ-же ѣхалъ...

Синѣетъ небо—свѣтлѣе становится. Вдругъ впереди, на синѣющемъ уже горизонтѣ, у дороги, вырисовываются какія-то бѣлыя фигуры. Опять эти привидѣнія! Опять мертвецы въ саванахъ!.. Когда экипажъ поровнялся съ этими привидѣніями, они, протягивая изъ своихъ савановъ руки, стали бѣжать за коляской и что-то тихо, точно шепотомъ говорить... Это ночью-то и въ степи!.. Страшно что-то... Мой негръ сталъ махать на нихъ своимъ длиннымъ бичомъ—тѣ не отставали, что-то повторяя на-бѣгу. По легкому бѣгу я узналъ эти «крылатыя ноги» нубійцевъ и арабовъ. Я полѣзъ въ карманъ и, захвативъ нѣсколько египетскихъ піастровъ, сунулъ ихъ въ протянутыя руки. Фигуры продолжали бѣжать за мною и тихо повторять что-то. Но это были не дѣти, не подростки-саисы, а большіе, высокіе. Нѣсколько верстъ они бѣжали за нами—я слышалъ ихъ тяжелое дыханіе—не шутка вѣдь пробѣжать нѣсколько верстъ!—Я догадался, что они провожаютъ насъ къ самимъ пирамидамъ.

Небо и окрестности болѣе и болѣе сѣрѣли. Въ просвѣты виднѣлись впереди какіе-то точно холмы. Не пирамиды-ли?—Да, это онѣ: я это чувствую, сознаю глубоко, хотя еще не вижу ясно. Точно робость и страхъ передъ величіемъ несокрушимой вѣками древности заползали въ душу—я все настойчивѣе вглядывался... А бѣлыя фигуры все бѣжали за нами, и уже не съ одной, а съ

обѣихъ сторонъ. Я снова всѣмъ сую на-бѣгу по піастру—бормочутъ что-то и опять бѣгутъ... Что за легкость и сила мускуловъ! — И не больно босыми ногами ступать по щебеночному грунту шоссе!

Но вотъ ясно показались великіе мертвецы. Такъ вотъ они—нетлѣнныя историческія мощи!.. Но они казались не гигантами, а не особенно большими холмами... Точно «казацкія могилы»—только не «казацкія», а «царскія...» Значитъ—далеко еще до нихъ.—Забѣлѣлись какія-то стѣны—цѣлое зданіе — и не одно—ввидѣ бѣлыхъ кубовъ... Подъѣзжаемъ ближе — это бѣлѣется зданіе, устроенное вице-королемъ Египта на случай пріѣздовъ къ пирамидамъ знатныхъ гостей; но въ зданіи никто не живетъ, хотя во время зноя вы можете укрыться на время въ этомъ помѣщеніи какъ въ отелѣ.

Подъемъ влѣво по глубокому сыпучему песку между каменными стѣнами. Лошади съ трудомъ тянутъ экипажъ по этому песку, нанесенному изъ Сахары и уже засыпавшему основанія пирамидъ. Колеса грузнутъ въ пескѣ по ступицы. Я выхожу изъ коляски, чтобъ облегчить лошадей, тоже грузнущихъ въ пескѣ. Дальше ѣхать нельзя — лошади останавливаются. Я поднимаю глаза—пирамиды передо мною. Ясно видно—уже свѣтло становится. Да, это гиганты—сѣрые, величественные, не тѣ, что я видѣлъ на изображеніяхъ. Это живые великаны. Надо загибать голову, чтобы глядѣть на нихъ. Я иду дальше, увязая въ пескѣ. Фигуры, бѣжавшія за мною нѣсколько верстъ уже, обступаютъ меня, бормочутъ что-то. Я различаю англійскія, французскія, итальянскія и всевозможныя слова. Меня хватаютъ подъ-руки какъ архіерея, ведутъ по песку, но я уклоняюсь, смѣюсь.

— Легче, братцы,—я не хуже васъ умѣю ходить.

Улыбаются, заглядываютъ мнѣ въ глаза, въ ротъ, на сѣдую мою бороду—ну точно деревенскія дѣти—видимо дивуются и изучаютъ меня.

— Инглизъ, мосьё—франсѐ?..

— Не угадали, мурины эдакіе!

Плечами пожимаютъ—не понимаютъ моего языка: значитъ—не инглизъ, не французъ, не итальянецъ—кто-же?

Просятъ дать понести мой пледъ, палку. Я все уклоняюсь, киваю головой, благодарю, смѣюсь—смѣются и они, скалятъ бѣлые какъ кипень зубы и сверкаютъ огненными глазами.

Мы уже почти у подножія первой, самой большой пирамиды—Хеопса.

— Шейхъ... шейхъ, шепчутъ.

— Le chef, переводятъ другіе.

Навстрѣчу важно двигается бѣлая фигура, драпированная еще чѣмъ-то чернымъ, въ чалмѣ—ну, точь-въ-точь Авраамъ и Іаковъ ветхозавѣтный.

— Шейхъ... шейхъ...

Ветхозавѣтная фигура приближается ко мнѣ. Угольно-черное лицо, черная какъ смоль борода, яркіе съ большими бѣлками глаза.

Я по восточному обычаю прикладываю руку къ сердцу и ко лбу. Мнѣ отвѣчаютъ тѣмъ-же и протягиваютъ руку.

— Bonjour, monsieur... Какъ господинъ прикажетъ говорить—на какомъ языкѣ? спрашиваютъ меня по-французски.

— На французскомъ.

— Очень радъ—какъ вамъ угодно.

Тѣ, что бѣжали за мной, успѣли уже овладѣть моимъ пледомъ.

— Желаетъ господинъ взойти на пирамиду? спрашиваетъ шейхъ.

— Да, непремѣнно.

— Къ восходу солнца господинъ будетъ уже наверху.

— Я очень желалъ-бы этого.

Бѣгуны мои, которыхъ оказалось семь человѣкъ и которые, ясно, ждали меня на дорогѣ, ибо вышли еще ночью въ ожиданіи какого-нибудь путешественника,—видимо начинаютъ торопить меня, чтобъ тотчасъ-же подняться на пирамиду. Перебивая другъ дружку, они стараются объяснить мнѣ, какъ хорошо будетъ увидѣть съ высоты восходъ солнца, Каиръ, Нилъ, Сахару.

— C'est très curieux... le soleil...

— Et Caïre, et Sakhara...

Я прошу ихъ не горячиться, смѣюсь. Говорю, что надо минуточку передохнуть передъ началомъ восхода—не сгоряча-же.

— Oui, oui — doucement, doucement, повторяютъ изъ нихъ болѣе сдержанные.

— Именно—doucement, братцы—такъ-то лучше.

Я сажусь на камень, чтобъ передохнуть послѣ сыпучихъ песковъ. Для меня становится все это драгоцѣннымъ—и песокъ Сахары, въ которомъ вязнутъ мои петербургскіе сапоги, и кавказская палка, и эти камни, на которые я присѣлъ: это у меня подъ ногами—цѣлая исторія, которой не прочитаешь ни въ какой книгѣ и не найдешь даже въ Британскомъ музеѣ.

Утро становится свѣтлѣе. Передо мной разстилается равнина. Виднѣются пальмы. Тамъ Каиръ, Нилъ; но ихъ не видать.

Передохнувъ, я взглядываю наверхъ—запрокидываю голову—страшно высоко, и вблизи—совсѣмъ отвѣсно... Какъ туда лѣзть?—Надъ головой гигантскими ребрами выступаютъ каменныя плиты—это титаны ихъ наворотили.

Меня торопятъ идти—скоро солнце начнетъ всходить.

Я взглянулъ на часы—еще нѣтъ четырехъ... Пора однако...

Я мгновенно рѣшаюсь. Я рѣшилъ впрочемъ это очень давно, еще юношей, и все мечталъ о пирамидахъ, не надѣясь ихъ увидѣть. У меня успѣли побѣлѣть волосы, пожелтѣть борода—а я все не видѣлъ пирамидъ. Скоро можетъ быть я ничего не буду видѣть... И вотъ я у пирамидъ... Я долженъ взойти на нихъ!..

Я пошелъ къ первымъ каменнымъ выступамъ, вкось, и поднялся, точно по карнизу, къ южному ребру пирамиды. У меня арабы, полѣзшіе со мною, взяли изъ рукъ палку—пледомъ они давно завладѣли, и при первомъ-же выступѣ громадной плиты, на которую я долженъ былъ взбираться, завладѣли и моими руками. Я долженъ былъ моими руками держаться за руки двухъ арабовъ, которые лѣзли впереди и встаскивали за собою меня, чтобъ моимъ ногамъ легче было взбираться на гранитныя плиты, иногда, и почти всегда впрочемъ, вышиною по поясъ. Другіе арабы подталкивали или приподымали меня сзади, за талью, за бока, что совсѣмъ мнѣ не помогало; напротивъ, ихъ рвеніе даже мѣшало мнѣ, волновало меня и утомляло, ибо я чувствовалъ, что ни руки мои, ни ноги, ни даже воля—не свободны, и что самъ я, быть можетъ, легче, хотя медленнѣе, взбирался-бы на эту историческую высоту, а тутъ, при суетливости моихъ добродушныхъ тирановъ, я боялся,

что могу потерять равновѣсіе, оступиться—и это чувство волновало меня, утомляло, бросало въ жаръ.

— Да отвяжитесь вы, черти! отпустите душу!

— Doucement, doucement...

Но отдѣлаться отъ нихъ, какъ отъ смерти, невозможно!

Тамъ, гдѣ обыкновенно взбираются на пирамиду, ясно видны слѣды ногъ: бѣловатая поверхность плитъ и ребра ихъ потерты, уступы вылощены босыми ногами, сапогами, цѣпляющимися за камни руками. Есть мѣста—на особенно большихъ и высокихъ плитахъ—гдѣ видно, какъ сотни тысячъ, а можетъ быть и милліоны босыхъ и небосыхъ ногъ пробили въ камняхъ подобіе углубленій, гладко отполированныхъ; но все-таки камни почти не потерты—такъ они тверды: вѣка ихъ не тронули, не обшмыгали, не истерли... Я помню восхожденіе на минаретъ главной мечети въ Бахчисараѣ, что у ханскаго дворца: тамъ, внутри этого минарета, по винтовой каменной лѣстницѣ, скорѣе напоминающей узенькій бездонный колодезь съ каменными ступеньками—тамъ эти ступеньки совсѣмъ стерлись, точно слизаны, и нога съ трудомъ можетъ упираться въ нихъ, и то лишь благодаря тому, что вы руками держитесь за внутренній столпъ, точно за мачту. Здѣсь-же почти ничто не потерто и не обшмыгано милліонами ногъ... Такъ безсильно все противъ этого памятника работы невѣдомыхъ титановъ!

Мои мучители усердствуютъ страшно, болтаютъ на всѣхъ вавилонскихъ языкахъ, и все помогаютъ и утомляютъ меня. Я чувствую, что усталъ — жарко, дышать трудно, хотя утро очень свѣжее.

— Monsieur est fatigué—fatigué, болтаютъ мои мучители.

— Да, fatigué—съ вами поневолѣ устанешь.

Я присаживаюсь на ближайшемъ ко мнѣ уступѣ, чтобъ перевести духъ. Мучители обступаютъ меня и хлопочутъ вокругъ меня съ материнскою нѣжностью: одинъ приставляетъ къ моему рту узенькое горлышко своего кувшина — кувшина той неизмѣнной формы, которая какъ-бы исторически застыла и попадается на всѣхъ древнихъ изображеніяхъ, на горельефахъ, на колоннахъ, на головахъ сфинксоподобныхъ женщинъ; я отказываюсь отъ его воды—я хочу дышать, а не пить; я хочу оглядѣться въ этомъ

полетѣ на высоту одного изъ первыхъ «чудесъ свѣта...» Другой мучитель, любовно заглядывая мнѣ въ глаза, говоритъ, что онъ— почти что «le docteur», и беретъ меня за сапоги, вытягиваетъ мои ноги и третъ въ сгибахъ колѣнокъ, увѣряя, что отъ этого тренія скоро пройдетъ моя усталость. Но я собственно не усталъ, а мнѣ жарко—меня измаяло усердіе моихъ ясноглазыхъ Абдъ-эль-Кадеровъ... «Le docteur... ce ça...

— Какъ докторъ? откуда?

— C'est mon frère, qui est le docteur...

Его братъ, видите-ли, гдѣ-то докторомъ у арабовъ, а можетъ просто знахарь,—и вотъ этотъ черномазый воображаетъ, что и онъ можетъ править мои ноги!..

Заглядываютъ любовно въ глаза, бормочутъ, нѣжно гладятъ мою спину, плечи, руки, дивуются на мою сѣдую длинную бороду, спрашиваютъ—далеко-ли Россія, холодно-ли теперь тамъ, глубоки-ли снѣга...

Я боюсь глянуть внизъ—голова кружится, а мнѣ еще такъ далеко взбираться на эту каменистую громаду. Я гляжу вдаль, дальше отъ страшнаго памятника—на пустыню, на Каиръ, закутанный утреннею дымкою.

А надо выше и выше... Поднимаюсь, взбираюсь дальше. Мои мучители что-то бормочатъ, тормошатъ рукава моего пальто и мои полы. Я по возможности стараюсь отбиться отъ нихъ, говорю, чтобъ меня не торопили.

— Langsam, langsam, ѳіопы!

Слово это подхватываетъ арабъ-старикъ, уже сѣдой и дряхлый, но вмѣстѣ съ молодыми все время бѣжавшій за моею коляской, а теперь усердно взбиравшійся на пирамиду.

— Langsam, langsam, усердствуетъ онъ, то хватая меня за полу моего пальто и воображая, что этимъ онъ помогаетъ мнѣ, то подхватывая подъ-мышки:—langsam, langsam!

— Doucement! doucement! твердятъ другіе и рвутъ меня на части.

Я уже очень высоко, и вдали и внизу предметы все умаляются...

Надо еще передохнуть...

— Подождите, фараоны,—не трогайте!

Улыбаются любовно. Я сажусь на уступъ плиты. По рѣзкости воздуха чувствую, что возношусь все выше и выше надъ землей... Становится еще страшнѣе на этой торжественной высотѣ...

«И зачѣмъ—сверлитъ у меня въ мозгу—зачѣмъ на старости рѣшился на такое сильное, энергическое ощущеніе!.. Зачѣмъ это дерзкое испытаніе?.. Страшно... Но это—міровой памятникъ, величайшій обломокъ исторіи—и надо его видѣть, надо во что бы-то ни стало... Это все равно почти, что попасть на луну...»

Видя мою задумчивость, и арабы присмирѣли.

Я выпиваю глотокъ воды изъ глинянаго кувшина... Жарко... Жаль, что не взялъ съ собою вина, какъ бралъ на Чатырдагъ... Тогда тоже было страшновато, но не такъ: не было этого отвѣса, буквально отвѣса, хоть издали онъ и незамѣтенъ...

Не надо глядѣть внизъ... Куда-же? Наверхъ?—Но туда еще такъ далеко...

«Иди, иди!» шепчетъ мнѣ упрямая воля.

Я иду дальше... Все жарче и жарче становится, несмотря на пронизывающій меня вѣтеръ... На высотѣ онъ всегда такъ рѣзокъ... Я это испыталъ и на Чатырдагѣ...

Я снова присаживаюсь въ углубленіе между плитами:—это уже третій роздыхъ, хотя очень коротенькій.

Что-то сверкнуло впереди, но далеко, очень далеко... А! это Нилъ... Не надо глядѣть туда, не надо думать о высотѣ...

— Дайте еще глотокъ воды.

Подаютъ кувшинъ... Какъ согрѣлось горлышко въ горячей рукѣ араба!..

— Прикройте меня пледомъ—вѣтеръ...

Прикрываютъ—точно ребенка кутаютъ... Вонъ солнце хочетъ показаться...

— Encore un cinq haleines, monsieur,—un cinq—non plus, твердятъ мои мучители, объясняя, что остается только «пять дыханій» до вершины пирамиды...

«Пять дыханій»—образно...

Я дѣлаю эти «пять дыханій»: по ребрамъ послѣднихъ, круто поставленныхъ камней я всхожу на завѣтную историческую площадку...

Я тутъ наконецъ!.. Глаза мои невольно остановились на песчаной, безконечной равнинѣ... Это была Сахара...

— Алла! Алла! закричали мои мучители.

— Ура!.. ура!.. Носh!.. Нір! Нір! подхватили другіе.

Я стоялъ въ нѣмомъ очарованіи...

XIII.

„Пирамида, еще пирамида, и еще, и еще!..“

Пахнулъ вѣтеръ съ сѣвера — я опомнился... Холодно... На пирамидѣ холодно!..

Я оглянулся кругомъ, боясь глянуть внизъ... Изъ-за нильскихъ горъ-бугровъ медленно выкатывалось солнце... Каиръ разстилался въ какой-то сизой мглѣ, далеко за равниной блестѣли воды Нила, темнѣлись какіе-то островки, гигантскія пальмы казались одинокими, рѣдкими стеблями овса или ячменя съ шапчатыми колосьями...

Такъ вотъ гдѣ я!.. «Я гляжу глазами сорока вѣковъ»—нѣтъ, больше сорока...

Какая страшная даль! — Даль и вправо, и влѣво, и передо мной... Это «царственныя могилы»—далеко видно отсюда мертвымъ глазамъ царственныхъ покойниковъ... Вонъ и «желтый Нилъ, вѣчно чуждый тѣни...» А теперь на немъ утреннія тѣни...

И все это пространство занималъ великій Мемфисъ! Сколько верстъ въ окружности!.. Тутъ и Некрополисъ... А теперь все это стало «городомъ мертвыхъ...» Уарда вспомнилась... Милліоны жизней погребены тутъ...

О, какъ тяжело было у меня на душѣ, и въ тоже время какъ торжественно!.. Я самъ пріобщался къ этому историческому величію...

Сколько кипѣло здѣсь жизни, счастья, страданій — и все это смело время, точно пыль, и остались только вотъ эти пирамиды... Фараоны, Іосифъ, Сезострисъ, Клеопатра... все стало пылью...

Я глянулъ внизъ — еще страшнѣе и величавѣе кажется эта высота...

— Ici, monsieur,—le désert—Sakhara...

Я глянулъ въ сторону пустыни — и сердце сжалось какою-то острою болью: конца нѣтъ мрачной пустынѣ, гдѣ все — одна смерть, безмолвіе могилы, а на рубежѣ этой смерти стоятъ молчаливые стражи—пирамиды... Вотъ, влѣво, точно у меня подъ ногами, высится другая пирамида, меньшая, съ острой верхушкой, а внизу точно обглоданная временемъ... А тамъ еще меньшая, съ высоты кажущаяся совсѣмъ маленькою, а тамъ — малюсенькая... Еще дальше—цѣлый рядъ ихъ, цѣлая фаланга этихъ нѣмыхъ великановъ, безсмертныхъ историческихъ мертвецовъ...

«Гляди—любуйся первый и послѣдній разъ въ жизни», шепчетъ мнѣ какой-то внутренній голосъ...

И я гляжу-гляжу—и все думаю-думаю съ болью въ сердцѣ...

...Сѣрой гремучей змѣею,
Безконечныя кольца влача черезъ илъ,
Въ тростникахъ густолиственныхъ тянется Нилъ;
Города многочленной семьею
Улеглися на злачныхъ его берегахъ;
Блещутъ синія воды Мерида;
Пирамида, еще пирамида,
И еще, и еще,—на широкихъ стопахъ
Опершись, поднялися высоко.
Обелисковъ идетъ непрерывная цѣпь,
Полногрудые сфинксы раскинулись, въ степь
Устремляя гранитное око...

Такая поразительная картина Египта открылась передъ божественными очами Спасителя, когда — какъ сказано въ евангеліи—«поятъ его діаволъ на гору высоку зѣло, и показа ему вся царствія міра и славу ихъ», и когда, несмотря на все величіе и красоту царствъ земныхъ, которыя дьяволъ обѣщалъ отдать во власть Христа, если онъ поклонится ему, Спаситель отвѣчалъ: «отойди отъ меня, сатана!..» Послѣ уже, когда я посѣтилъ Іерусалимъ и проѣзжалъ къ Мертвому морю и Іордану тою пустынею, въ которой постился Христосъ, я видѣлъ и эту «гору высоку зѣло», съ которой дьяволъ показывалъ Христу «вся цар-

ствія міра и славу ихъ»; но и тамъ я не могъ забыть той поразительной картины, которая теперь предстала моимъ очамъ съ вершины пирамиды...

Пирамида, еще пирамида,
И еще, и еще...

И этотъ Нилъ, который—

сѣрой гремучей змѣею,
Безконечныя кольца влача черезъ илъ,—

на необозримое пространство тянется въ густолиственныхъ тростникахъ...

Я отвернулся—я не могъ видѣть всего этого... мнѣ было невыразимо тяжело и грустно... Кругомъ смерть, пустыня и эти великіе мертвецы, а тамъ, въ Каирѣ, жизнь клокочетъ на этой великой могилѣ, музыка гремитъ въ саду, бродятъ живые полногрудые сфинксы, которыхъ я еще вчера видѣлъ.

Площадка, на которой я находился, составляла усѣченное окончаніе пирамиды. Величиною она была въ нѣсколько квадратныхъ саженъ—съ порядочную комнату; но снизу, съ основанія пирамиды и издали, этой усѣченности замѣтить нельзя—такъ огромна въ сравненіи съ этимъ ничтожнымъ отрѣзкомъ вся громадина великаго историческаго памятника. Основаніе площадки составляютъ тѣ же массивныя плиты, изъ которыхъ сложена вся пирамида. Но какъ-бы для возстановленія этого отрѣзка, на площадкѣ утверждены брусья, ввидѣ кроквъ или стропилъ, чтобы по этому жалкому подобію можно было себѣ представить усѣченную верхушку гиганта.

Я присѣлъ на уступѣ одной изъ громадныхъ плитъ и плотно закутался пледомъ. Вѣтеръ, дувшій съ родного сѣвера, продолжалъ пронизывать меня и напоминать о суровыхъ зимахъ Россіи, о далекомъ Петербургѣ и обо всемъ томъ горькомъ и обидномъ, отъ чего я бѣжалъ къ безсмертнымъ пирамидамъ, къ сыпучимъ пескамъ Сахары, на сожженные солнцемъ холмы Палестины.

Мои милѣйшіе черномазые преслѣдователи размѣстились тутъ-же, у моихъ ногъ, и не спускали съ меня глазъ, или-же безпре-

станно дергали за пледъ, за полы, показывая то на «désert mort», то на другія далекія пирамиды, на Каиръ, на восходившее солнце.

— У мосье есть на родинѣ жена, дѣти?

— Есть.

— А солнце тамъ у васъ такъ-же всходитъ?

— Такъ-же—только оно ходитъ низко, не надъ головою, какъ у васъ.

— И не грѣетъ?

— Нѣтъ, лѣтомъ печетъ не хуже вашего.

Я закурилъ папироску, извинившись, что не могу всѣмъ имъ предложить это угощеніе. Они сами, впрочемъ, видѣли, что въ моемъ портъ-табакъ осталось всего только три папиросы.

Мои ноги и босыя ноги арабовъ попирали милліоны надписей, сдѣланныхъ на плитахъ всевозможными посѣтителями этого величаваго памятника. Я сталъ ихъ разсматривать. Сколько именъ! Сколько рукъ чертили эти каменныя вершины великана! Сколько столѣтій торчитъ тутъ какое нибудь невѣдомое имя!.. Тотъ, кто чертилъ свое имя, давно забытъ и изъ жалкаго праха его, увлаженнаго дождемъ, давно ростетъ сотое и двухсотое поколѣніе травы и цвѣтовъ, а имя его, вырѣзанное наверху пирамиды, словно вчера нацарапанное, живетъ среди тысячъ другихъ именъ, тутъ-же начертанныхъ, владѣльцы коихъ тоже давно спятъ въ своихъ гробахъ... Какой безконечный списокъ именъ! Какой великій поминальникъ!.

Любезные арабы просили и меня вырѣзать тутъ-же свое имя.

— Всѣ вырѣзываютъ—tout le monde, упрашивали они.

— Пускай вырѣзываетъ tout le monde, а я не стану.

У меня рука не поднималась пачкать эту историческую святыню моимъ жалкимъ именемъ — соединять свое ничтожество съ міровымъ безсмертіемъ, съ величайшимъ на землѣ памятникомъ, который, вѣроятно, перестанетъ существовать развѣ только вмѣстѣ съ нашею планетою... Этотъ памятникъ — геній вѣковъ, безсмертный атомъ творчества человѣческой воли — и на этомъ великомъ атомѣ жалкое имя историческаго ничтожества! Нѣтъ, это претило мнѣ, останавливало мою руку... Пусть бы одни великія, конечно относительно, и безсмертныя, какъ сама земля и пира-

миды, людскія имена вырѣзывались на этомъ великомъ памятникѣ былой жизни жалкаго человѣчества, а то разные пивовары Смиты, суконщики Джоны, Томсоны, всякіе паразиты лорды и эсквайры пачкаютъ ихъ... Жалкія мухи, залетѣвшія на вершину великаго памятника!

Мнѣ припомнились чувства, какія я испытывалъ на вершинѣ Машука, на Кавказѣ, и на вершинѣ Чатырдага, въ Крыму. Что-то другое было въ тѣхъ ощущеніяхъ—тамъ, и въ этихъ—здѣсь, на пирамидѣ. Тамъ во мнѣ было болѣе радостное чувство — чувство духовнаго удовлетворенія, и едва мои ноги вступили на макушку каменнаго Чатырдага, а глазамъ открылся весь Крымъ, какъ блюдечко, съ горами и городами, такими жалкими изъ моего высокаго далека, едва я окинулъ взоромъ всѣ три моря, омывающія этотъ поэтическій полуостровъ, какъ мнѣ тотчасъ-же вспомнились другіе смѣльчаки, восходившіе на Чатырдагъ, и я весело предложилъ моимъ молодымъ спутникамъ выпить по глотку крымскаго вина въ воспоминаніе тѣхъ, которые раньше насъ смотрѣли съ высоты Чатырдага на разстилавшіяся у ногъ ихъ картины и оставили намъ его описанія. Я предложилъ тостъ «за вѣчную и безсмертную память Грибоѣдова, Пушкина, Мицкевича и за здоровье старика-Костомарова», раньше насъ топтавшихъ макушку Палатъ-горы — и мои молодые спутники приняли тостъ восторженно.

Здѣсь, на макушкѣ пирамиды, не то. Здѣсь даже такое громкое, міровое имя, какъ Наполеонъ I съ его безсмертными «сорока вѣками»,—казалось ничтожествомъ... Еще выживетъ-ли само это громкое имя «сорокъ вѣковъ»? А имена тѣхъ, въ честь которыхъ воздвигнуты эти дѣланныя горы, можетъ быть, такія-же старыя, какъ и самъ Крымъ съ Чатырдагомъ,—эти имена уже пережили сорокъ, пятьдесятъ вѣковъ и еще выживутъ безъ сомнѣнія столько-же, если будетъ жива земля, на которой стоятъ ихъ «царственныя могилы».

Недалеко отъ той пирамиды, на которой я теперь находился, высилась, какъ я уже упомянулъ объ этомъ, другая, нѣсколько меньшая первой, но болѣе гладкая, не имѣющая выступовъ въ плитахъ, и потому недоступная для путешественниковъ. Но мои милѣйшіе арабы повѣдали мнѣ, что между ихъ единоплеменниками,

обитающими около пирамидъ, есть такіе смѣльчаки,—числомъ, кажется, не болѣе трехъ,—которые могутъ взбѣжать и на эту вторую гладкую пирамиду, если мнѣ угодно будетъ испытать эту отчаянную смѣлость дѣтей пустыни. При этомъ они указали на сидѣвшаго у моихъ ногъ на корточкахъ черного, ясноглазаго молодца: красивый, невысокій, съ маленькою смоляною бородкою и огненными глазами, арабъ этотъ ласково и съ доброй улыбкой глядѣлъ на мое задумчивое лицо своими прекрасными глазами, какъ-бы говоря ими: «а вѣдь, поди, тебѣ такъ-же дороги твои далекіе снѣга и холодное солнце, какъ намъ дорога наша пустыня съ нашимъ знойнымъ солнцемъ и вотъ этими каменными великанами...»

— Угодно господину видѣть, какъ онъ взойдетъ на вершину вотъ этой пирамиды?

— Нѣтъ, благодарю... Я не могу ждать—мнѣ холодно...

— А у васъ тамъ холоднѣй?

— Да, но не такъ... Здѣсь такой вѣтеръ...

Вѣтеръ дѣйствительно пронизывалъ меня. А давно-ли, еще вчера, я въ Каирѣ изнывалъ отъ зноя!

Я искалъ глазами «воды Мерида» — и не находилъ ихъ: онѣ гдѣ-то выше, тамъ, въ той сторонѣ пустыни. Опять взоръ мой обошелъ всѣ далекіе и близкіе предметы, которые въ состояніи былъ охватить,—и опять сжалось сердце какою-то тоскою... Это тоска по прошломъ—историческая тоска, которая и въ Палестинѣ щемила мое умиленное сердце... Гдѣ-то въ вышинѣ послышался клекотъ орла... Хоть-бы ласточка залетѣла сюда, хоть-бы воробей пропищалъ!

И я опять боюсь взглянуть внизъ, прямо подъ ноги,— вѣдь мнѣ предстоитъ еще обратный путь съ этой высоты... А пора ужь...

Глаза мои опять упали на имя какого-то лорда — другое, третье имя...

Я хочу что-то вспомнить—и не могу... На душѣ и тяжело, и какъ-то радостно, гордо радостно: я вижу и осязаю то, что не всякому суждено видѣть и осязать... А какая даль!

Пирамида, еще пирамида,
И еще, и еще...

Да, вспомнилъ.—Нѣкоторые мои знакомые въ Россіи, узнавъ о

моемъ дерзкомъ намѣреніи посѣтить пирамиды и взобраться на нихъ, просили привезти имъ по камушку *) съ этого перваго изъ «семи чудесъ свѣта», равно какъ и по «вѣткѣ Палестины», когда я буду въ Іерусалимѣ. И вотъ я сталъ отыскивать этихъ камушковъ. Но оказалось, что все, что можно было разобрать и унести съ собой, давно разобрано и разнесено по Англіи, Германіи, Италіи, Франціи, разнесено вонъ тѣми, чьи имена пестрѣли на огромныхъ плитахъ; а отбивать отъ цѣлыхъ камней—напрасный трудъ. На счастье, между расщелинами плитъ я кое-какъ отыскалъ два небольшихъ осколка, а третій арабамъ удалось отломать отъ одного ноздреватаго и менѣе неподатливаго камня. И странно: въ этомъ послѣднемъ кускѣ находится очень много окаменѣлыхъ маленькихъ ракушекъ, величиною съ горошину и даже съ чечевицу. Откуда эти крохотныя раковинки—рѣчныя онѣ или морскія? Я не геологъ и не могу этого рѣшить.

Вѣтеръ все крѣпчалъ. Пора сходить на землю. Я въ послѣдній разъ оглянулся на все, что могъ обнять мой очарованный взоръ... Прощай, мертвая пустыня! Прощай, городъ мертвыхъ! Прощайте, великіе безсмертные мертвецы! Прощайте навѣки—мнѣ больше ужь не видать васъ!

Арабы заговорили о вознагражденіи. Они просили, чтобъ я заплатилъ имъ за трудъ тутъ-же, не сходя съ пирамиды, ибо тамъ, внизу, шейхъ можетъ обидѣть ихъ, если я не награжу ихъ здѣсь.

— Пусть господинъ дастъ намъ, что ему будетъ угодно, и мы тутъ-же, на глазахъ господина, все раздѣлимъ поровну.

---

*) Воропоновъ просилъ привезти ему камень съ верхушки пирамиды Хеопса и охапку «вѣтокъ Палестины»; Пыпинъ—«вѣтку Палестины» и камней отъ «стѣнъ іерихонскихъ»; Костомаровъ и Новицкій требовали достать имъ «дерево анчаръ»; Прохоровъ, за невозможностью добыть изъ Мертваго моря какую-нибудь археологическую вещицу отъ Содома и Гоморры, просилъ привезти для его музея хоть «содомскихъ или мандрагоровыхъ яблокъ» или что-нибудь отъ жены Лотовой, и наконецъ Гайдебуровъ, ввиду появленія въ Россіи множества «Недѣль» («Екатеринбугской», «Московской» и др.), просилъ достать для него «Ерихонскую Недѣлю».

И они указали мнѣ на ясноглазаго смѣльчака, а не на старика, говоря, что этотъ ясноглазый все между ними раздѣлитъ безобидно. Кажется, этотъ ясноглазый пользовался между ними почетомъ, да и глаза его смотрѣли какъ-то особенно, очень осмысленно, и въ движеніяхъ его было больше достоинства и сдержанности. При этомъ арабы пояснили, что шейху надо будетъ заплатить $2^1/_2$ франка за восхожденіе на пирамиду и столько же, если я захочу спуститься потомъ въ катакомбы, что внутри пирамиды.

— И мы будемъ довольны, и господинъ будетъ нами доволенъ, повторяли они нѣсколько разъ.

Я вручилъ ясноглазому одинъ наполеондоръ—и глаза эти еще ярче заблистали довольствомъ и радостью. Всѣ бросились «оказывать мнѣ благодарность» и наперерывъ теребили меня, жали руку, радостно щерили бѣлые зубы, словно дѣти, осчастливленныя прянникомъ.

И было чему радоваться. Обыкновенно за сопровожденіе на пирамиду даютъ каждому изъ провожатыхъ по франку или по шиллингу, а я далъ на семь человѣкъ 20 франковъ—это больше чѣмъ по два франка на черномазое рыло. Вотъ почему добродушныя рыла эти просвѣтлѣли.

Тутъ-же началась дѣлежка. Ясноглазый, спрятавъ подъ бурнусъ мой золотой, выдавалъ каждому соотвѣтственное число имѣвшихся у него наготовѣ серебряныхъ монетъ, предварительно поднося ихъ ко мнѣ на своей загорѣлой ладони. И тутъ я замѣтилъ, какъ господствовала въ этой дѣлежкѣ артельная честность: каждый отклонялъ отъ себя подаваемую ему долю и указывалъ на сосѣда: «ему-де первому, а потомъ ужь мнѣ».

Покончивъ дѣлежку, они просили меня не говорить шейху, сколько я имъ далъ. «Хорошо, хорошо—не скажу»...

Радуются и суетятся вокругъ меня, заглядывая въ глаза, въ ротъ и оказывая величайшіе знаки вниманія и почтенія.

Я началъ спускаться.

— Прощайте!—невольно вырвалось у меня изъ души.—Прощайте, живыя тысячелѣтія!

Со страхомъ ступили мои ноги на ребра первыхъ камней. Я

чувствовалъ, что арабы снова хотятъ овладѣть мною, моими руками, моею волею.

— Laissez moi, eѳіопы!—не трогайте, я самъ сойду!

Оказалось, что спускъ былъ несравненно легче восхожденія. Я спускался съ уступа на уступъ, съ плиты на плиту, словно со стола на столъ—и все ниже и ниже, а моимъ мучителямъ велѣлъ сходить передо мною, не касаясь меня, но такъ, что если я оступлюсь, или оборвусь, или почувствую, что у меня голова кружится,—то чтобъ они могли подхватить меня при паденіи. Они охотно послушались меня, тѣмъ болѣе, что уже успѣли получить «бакшишъ», и усердствовать около меня было нечего. Однако, они добросовѣстно берегли меня, а старикъ продолжалъ повторять: «langsam—doucement—langsam...»

— Мосье! смотрите внизъ—видите?

— Что тамъ?

— Новые путешественники пріѣхали.

— А! тѣмъ лучше.

Я глянулъ внизъ и увидалъ у подножія пирамиды какихъ-то людей, которые копошились словно муравьи—кто въ бѣломъ, кто въ черномъ... Казалось, это понаѣхали барыни; но это были арабы въ своихъ балахонахъ и бѣлыхъ головныхъ уборахъ. Оказалось, что между ними находились и тѣ новые путешественники, которые собирались всходить туда, откуда я уже спускался съ облегченнымъ сердцемъ и съ радостнымъ сознаніемъ того, что осуществилась наконецъ мечта моей юности, что хотя сѣдая голова побывала тамъ, о чемъ столько лѣтъ мечтала голова черная, полная молодыхъ стремленій и грезъ...

Уже на половинѣ моего спуска я встрѣтилъ одного господина, который, цѣпляясь за руки арабовъ-проводниковъ, усердно взбирался туда, откуда я сходилъ. Взглянувъ вверхъ и увидѣвъ меня, онъ улыбнулся мнѣ, любезно привѣтствуя мое первенство въ восхожденіи.

— Bon jour, monsieur! Мой поклонъ вашему первенству.

Я весело поблагодарилъ его, показывая на свою сѣдую бороду.

— Взбирайтесь, взбирайтесь, черная борода! Видите—бѣлая борода уже сходитъ.

Черная борода еще разъ любезно поклонилась мнѣ.

Еще ниже—другой путешественникъ, молодой человѣкъ, тоже съ тремя арабами и живыми цвѣтами въ галстухѣ. И этотъ привѣтствовалъ меня.

Наконецъ, почти у самаго основанія пирамиды—новая жертва пирамидоманіи, настоящая уже жертва: молодая барынька или барышня, черненькая, и—вообразите!—въ современномъ, плотно обтягивающемъ ноги платьѣ... Это на пирамиды-то взбираться съ спутанными ногами!

Я сближаюсь съ ней. Арабы встягиваютъ ее за руки, словно съ креста снимаютъ... Бѣдненькая!—въ лицѣ и страхъ, и оживленіе, и рѣшимость—глаза расширены, блестятъ лихорадочно...

— Place aux dames! командую я своей черномазой свитѣ—и дамѣ уступаютъ дорогу.

Насъ дарятъ милою улыбкою и кивкомъ головы... «Мегçі, monsieur»...

Но не добраться ей дoверху — утѣшится тѣмъ, что хоть посидитъ на ближайшихъ каменныхъ выступахъ и полюбуется пустынною далью, видомъ Каира, степными пальмами.

Наконецъ я сошелъ къ основанію пирамиды, гдѣ ожидалъ меня шейхъ съ толпою любопытныхъ арабовъ изъ ближайшихъ арабскихъ поселковъ. Современный Авраамъ поздравилъ меня съ благополучнымъ восхожденіемъ на этотъ «le monument miraculeux». Я поблагодарилъ его.

— Всѣмъ-ли довольны?

— Всѣмъ доволенъ.

— И провожатыми?

— О, вполнѣ—благодарю!

Я сунулъ въ его черную руку «Луи-Филиппа»—пятифранковую монету—и его патріаршество изволили крѣпко пожать мнѣ руку.

— Пріѣзжайте къ намъ въ другой разъ.

— О, едва-ли—слишкомъ далеко!

— А господинъ откуда?

— Изъ Россіи—изъ Петербурга.

— Изъ Россіи! О, изъ страны льдовъ!

— Да, изъ страны льдовъ и казаковъ.

— О! эти казаки—храбры какъ дьяволы... эта Россія...

Патріархъ смотрѣлъ на меня такими-же изумленными глазами, какъ тѣ египетскіе чиновники въ александрійской таможнѣ, и глаза эти, казалось, говорили: «такъ вотъ какіе русы эти!—вотъ кто сильнѣе самихъ турокъ!..»

Взглянувъ вверхъ на пирамиду, я увидѣлъ копошащіяся тамъ черныя и бѣлыя фигурки... это мои послѣдователи... А вонъ и барышня въ позѣ отчаянія... Не добраться ей, бѣдненькой, доверху...

Я простился съ шейхомъ и въ сопровожденіи моей улыбающейся свиты двинулся по сыпучимъ пескамъ обратно къ экипажу. Фараоны не отставали отъ меня ни на шагъ, постоянно повторяя, что они очень мною довольны.

Негръ-извощикъ, увидавъ меня, весело показалъ мнѣ свои перламутровые зубы и быстро вскочилъ на козлы, красиво драпируясь въ свой безукоризненно бѣлый длинный хитонъ изъ тонкой ткани.

Мои милѣйшіе мучители вновь начали приставать ко мнѣ. Водоносецъ просилъ за воду—и я далъ ему египетскій піастръ. «Le docteur» просилъ за растиранье моихъ колѣнъ—я, смѣясь, ничего ему не далъ, и онъ тоже смѣялся. Другіе просили «на кофе»—не «на чай» и не «на водку», а именно «на кофе»,—«выпьемъ за ваше здоровье». Я и тутъ не далъ, хотя они еще долго бѣжали за мной. Умный ясноглазый, видя наконецъ мою твердость, осклабилъ свои прекрасные зубы и дружески подалъ мнѣ свою жесткую руку.

— Добраго пути въ страну льдовъ и казаковъ!

— Благодарю.

— Bon voyage! Bon voyage!

Мы разстались. Я еще разъ оглянулся на пирамиды, «и еще, и еще»... Въ головѣ моей неустанно звучалъ стихъ:

Пирамида, еще пирамида,
И еще, и еще,—на широкихъ стопахъ
Опершись, поднялися высóко...

Еще недалеко отъ пирамидъ встрѣтилась мнѣ новая коляска

съ двумя путешественниками: одинъ въ такой-же, какъ у меня, «тропической каскѣ» (tropical helmet), другой—въ соломенной съ вуалью. Они направлялись *туда-же*:—вѣдь этотъ путь только и лежитъ къ пирамидамъ.

При солнцѣ уже совсѣмъ другимъ представлялся мнѣ путь, по которому я не безъ страха ѣхалъ ночью: шоссе усажено густолистыми деревьями — кажется, сикоморами; высокіе камыши по обѣимъ сторонамъ дороги; поля съ собраннымъ уже хлѣбомъ—это 20-го мая; цѣлыми скирдами этой египетской пшеницы нагружены выносливыя спины горбатыхъ верблюдовъ, которые дико орутъ, не желая исполнять эту барщину—«египетскую работу»; арапки въ темносинихъ длинныхъ рубахахъ съ кувшинами на головахъ, точно тѣ «полногрудые сфинксы», которые устремляютъ въ степь «гранитное око», по выраженію поэта; босоногіе и почти голенькіе арапчата и юные феллахики съ осликами, гуляющіе верблюды, пережевывающіе жвачку и съ любопытствомъ провожающіе меня своими умными глазами...

А я нѣтъ-нѣтъ да и оглянусь на пирамиды. Мнѣ казалось, что я разстаюсь съ чѣмъ-то живымъ—съ историческимъ величествомъ, которое удостоило допустить меня до себя... Да, это была историческая аудіенція у его пирамидальнаго величества...

А впереди Каиръ, освѣщаемый утреннимъ, но уже палящимъ солнцемъ, желтосѣрыя горы за Ниломъ, башни, мечети, минареты, пальмы, кипарисы—эти восточныя ели, печальные стражи могилъ... Во всемъ этомъ такъ много очарованія!

Темные, точно въ самомъ дѣлѣ печальные вѣстники смерти—эти кипарисы, всегда растущіе на восточныхъ кладбищахъ; граціозные пирамидальные тополи; чудныя, гигантскія пальмы съ волосатыми вершинами; тянущіяся къ голубому небу иглы минаретовъ и дерзко возносящіяся къ этому небу пирамиды—вотъ предметы, которые придаютъ столько чуднаго очарованія Востоку. Пирамиды, кипарисы, тополи, пальмы, минареты—все это какъ будто въ самомъ дѣлѣ рвется къ чудному южному небу, хочетъ дотянуться до знойнаго, безжалостнаго солнца и скрашиваетъ собою другія, неприглядныя стороны Востока...

То, что казалось мнѣ свѣтлою узкою полосою, когда ночью я

ѣхалъ къ пирамидамъ, теперь, при солнцѣ, оказалось Ниломъ, по которому двигались суда. Дальше—загородные дворцы, богатыя дачи въ зелени, а тамъ опять гигантскіе львы, стерегущіе городъ—мостъ черезъ Нилъ—казармы—городъ съ такимъ движеніемъ, до котораго далеко Петербургу... Я въ Каирѣ, въ своемъ отелѣ.

Пирамиды уже за мной. Они составляютъ уже прошедшее въ моей жизни—нѣчто незабываемое въ моемъ «curriculum vitae»...

Что-же впереди?—Впереди еще Палестина, Іерусалимъ, Мертвое море...

И я вновь почувствовалъ непреодолимое желаніе скорѣе быть тамъ, на томъ мѣстѣ, откуда дьяволъ показалъ Христу «вся царствія міра и славу ихъ»...

XIV.

Возвращеніе въ Александрію и отплытіе въ Палестину.

Отдохнувъ послѣ восхожденія на пирамиды, я вспомнилъ, что уже третій день живу въ столицѣ добрыхъ муриновъ безъ всякаго паспорта, и хотя милѣйшіе фараоны не заикнулись даже о какой-либо «прописке» и удовольствовались единственно лишь моей визитной карточкой, однако, памятуя свое дорогое отечество и «страхъ паспортный», я вмѣстѣ съ отельнымъ драгоманомъ отправился отыскивать русское консульство, затерявшееся гдѣ-то на окраинѣ этого африканскаго Вавилона-Мемфиса.

Отыскали. Въ консульствѣ мнѣ сказали, что паспорта моего не присылали изъ Александріи. Что мнѣ оставалось дѣлать?.. Въ странѣ ѳѳіоповъ — и безъ паспорта!.. Иностранецъ — въ столицѣ сфинксовъ и хедива—и «непрописанъ»!.. Вся отечественная паспортная паника вдругъ напала на меня. Но любезные чиновники консульства и здѣсь, какъ и въ Александріи, успокоили меня, сказавъ, что здѣсь, въ благословенной землѣ фараоновъ, никто съ меня паспорта не спроситъ, какъ не спрашиваютъ его съ птицы, летающей поволѣ куда ей хочется, или съ араба, котораго словно вѣтра въ пустынѣ не поймаешь.

Но такъ какъ я все-таки боялся, что въ случаѣ если выѣду отсюда, а паспортъ придетъ сюда изъ Александріи безъ меня, мнѣ нельзя будетъ ѣхать безъ паспорта въ Палестину, а если и можно, какъ это впослѣдствіи оказалось,—то во всякомъ случаѣ нельзя будетъ безъ паспорта возвратиться въ Россію,—то въ консульствѣ мнѣ и посовѣтовали телеграфировать въ александрійское консульство и просить не высылать моего злополучнаго вида въ Каиръ, а оставить его въ Александріи до моего возвращенія.

Я такъ и сдѣлалъ. Я полетѣлъ на телеграфную станцію. Впереди моего экипажа бѣжалъ саисъ-скороходъ, размахивая длиннымъ жезломъ, и хотя я приглашалъ его сѣсть на козлы рядомъ съ кучеромъ-нубійцемъ, саисъ низачто не соглашался лишить свой экипажъ обычной торжественности и продолжалъ бѣжать среди уличной толпы, оглашая ее возгласомъ: «о-а! о-а!»

На площади главнаго сада Эзбекіегъ мы нагоняемъ какую-то процессію. Издали я вижу что-то возвышенное, качающееся, пышно разодѣтое и украшенное развѣвающимися надъ толпою лентами и позументами. Мнѣ кажется, что это наряженный верблюдъ, весь покрытый тканями, тѣмъ болѣе что надъ толпою высилось что-то закрытое покрываломъ, вродѣ длинной шеи и головы верблюда. За нимъ—огромная женская процессія: странныя фигуры, закутанныя въ темныя, сѣро-черныя и сине-полосатыя одѣянія — и всѣ верхомъ на осликахъ, и всѣ что-то громко выкрикиваютъ, не то жалобно, не то радостно, но для европейскаго слуха — дико, потрясающе. По бокамъ — тѣ-же толпы. Впереди — мужчины-арабы. Въ ихъ шествіи видится что-то торжественное, внушающее и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то дикое.

— Что это за процессія? спрашиваю я своего драгомана-египтянина.

— Un araЬe mort.

И я дѣйствительно увидѣлъ гробъ, несомый высоко на рукахъ разряженными арабами и покрытый цвѣтными покровами; надъ передней частью гроба возвышается что-то такое, точно поднятая шея верблюда, все обвѣшанное цвѣтною матеріею, лентами и басонами.

Но мнѣ было не до того, чтобы разсматривать похоронное

шествіе арабовъ въ томъ городѣ, гдѣ когда-то по улицамъ двигались въ торжественныхъ процессіяхъ не такіе гробы съ трупами царей и другими мумiями властителей Египта, препровождаемыми въ ихъ вѣчное успокоеніе — въ катакомбы пирамидъ, и не такія толпы ликующаго и безумствующаго народа, сопровождавшія своего четвероногаго бога съ бѣлою звѣздочкою между рогами: — мнѣ было не до историческихъ воспоминаній—я рисковалъ попасть въ разрядъ безпаспортныхъ.

На телеграфѣ я впопыхахъ настрочилъ было огромную депешу, словъ въ двадцать или болѣе, желая въ ней выразить мое безпаспортное отчаяніе, но любезный телеграфистъ-фараонъ, имя котораго я буду вѣчно вспоминать съ признательностью—имя это *Риванера* (Rivanera)—г. Риванера съ самою милою предупредительностію нетолько сократилъ мое обширное челобитье до десяти словъ, но даже самъ переписалъ его, а мнѣ далъ только подписать.

Оставаться въ Каирѣ мнѣ уже было нечего, тѣмъ болѣе что, съ одной стороны, я осмотрѣлъ въ немъ все достойное вниманія и не желалъ подвергать себя мучительному дѣйствію «хамсина» (самума), котораго тамъ со дня на день ожидали, съ другой— страха ради паспортнаго и непреодолимаго желанія скорѣе перенестись къ «поморію тирскому и сидонскому» — въ область величайшихъ историческихъ воспоминаній и глубокой поэзіи, — и я дорожилъ каждымъ часомъ, который могъ принести мнѣ новое, невиданное. Хотя «радая русская», m-me Romand, желая похвастаться передо мной своимъ новымъ отелемъ, и предлагала осмотрѣть его, но я, предпочитающій камни пирамидъ или какую-нибудь колонну фараоновъ всѣмъ отелямъ въ мірѣ, сталъ тотчасъ же укладываться и въ два часа уже подъѣзжалъ къ станціи каирской желѣзной дороги, торжественно предшествуемый кричащимъ впереди коляски саисомъ-скороходомъ, который сначала чинно сидѣлъ на козлахъ рядомъ съ евіопомъ-кучеромъ, но потомъ не вытерпѣлъ: соскочилъ и помчался по раскаленной мостовой, размахивая длинною палкою и крича встрѣчнымъ и поперечнымъ: «о-а! сагибъ! сагибъ!..» Удивительная жизнь!...

Отъ Каира сначала ѣхалъ со мной въ одномъ вагонѣ какой-то турокъ, въ европейскомъ костюмѣ, но въ фескѣ, и, несмотря на

видимыя неудобства для него этого костюма и слишкомъ узкіе для турка панталоны, все время сидѣлъ на довольно узкомъ кожанномъ диванчикѣ по-восточному — калачикомъ ноги, и на длинной бумажной лентѣ, точно Лепорелло, записывавшій имена возлюбленныхъ Донъ-Жуана, счетомъ «mille e tre»,—тщательно изображалъ карандашемъ, отъ правой руки къ лѣвой, счетъ своимъ расходамъ: вѣроятно, раскошелился въ шумной и заманчивой для провинціала столицѣ Псамметиховъ и Сезострисовъ и теперь старался свести концы съ концами. Такъ какъ я имѣю обыкновеніе въ дорогѣ никогда не заговаривать съ незнакомыми первымъ, да и вообще не люблю болтливыхъ сосѣдей, допытывающихся, куда и зачѣмъ вы ѣдете, есть-ли у васъ жена и дѣти, кто вы такой и подобные судебные вопросы,—то мы всю дорогу, почти до станціи Kafr-el-Zayat, оба благоразумно молчали, и только разъ любезный турокъ предложилъ мнѣ огня для папиросы, сказавъ — «voulez vous, monsieur» — такимъ выговоромъ, какъ-бы онъ спрашивалъ—«а халатъ барынъ хочетъ?» — за что я ему сказалъ стереотипное «merçi, monsieur» и приложилъ руку къ сердцу и головѣ, а въ отвѣтъ получилъ то же самое и въ придачу — бѣлые зубы.

По обѣимъ сторонамъ дороги кипѣла та же муравьиная дѣятельность феллаховъ, дефилировали вьючные верблюды, ослики, кружились у колодцевъ буйволы съ завязанными глазами, бродили по всѣмъ направленіямъ темныя фигуры египтянокъ съ ношами на головахъ, мелькали рощи пальмъ, черныя феллахскія деревеньки съ бѣлыми голубями, кладбища съ маленькими продолговатыми и усѣченными пирамидками, кое-гдѣ желтѣли воды Нила и его рукавовъ, а на шумныхъ станціяхъ неумолчно раздавались голоса дѣтей съ жалобными выкриками: «Майя! эль-майя! Мишь-мишь! Эль-мишь-мишь!»

На одной станціи я видѣлъ, какъ феллахи молотятъ пшеницу. На кругломъ току разложены снопы, а по нимъ ѣдетъ нѣчто вродѣ колесницы на полозьяхъ, везомой парою буйволовъ. На колесницѣ, точно Гекторъ, возсѣдаетъ феллахъ съ бичомъ и погоняетъ буйволовъ. Полозья колесницы положены на толстые катки, которые, кружась вмѣстѣ съ колесницею, перемолачиваютъ пше-

ницу, а вмѣстѣ съ тѣмъ перетираютъ и солому въ труху, въ мелкую полову. Другой феллахъ мѣтлою выравниваетъ этотъ токъ такъ, чтобы снопы попадали подъ самые катки, а не расползались бы по сторонамъ.

На станціи Kafr-el-Zayat, гдѣ я разстался съ моимъ спутникомъ туркомъ, въ вагонъ вошелъ какой-то чернобородый не молодой господинъ, со множествомъ старыхъ саковъ и мѣшковъ, довольно потерто одѣтый, въ старомъ «tropical helmet», но безъ чадры, и обратился ко мнѣ съ итальянской рѣчью—не итальянецъ ли я?—и, получивъ отрицательный отвѣтъ, замолчалъ, иногда лишь съ трудомъ спрашивая меня по-французски, когда мы переѣзжали Нилъ и его рукава: «Нилъ-ли это?»—Видно было, что въ Египтѣ онъ—новичекъ еще болѣе чѣмъ я, хотя иногда и подзывалъ къ окну вагона черномазенькихъ фараонятъ, требуя «майя».

На станціи Damanhour въ нашъ вагонъ вошли еще три пассажира—два по всей видимости изъ египетскихъ турокъ и одинъ, судя по говору, чистый французъ, но всѣ въ фескахъ. По многому можно было заключить, что первые два пассажира принадлежали къ современнымъ культурнымъ египтянамъ, даже къ египетскимъ помѣщикамъ, на которыхъ и работаютъ вонъ тѣ жалкіе, но необыкновенно трудолюбивые феллахи. Помѣщики эти ѣхали изъ своего города—Damanhour имѣетъ видъ стариннаго и обширнаго города—въ Александрію и говорили о поляхъ, о посѣвахъ и урожаяхъ: это—когда они объяснялись между собою по-французски; когда-же разговоръ ихъ переходилъ на фараонскую рѣчь, то, быть можетъ, они разсуждали объ Аписѣ или Клеопатрѣ, а можетъ быть и о романахъ Эберса. Одинъ изъ этихъ помѣщиковъ—вѣроятно потомокъ тѣхъ, которые держали евреевъ когда-то въ ежовыхъ рукавицахъ и морили на египетской работѣ—смотрѣлъ совершеннымъ франтомъ: костюмъ съ иголочки, хорошее бѣлье, выхоленныя руки, во всемъ шикъ—куда нашимъ тамбовскимъ помѣщикамъ!

На послѣдней передъ Александріею станціи сѣли въ нашъ вагонъ еще два египетскихъ франта въ шикарнѣйшихъ европейскихъ костюмахъ. И какъ все это, казалось, не шло къ египетской обстановкѣ, къ этимъ феллахамъ, къ этимъ полуголымъ фараоня-

тамъ, выпискивающимъ свое «el-maia»! Одинъ изъ этихъ новыхъ франтоватыхъ Сезострисовъ имѣлъ на головѣ tropical helmet безъ чадры, и въ рукахъ держалъ четырехъ бѣленькихъ молоденькихъ голубковъ, которые жалобно пищали, ища матери и забираясь въ рукава Сезостриса.

— Qu'est ça? спросилъ французъ изъ Damanhour'a.

— Ces pigeons sont des produits de ma ferme, отвѣчалъ Сезострисъ.

«Ферма», на которой, можетъ быть, работала когда нибудь, конечно очень давно, бабушка или тетка Моисея!

Другой франтъ—я вообразилъ въ немъ потомка Псамметиха—былъ во всемъ сѣромъ, въ сѣрой шляпѣ и въ сѣрыхъ, безукоризненной свѣжести перчаткахъ, съ хорошенькой тросточкой и брелоками на цѣпочкѣ часовъ. Этотъ всю дорогу болталъ по-французски съ франтомъ изъ Damanhour'a о «l'Europe», объ ея «les soldats», «des fusils», «des canons»; но акцентъ этой французской рѣчи былъ таковъ, что такъ и слышалось, какъ египетское горло этого Псамметиха съ дѣтства болѣе привыкло выговаривать: «ты дэвка?—дэти нѣтъ?—хочэшь будутъ дэти?», чѣмъ развязно болтать о «l'Europe» и ея «des soldats».

Въ Александріи я велѣлъ везти себя въ «Hôtel des Messageries», который, какъ я уже зналъ прежде, содержится обязательною m-me Pedège. Я былъ голоденъ какъ константинопольская собака. Хотя поѣздъ пришелъ въ Александрію въ 9-мъ часу, но когда я явился въ отель, то табль-д'отъ еще не кончился, и меня сейчасъ-же пригласили обѣдать. Въ египетскихъ, какъ и въ палестинскихъ отеляхъ, завтракъ обыкновенно бываетъ въ 12 часовъ или въ часъ, а обѣдъ въ 8 часовъ. Я сѣлъ за столъ, за которымъ сидѣло нѣсколько фесокъ и непокрытыхъ европейскихъ головъ. Подавали массу блюдъ, начиная съ обыкновеннаго супа, съ превкусныхъ жареныхъ красненькихъ рыбокъ съ помидорами и перцемъ, вродѣ тѣхъ золотыхъ рыбокъ, что у насъ плаваютъ въ акваріумахъ и въ банкахъ магазиновъ, и кончая «мутонами», «пижонами», роскошными ананасными дынями, свѣжими «эльмишмишами» и настоящими, не фальшивыми бананами. Это именно тотъ бананъ, что растетъ у насъ въ горшкахъ и въ оранжереяхъ.

Этого-то чудища плоды и кушаютъ египтяне, какъ кушала ихъ, вѣроятно, и Клеопатра. Вамъ подносятъ на тарелкѣ огромную зеленую звѣзду изъ длинныхъ рожковъ вмѣсто лучей. Вы отламываете рожокъ или два, и, по снятіи съ нихъ мягкой оболочки, которая сдирается очень легко, находите тамъ нѣкое сладкое содержимое, тоже ввидѣ рожка, длиною вершка въ два и болѣе, очень вкусное—по мнѣнію африканскихъ человѣковъ, но по моему—слишкомъ сладкое, приторное, точно иныя рѣчи. Тутъ-же подаютъ и ананасы, но такими ломтями, на какіе саратовскіе бурлаки рѣжутъ арбузы. Были уже тамъ въ маѣ и арбузы; но это—фи! какъ и косматыя головы кокосовъ, которые продаются на лоткахъ и которые потребляетъ только египетская чернь.

За обѣдомъ я замѣчаю, что что-то ужь очень шумитъ на дворѣ. Неужели это поднялся такой вѣтеръ? Вѣдь когда поѣздъ подходилъ къ Александріи, вѣтра совсѣмъ не было.

— Что это такъ шумитъ? спрашиваю у прислуги. Неужели вѣтеръ?

— Нѣтъ, на дворѣ тихо... Это море...

А! опять оно—это противное фіолетовое море, опять стонетъ... Я, послѣ каирской сухопутной тишины, опять вспомнилъ, что я—за морями, синими, фіолетовыми и черными, и что еще долго придется мнѣ по нимъ носиться, какъ той «вѣткѣ», къ которой поэтъ обращается приблизительно такъ:

«Ахъ ты, вѣтка бѣдная, ты куда плывешь?
Берегись сердитаго моря—пропадешь».

На что вѣтка, махнувъ рукой, отвѣчала:

«Не боюся моря я», вѣткинъ былъ отвѣтъ:
«Я теперь изсохшая—во мнѣ жизни нѣтъ»...

Я-то, положимъ, порядочно уже поизсохшій тѣломъ, не молодой человѣкъ, но жизни-то во мнѣ, пожалуй, столько, сколько и въ «сорока тысячахъ братьевъ» ея не будетъ. Такъ я моря боюсь.

Ночь въ Александріи я провелъ на такой-же, какъ и въ Каирѣ, роскошной Клеопатриной постели и видѣлъ во снѣ все африканское.

Утромъ, выглянувъ въ окно, я увидѣлъ противное море, ко-

торое постоянно наскакивало на пологій берегъ у самаго отеля и опять отскакивало, оставляя на берегу бѣлые клочья пѣны.

Вижу—почти подъ самымъ моимъ окномъ «Café des pyramides», и на вывѣскѣ изображены мои знакомки, эти самыя пирамиды съ сфинксомъ впереди. Еще вчера я на нихъ всходилъ и теперь чувствую боль въ ногахъ выше колѣнъ, какъ бывало это когда-то въ дѣтствѣ послѣ энергическаго катанья на ногахъ по льду втеченіе цѣлаго дня.

Нѣсколько правѣе этого кафе—другое, окачиваемое прибоями моря. На вывѣскѣ его надпись: Καφφενειον η Τερψιθεα — Caffe Tergsitea—и о чудо! передъ нимъ, вдоль галлереи, тщательно огороженные, точно самые драгоцѣнные цвѣты, красуются наши родные подсолнечники! Да какіе жалкіе! Бѣдный подсолнухъ, въ какую попалъ честь въ Африкѣ, точно пророкъ внѣ отечества: подсолнухъ въ странѣ пальмъ, банановъ, невиданныхъ цвѣтовъ и гигантскихъ кактусовъ, служащихъ здѣсь заборами!.. Чего нѣтъ или чего мало—то такъ дорого... По закону контрастовъ, нашъ подсолнухъ сталъ украшеніемъ Александріи, какъ африканскія пальмы, бананы и кактусы—гордость нашихъ европейскихъ цвѣтоводовъ.

А противное море все шумитъ. Вонъ какъ ходятъ по немъ огромные валы съ бѣлыми гривами, вонъ какъ съ массою пѣны налетаютъ на берегъ, все заливаютъ и снова отливаютъ. Опять это красивое, величавое, но для меня ненавистное море ..

Я видѣлъ море, я измѣрилъ
Очами жадными его...

Да, «измѣрилъ»... буду его помнить... А надо опять по немъ ѣхать—только черезъ это проклятое синее пространство можно попасть въ Палестину, въ «поморіе тирское и сидонское», а оттуда воротиться въ Европу; домой, изъ этой земли фараоновъ и евіоповъ, другого пути нѣтъ!

Выхожу въ залу табль-д'ота.

— Café au lait?

— Oui, au lait.

А самъ гляжу на барометръ на стѣнѣ. Стрѣлка стоитъ между beau temps и variable. Трогаю барометръ—стрѣлка клонится къ

variable. Противная пластинка!.. Подхожу къ стѣнной картѣ... О, куда забрался!—далеко будетъ возвращаться... Кипръ, Родосъ, Косъ, Хіосъ, Патмосъ—цѣлая греческая географія!

Пью кофе, а самъ все поглядываю сквозь оконныя рѣшетки (для тѣни) на море. На окнахъ все длинные кувшины въ тѣни и на вѣткѣ—для охлажденія воды. Опять къ картѣ—Портъ-Саидъ, Яффа, Іерусалимъ, Мертвое море...

Подхожу къ газетамъ—«Les Pyramides» (и тутъ пирамиды!): это арабская, въ которой всего двѣнадцать европейскихъ буквъ, именно въ заглавіи; дальше «Moniteur Egyptien»—по-французски, «L'Egypte»—тоже, «La Rèpublique», «L'Jtalie».

Перебираю всѣ газеты—хоть-бы слово о Россіи! точно ея нѣтъ на свѣтѣ, или она потонула гдѣ-нибудь въ фіолетовомъ морѣ... «Чуешь?» хочу крикнуть, какъ Тарасъ Бульба казнимому сыну... Но никто не откликается: «чую, батько»...

Беру «Moniteur Egyptien». Читаю: «Chronique locale. L. L. E. E. les ministres qui s'étaient rendu à Alexandrie jeudi soir, sont de retour au Caire depuis avant hier»... Очень интересно для меня...

Читаю дальше: «Un enfant nouveau-né, du sexe féminin, a été trouvé abandonné au pied d'un arbre de la place de la Citadelle. Le pauvre petit-être a été recueilli par l'assistance publique et transporté á l'hôpitale. La police est à la recherche de ce lache et barbare abandon».

Бѣдная, погибшая, но милая Клеопатра! Бѣдное брошенное фараонятко, точно маленькій Моисей, только не въ корзинкѣ, и прибранное не дочерью Фараона-царя, а полиціею...

Тутъ и египетское нравоученіе: «Il ne faut désespérer de rien, voici que les enfants eux-mêmes se mettent à jouer du couteau entre eux». И разсказывается, какъ два египтёнка играли въ «мишмишь»—и игра-то египетская!—и одинъ египтёнокъ поранилъ ножемъ другого.

Потомъ «Тунисъ»... Ну, Тунисомъ, какъ видно, египтяне особенно интересуются: ужь очень близко отъ нихъ эта сердитая страна.

Но меня больше интересуетъ Палестина.

— Есть у васъ—обращаюсь къ метръ-д'отелю—росписаніе отхода пароходовъ?

— Есть, отвѣчаютъ. А куда вамъ угодно ѣхать?

— Въ Яффу.

— О, Жаффа... Пожалуйте—здѣсь.

На лѣстницѣ-галереѣ, гдѣ развѣшены ключи отъ нумеровъ отеля, на остріе мѣднаго шпенька воткнуты разныя объявленія. Есть и объявленія объ отходѣ въ Яффу пароходовъ—одного французскаго, другого австро-венгерскаго «Ллойда». Французскій пароходъ—300 силъ; австрійскій—неизвѣстно сколько. Меня смущаетъ эта неизвѣстность величины парохода. Французскій—300 силъ—это такой почтенный, сильный пароходище. А каковъ австрійскій?—Но послѣдній отходитъ днемъ раньше. А меня уже давитъ эта жизнь въ еѳіопской землѣ—все это уже приглядѣлось, надоѣдаетъ, особенно при абсолютномъ одиночествѣ.

Но надо прежде отыскать свой паспортъ. Онъ репьемъ сидитъ у меня на памяти... Отправляюсь искать консульство, въ которомъ я хотя и былъ, но улицу забылъ—помнилъ только приблизительно, такъ сказать, топографически. Поищу—думаю—самъ, потолкаюсь по городу. А расположеніе улицъ здѣсь еще безтолковѣе, чѣмъ въ бѣлокаменной.

Схожу съ лѣстницы—ба! не могу... Точно кто пальмовыми палками избилъ мои ноги выше колѣнъ: малѣйшее движеніе ногой внизъ—боль ужаснѣйшая, хотя движеніе вверхъ легче. Такъ вотъ они гдѣ сидятъ, пирамиды-то! Не колѣна, значитъ, слѣдовало растирать, какъ это дѣлалъ арабъ-«докторъ» на пирамидѣ, прося меня больше вытягивать ноги и теребя мои колѣнки, а выше.

Кое-какъ сошелъ я съ лѣстницы и двигался уже, почти не сгибая ногъ отъ боли и ступая какъ-то странно, точно подагрикъ или параличный. Буду помнить пирамиды!.. Мнѣ кажется, чтобы скорѣе вылечить ноги, слѣдовало вторично взобраться на Хеопса, — клинъ клиномъ... Но—ужь мнѣ ихъ не видать вторично, хоть добрая m-me Romand, «радая русская», и желала меня принять въ своемъ новомъ отелѣ, когда онъ откроется... Нѣтъ ужь—прощайте, каирскіе «бородѣтельные «саисы», прощайте, орлы пустыни, прощайте,

«вѣчно чуждый тѣни—желтый Нилъ» и омываемыя тобою «царственныя могилы»—прощайте! Я васъ не увижу болѣе.

Брожу, ищу, слоняюсь изъ улицы въ улицу, ищу русскаго двуглаваго орла у подъѣзда—нѣтъ орла! Вездѣ пристаютъ фараонки съ дѣтьми на рукахъ. По моему tropical-helmet'у узнаютъ, что путешественникъ,—и пристаютъ. А я не хотѣлъ надѣвать фески, отправляясь въ консульство. Пріученые фараонята, годовъ двухъ-трехъ, пищатъ за вами и ласково, дѣтскою рученкою треплятъ васъ по плечу, просятъ—ну, невольно и сунешь ему піастръ. Послѣ этого бѣда: опять идетъ за тобою черномазая мамаша, кутая лицо, чтобъ не узнали. Но узнаешь—и отказываешь. Она пускается на хитрости. Увидитъ подобныхъ себѣ сфинксовъ и передаетъ имъ, что вонъ этотъ-де франкъ съ сѣдою бородой даетъ бакшиши. И опять за вами тихое «саибъ», и опять слѣдуетъ за вами тѣнью черномазый сфинксъ съ маленькимъ на рукахъ сфинксенкомъ.

Ищу-ищу консульства—нѣтъ его: заплутался! Спрашивать не у кого—никто не понимаетъ человѣческихъ языковъ. Въ Каирѣ я присмотрѣлся къ полицейскимъ и зналъ ихъ форму, но здѣсь не успѣлъ еще ихъ узнать. Но вотъ по безпечнѣйшему виду одного ротозѣя въ синемъ мундирѣ и фескѣ, свертывающаго себѣ рулетку изъ табаку, догадываюсь, что это должно быть полицейскій. Спрашиваю—полицейскій-ли онъ. Смотритъ, выпуча глаза съ своими огромными бѣлками,—и не отвѣчаетъ. Я спрашиваю вторично, но уже не на французскомъ, а на какомъ-то вавилонскомъ нарѣчіи:

— Полисманъ, выговариваетъ онъ.

— Гдѣ—спрашиваю—consulat russe?

Хлопаетъ бѣлками.

— Consulat russe, повторяю.

— Русъ... русъ... Видимо не знаетъ.

— Ну—consulat Moscou?

— А! Moscou!

И опять не знаетъ—спрашиваетъ у «саиса», у извозчика: лопочутъ что-то по-еѳіопски... Тотъ тычетъ рукой въ пространство. «Moscou, Moscou»—и оглядываютъ меня какъ тигра въ клѣткѣ, но добродушно, съ участіемъ.

Подвертывается неопредѣленная личность и говоритъ на неопредѣленномъ языкѣ. Но я хорошо понимаю, что ему хочется сорвать съ «франка» хоть какой-нибудь клокъ шерсти—«бакшишъ»: доведу-де. Я махнулъ рукой и пошелъ дальше. Разсматриваю у букиниста книжки, газеты. А! знакомая—«Les pyramides»... Иду дальше. Опять полицейскій.

— Consulat russe?

Этотъ смотритъ осмысленно, соображаетъ...

— Консуля русъ... скондъ ру...

И показываетъ лѣвой рукой влѣво. Ну, этотъ хоть и говоритъ «ру», да говоритъ дѣльно... Точно, помню—влѣво... Умный евіопъ!

Отыскалъ орла. Вхожу на лѣстницу. Старый-престарый турчинъ или фараонъ что-то бормочетъ мнѣ. Я отвѣчаю: consulat russe. Фараонъ отрицательно качаетъ головой и что-то непонятное лепечетъ. Я все-таки поднимаюсь наверхъ, къ двери консульства—заперта. Звоню—нѣтъ отвѣта. Возвращаюсь назадъ; старый фараонъ идетъ ко мнѣ и отпираетъ дверь консульства. Вхожу—все фараоны и турки наголо—никакого образа человѣческаго; но отвѣчаютъ по-французски, что драгоманъ скоро придетъ. Я вхожу въ знакомую уже мнѣ комнату консульства и спрашиваю—можно-ли курить? Мнѣ любезно подаютъ спички и пепельницу. Сижу, курю, жду... Изъ корридора выходитъ невѣдомый африканскій человѣкъ въ котурнахъ т.-е. на однихъ деревянныхъ подошвахъ съ ремнями для удержанія подошвъ на ногахъ — на-босу ногу—и проситъ пожаловать въ корридоръ. Иду. Въ дверь просовывается голова.

— Pardon, monsieur.

Вижу—человѣкъ въ костюмѣ—какъ-бы сказать правильнѣе?—въ африканскомъ костюмѣ или въ одеждѣ сыновъ Нубіи, ибо знойно, точно въ Саратовѣ или въ Царицынѣ... Видна голова, грудь сфинкса и снизу—африканская нагота... Узнаю милѣйшаго и обязательнѣйшаго изъ консуловъ—г. Свиларича.

— Pardon, monsieur... très-chaud...

Извиняется—говоритъ, что получилъ мою телеграму и удержалъ паспортъ, но что сегодня никого нѣтъ въ консульствѣ—grande fête.

— Какой праздникъ?

— Вознесеніе...

А я и забылъ—потерялъ счетъ своимъ праздникамъ... Такъ сегодня Вознесенье—и гдѣ же я встрѣчаю этотъ русскій праздникъ?—въ Африкѣ... А мнѣ казалось, что вчера было 21-е мая—я такъ и на письмѣ помѣтилъ... Что-то теперь въ Россіи?..

Любезный Свиларичъ выходитъ самъ въ канцелярію, извиняясь, что онъ одѣтъ какъ «африканка», только не въ барсовой шкурѣ, какъ я видѣлъ «Африканку» въ театрѣ, а въ болѣе легкихъ тканяхъ, визируетъ мой злополучный паспортъ—«bon pour Iaffa»—и выдаетъ мнѣ его.

Я, счастливый, быстро раскланиваюсь и убѣгаю, вручаю на лѣстницѣ бакшишъ старому фараону, въ торопливости теряю изъ кармана на улицѣ запасныя очки, купленныя въ Константинополѣ у башни Галаты, бросаю въ чашечку слѣпому египтянину піастръ и вдругъ слышу за собой женскій голосъ: «pardon, monsieur!»—Оглядываюсь—европейка, брюнеточка, подаетъ мнѣ мой футляръ съ очками. Я разсыпаюсь въ благодарностяхъ—и съ легкимъ сердцемъ начинаю фланировать по городу, благо паспортъ въ карманѣ; а безъ паспорта у насъ на милой родинѣ «не похвалятъ» — «у насъ-де изъ эстого строго», думаю себѣ, — и все-таки хочу на родину, туда, вонъ за это фіолетовое море...

— Саибъ... саибъ, пристаютъ саисы съ своими осликами.

— Саибъ, саибъ! вторятъ имъ чистильщики сапогъ и закутанныя во все черное женщины съ фараонятами на рукахъ.

Движеніе въ Александріи, какъ и въ Каирѣ—просто бѣшеное, невообразимое, можетъ быть отчасти вслѣдствіе сравнительной скученности населенія и тѣсноты улицъ. Одна пестрота этого снующаго и кричащаго люда—этихъ арабовъ, коптовъ, феллаховъ, мамелюковъ, всякаго невиданнаго африканскаго и азіятскаго бабья, и тутъ-же—европейцевъ, полуевропейцевъ и европеекъ всѣхъ націй, и бѣлыхъ до изящества и прозрачности, и прелестно смуглыхъ, и бронзированныхъ африканскимъ солнцемъ — одна эта адская и въ то-же время чарующая пестрота и всевозможные орущіе и гамящіе «языцы» могутъ довести непривычнаго или сла-

бонервнаго до головокруженія. И среди этой дьявольщины—совершенно европейскіе, самые модные костюмы женщинъ, барышень, дѣвочекъ... Какое дѣвочекъ! Тутъ и дѣвочки, какъ бананы, ростутъ и зрѣютъ на солнцѣ новообразимо скоро. Едва ей перевалило за десять годковъ или даже не довалило, а ужь вы видите, что груди, плечи и бедра развиты у нея совсѣмъ, и все это смотритъ здорово, крѣпко, точно наливное, такъ что и ущипнуть нигдѣ нельзя... Гдѣ ущипнуть! платье, кажется, такъ вотъ и лопнетъ по шву. Глядя на эти зрѣлыя ягоды Африки, такъ и хочется повторить безсмертное четверостишіе безсмертнаго Осипа Максимовича Бодянскаго, написанное имъ въ альбомъ одной молодой украинкѣ:

Твоі білі щочки
Кровію налиті,
Твоі повні груди
Молокомъ набиті!

А тутъ вы наталкиваетесь на труппу странствующихъ музыкантовъ. Но не думайте, чтобы это было что-нибудь похожее на то, что вы видѣли въ Европѣ; нѣтъ—это опять нѣчто дикое, адское: это бѣшено барабанятъ, свистятъ и пищатъ тѣ самые еѳіопы, которыхъ изображаютъ у насъ на картинахъ «страшнаго суда» въ видѣ чертей съ рогами и хвостами. А за этой адской музыкой—толпы другихъ еѳіоповъ, бѣснующихся отъ восторга.

Пробродивъ и проѣздивъ весь день по городу и за городомъ, испробовавъ даже ѣзду на верблюдахъ,—ѣзду, которая по своей качкѣ, напоминаетъ морскую качку, отчего можетъ быть верблюда и назвали «кораблемъ пустыни»,—накупивъ разныхъ фотографическихъ видовъ Египта и гипсовыхъ моделей колонны Помпея, запасшись для дальнѣйшаго плаванія къ святымъ мѣстамъ разными грѣшными предметами, какъ-то спичками и папиросами съ пирамидами, верблюдами и аистами на этикеткахъ,— я вечеромъ сидѣлъ на бульварѣ площади Консуловъ и слушалъ военную египетскую музыку. Даже музыка каждой своей нотой напоминала вамъ, что вы далеко отъ Европы, и только разъ, подъ конецъ, изъ кіоска раздались знакомые звуки... Это Оффенбахъ... Я точно разомъ очутился гдѣ-нибудь въ «Аркадіи», но не въ той, гдѣ

родился «аркадскій принцъ», а въ той, что въ Новой Деревнѣ... О, великій Оффенбахъ! твою музыку слушаютъ «сорокъ вѣковъ»...

На другой день, т.-е. на третій послѣ моего пріѣзда изъ Каира, я уже стоялъ на ютѣ парохода «Saturno», австро-венгерскаго «Ллойда», и, глядя на удаляющуюся въ туманную даль столицу Фараоновъ и Псамметиховъ, отъ которой уносили меня фіолетовыя, казалось позеленѣвшія отъ злости волны ненавистнаго мнѣ моря,—невольно припоминалъ себѣ геніальный стихъ Байрона въ «Чайльдъ-Гарольдѣ»:

Волнуйся-же, глубокій океанъ!
Хотя скользятъ надъ бездною твоею
Тьмы кораблей и флоты разныхъ странъ,
Но человѣкъ не властвуетъ надъ нею.
Лишь землю онъ руинами покрылъ,
Но берегъ твой—предѣлъ его владѣній;
Онъ водъ твоихъ себѣ не покорилъ,
Въ нихъ нѣтъ слѣда его опустошеній;
Лишь самъ порой въ нихъ гибнетъ онъ, когда
На глубинѣ, съ послѣднимъ слабымъ стономъ,
Исчезнетъ вдругъ, какъ капля, безъ слѣда,
Охваченный твоимъ холоднымъ лономъ.
Его слѣдовъ нѣтъ на твоихъ путяхъ,
Твоихъ равнинъ испортить онъ не можетъ:
Его встряхнешь ты на своихъ волнахъ—
И твой порывъ ту силу уничтожитъ,
Которой онъ владѣетъ для того,
Чтобъ на землѣ творить опустошенье.
Что жалкое могущество его
И жалкая надежда на спасенье?
У пристани онъ былъ, но къ облакамъ
Подбросилъ ты его волной сердитой
И выкинулъ на берегъ; пусть-же тамъ
Корабль его лежитъ, въ куски разбитый.
Имперіи по берегамъ твоимъ
Могуществомъ цвѣли и разрушались.
Ассирія, и Греція, и Римъ,
И Карѳагенъ... куда они дѣвались?
Ты видѣлъ ихъ и въ славѣ, и въ цѣпяхъ,
И омывалъ въ дни блеска и паденья;
Но та же жизнь кипитъ въ твоихъ волнахъ,
Все тотъ-же ты, какимъ былъ въ день творенья;

Полетъ временъ все старитъ наземлѣ,
Онъ превратилъ имперіи въ руины,
Но на твоемъ сіяющемъ челѣ
Онъ ни одной не наложилъ морщины...

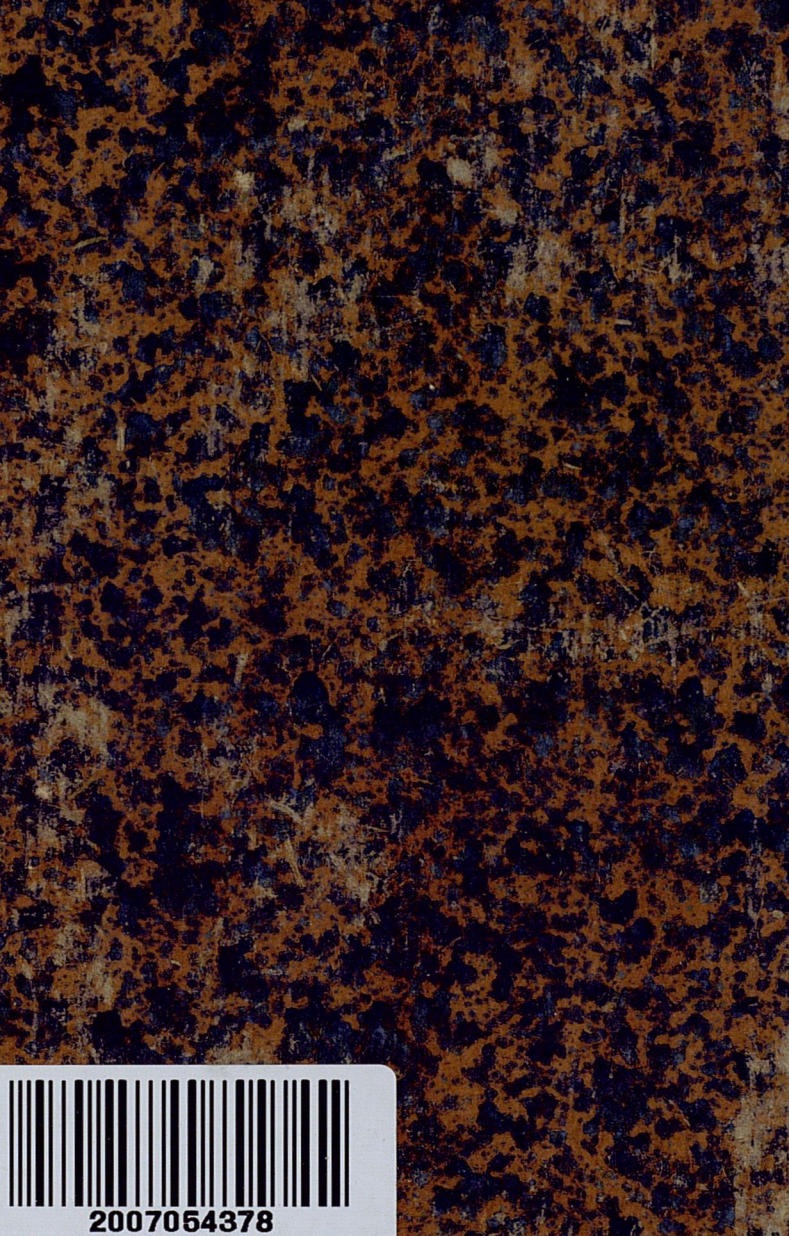
О! какъ я ненавидѣлъ его въ эту минуту и боялся...

Но онъ все далѣе и далѣе уносилъ меня отъ тѣхъ мѣстъ, при видѣ которыхъ неразъ трепетало мое сердце умиленіемъ или сжималось тоскою, и несъ къ другимъ мѣстамъ, которыя втеченіе тысячелѣтій составляли какъ-бы самое сердце вселенной и служили источникомъ величайшихъ проявленій на землѣ духа человѣческаго.

Прощай, царство Сезострисовъ и Фараоновъ, «полётомъ временъ превращенное въ руины!» Я тебя не увижу больше...

12ч
2

Ц. 1 р. 20 к.


2007054378